

© Петербургское библиотечное
общество, 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 575 70 66
e-mail: pbo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал “Петербургская библиотечная
школа” обязательна

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Отпечатано в ООП Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Тираж 100 экз. Зак. № 31

Номер подписан в печать 29.03.2017 г.

Из истории библиотек

- Скворцова О.В., Клементьев А.К.**
Библиотека Спасо-Преображенского
Валаамского монастыря в Финляндии
в 1933–1939 годах (состав и изучение
фондов) 3
- Соболев В.С.** Из истории частных
библиотек в России (по материалам
журнала «Отечественные записки»
за 1820 год) 20
- Белова Л.Б., Ефимова Н.А.** Записки
на рукописных книгах Архангельского
собрания БАН 24

Научные исследования

- Андреева Н.С.** Франческо Альгаротти
и его «Путешествие в Россию»:
истории одной книги 32
- Вознесенская И.А.** Подносной
экземпляр трактата «О народном
просвещении и правосудии» Михайлы
Аврамова из собрания БАН 37
- Высоцкая С.В.** Издания чрезвычайной
следственной комиссии для
расследования нарушений законов
и обычаев войны и их
библиографическое отражение 42
- Омельченко Д.М.** Рерихи и их идейное
наследие в систематическом каталоге
БАН 50
- Панченко Ф.В.** К истории русского
монашества на Святой земле в середине
XIX века. (Рукопись архимандрита
Арсения) 58
- Скрыдлов А.Ю.** Книга И.К. Кирилова
«Цветущее состояние Всероссийского
государства». (К 290-летию создания
рукописи) 65
- Фиалко М.М.** Четыре портрета
месмеризма эпохи расцвета.
(Об одном конволюте из собрания
Н.А. Кушелева-Безбородко в фондах
редкой книги НИОРК БАН) 71

Президент ПБО

Чалова З.В.

Главный редактор

Леонов В.П.

Редакционная коллегия

Басов С.А.

Батюто С.А.

Колтакова Н.В.

Рудая З.А.

Холмогорова О.В.

Технический редактор

Томина М.В.

В оформлении обложки использован
рисунок *Кульматовой Т.В.*

Юсупов Р.М., Вус М.А.

О государственной тайне: история и
современность 77

Люди и книги

Батюто С.А. Ферапонт Иванович
Седенко (Витязев) (1886–1938): штрихи
к биографии известного революционера,
исследователя, библиографа,
библиофила и издателя..... 82

**Бекжанова Н.В., Комарова И.Н.,
Лазуркина В.Б.** Римма Дмитриевна
Масловец (1932–1995)..... 94

Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова
в формировании Е.В. Гогель как
крупного библиотечного работника....103
Самара Л.О. Руководители Кабинета
библиотековедения БАН
(1955–2015).....109

Восток и книга

Донских В.В. Ретроспективный
библиографический указатель
христианской книги на индийских
языках XVI–XVII веков.....119

Киселёв А.А. Сравнение частотной
лексики поэзии Мацуо Басё и антологии
«Сто стихотворений ста поэтов»126

Кнорозова Е.Ю. Буддизм и ранние
вьетнамские библиотеки131

Семёнова А.С. Обзор монографии
«Японские книги из коллекции
фон Зибольда. Каталог и дальнейшие
исследования»138

Рецензия

Баженова Н.М. Научная рецензия
на рукопись библиографического
указателя «Христианская книга
на индийских языках XVI–XVII веков:
Ретроспективный библиографический
указатель»141

Приложение к журналу144

БИБЛИОТЕКА СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ВАЛААМСКОГО МОНАСТЫРЯ В ФИНЛЯНДИИ В 1933–1939 ГОДАХ

(Состав и изучение фондов)

АННОТАЦИЯ

В статье впервые публикуется на русском языке текст отчёта о фонде библиотеки Спасо-Преображенского мужского монастыря на о. Валаам в Финляндии, составленный известным славистом Марией Виднэс летом 1939 г. Во время событий Зимней войны 1939/40 г. большая часть фондов библиотеки была перемещена с острова вглубь территории Финляндии, и Валаамская библиотека в прежнем своём виде перестала существовать. Публикуемый отчёт даёт представление о составе основного фонда библиотеки до 1939 г.

Ключевые слова: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь в Финляндии, 1933–1939 гг., Библиотека, изучения состава фондов, Иувиан Краснопёров, Мария Борисовна Виднэс.

Публикуемое описание предварительного обследования Валаамской монастырской библиотеки было составлено Марией Виднэс по результатам полуторамесячной работы, проведённой ею летом 1939 г. Оригинальный текст этого отчёта на шведском языке был напечатан ею тогда же [1] и стал первой заметной работой известного впоследствии учёного [2]. Как можно заключить из сохранившихся свидетельств, автор намеревалась всерьёз заняться исследованием истории формирования этой библиотеки, но начавшиеся в последний день ноября 1939 г. военные действия между СССР и Финляндией, последующая эвакуация монастырской братии вглубь страны и утрата части книжного собрания (правда, наименее ценной и интересной для исследователя части его) не способствовали этому. Тогда же автор, вероятно, следуя пожеланию игумена монастыря архимандрита Харитона Дунаева, самостоятельно перевела свою работу на русский язык. По одному из машинописных экземпляров этого перевода, подписанному автором, мы и публикуем — впервые на русском языке — это исследование Марии Виднэс.

Работа М. Виднэс смогла быть проведена успешно в столь краткие сроки лишь в силу того, что ко времени её приезда на остров книги монастырской библиотеки были уже систематизированы монахом Иувианом Краснопёровым и пребывали в должном порядке, а само помещение Библиотеки было достаточно обустроено для хранения и использования литературы. Систематизация эта проводилась ещё в 1933 г., и фрагмент «Состояние монастырской библиотеки» отчёта монаха Иувиана о проделанных тогда работах предваряет собою текст Марии Виднэс и также публикуется впервые. Более подробное обследование фондов библиотеки с определением приблизительного процентного состава тематического её наполнения было произведено, по-видимому, тем же о. Иувианом в 1937 г., но сохранилось в виде «Отчета о состоянии библиотеки Валаамского монастыря» за подписью игумена Харитона Дунаева.

Надо полагать, что и занятия М. Виднэс в определённой степени направлял тот же о. Иувиан. Во всяком случае, сразу по возвращении из монастыря, она именно его благодарила за оказанную помощь:

«Не знаю, как и выразить Вам мою признательность за то огромное терпение, с которым Вы — обременённый в то же время и другими трудами — разыскивали интересовавшие меня издания в Вашей чрезвычайно ценной библиотеке. Сердечно благодарю Вас за Ваше содействие, благодаря которому удалось устроить фотографирование их» [3].

Почти сразу и, по-видимому, именно вследствие поездки сотрудницы Русского отдела Университетской библиотеки Гельсингфорса на остров возникает своеобразный «книгообмен» между двумя библиотеками — из столицы на остров посылают во временное пользование нужные для работы книги (в основном, для о. Иувиана Краснопёрова), а монастырь дарит Университету литературу из своего не маленького книжного склада (это были, как пока представляется на основании сохранившихся документов, издания самого Валаамского монастыря прежних лет).

«Просим Вас принять нашу глубокую благодарность за огромное количество книг, которые Вы были так добры прислать нам. Они всегда будут полезны, но некоторые пришли очень кстати, так как содержали сведения, которые нам как раз теперь были нужны. Большое Вам спасибо за них, — писал 8 августа 1939 г. отец Марии Виднэс, бывший Вазаский и Нюландский губернатор генерал-майор Борис Андреевич Виднэс, вместе с дочерью посетивший остров. — Очень прошу Вас извинить меня за то, что я Вас называл неправильно. Я глуховат и не расслышал вашего имени, которое такое редкое; — сознаюсь, что никогда раньше и не слышал такого. Простите меня великодушно.

Крайне сожалею, что в Университетской Библиотеке не оказалось тех “Церковных Ведомостей”, которые Вам желательно было получить.

Весьма интересно будет познакомиться с делом о посещении Вел. Кн. Д.[имитрием] К.[онстантиновичем] Валаамской обители, когда приеду следующий раз, а пока еще раз благодарю Вас

за всё сделанное для нас и желаю Вам здоровья и всего лучшего.

Искренне Вас уважающий и глубоко благодарный Вам

Б. Виднэс

Что же касается фотографий, то, если их также трудно снимать как первую, — прошу их пока не снимать» [4]. Однако уже 22 августа о. Иувиан сообщил: «Ваше Превосходительство <...>. Наш фотограф просил передать вам ещё одну фотографию в 2 экз., при этом он извиняется, что так медленно исполняет ваш заказ. Причина кроется в том, что он часто прихварывает, кроме того у него в данное время ремонт в келлии, но это препятствует исполнению заказа. К вашему вторичному приезду на Валаам он обещает весь заказ выполнить» [5].

За короткое время пребывания на острове М. Виднэс успела осуществить лишь поверхностный просмотр книжного собрания: «Во время нашего пребывания на Валааме я, к сожалению, не успела обратить должного внимания на состав каталога Вашей библиотеки. Поэтому я была бы Вам очень благодарна, глубоко уважаемый Отец Иувиан, если бы нашли возможным прислать мне // краткий перечень содержания “глав” Вашего каталога», — просила М. Виднэс 8 августа 1939 г. [6] На этот запрос монах Иувиан сообщил: «Из архива монастырской библиотеки видно, что описи её книг были составляемы в следующие годы: 1830–1838; 1847 — по №№ описи сего года указаны книги и рукописи, перечисленные в полном описании Валаамского монастыря, откуда и Вами были позаимствованы сведения; 1853; 1864; 1884–1889 и 1910 гг.

Из этих шести описей каталоги 1864 и 1910 гг. были составлены по форме, рекомендованной в своё время Российским св. синодом, а потому эти два каталога наиболее верны.

Для книг, состоящих в постоянном пользовании братии, составлена в 1911 г. т<ак> н<азываемая> реестровая опись, заключающая в себе также 19 глав.

Последние два каталога 1910 и 1911 гг., как и предыдущие описи, составлены в систематическом порядке, нет к ним алфавитного указателя, что очень затрудняет пользование сими каталогами.

Приснопамятный игумен о. Дамаскин был собирателем и хранителем монастырской библиотеки, верным его сотрудником в этом деле был иеромонах Амвросий, в схиме Антипа. В конце своей жизни о. Дамаскин решил устроить особый корпус для библиотеки и ризницы, что и было исполнено уже после кончины о. Дамаскина в 1883 году. <...>

В это время особенно потрудился для благоустройства библиотеки столь же приснопамятный иеросхимонах о. Антипа: по его чертежам и рисункам были сделаны специальные шкафы, сам он их расставлял, устанавливал в них книги, почти всё это совершалось им с великой любовью, тщательностью и затем, по собственному почину, составил каталог, последний факт я говорю предположительно, т<ак> к<ак> не имел ещё возможности просмотреть каталог 1884–89 гг.

Теперь милости просим вторично посетить нашу обитель и более обстоятельно ознакомиться с монастырём <и> его библиотекою, ризницею и другими примечательностями» [7].

Однако уже 17 августа 1939 г. М. Виднэс, благодаря о. Иувиана «за присылку фотографий с Евхологиона 1689 года (эта фотография воспроизведена в статье. — О. С., А. К.), который является в настоящее время весьма редким изданием», уведомила, что не видит «сейчас возможности вновь посетить Валаамскую библиотеку, т.к. мне необходимо по моему делу прежде видеться с одним библиотечным представителем, который сейчас находится в отпуску, говорят, до первого сентября, почему придется, как не жалко, отложить мою поездку» [8].

Посылка книг из запасов Валаамского книжного склада генерал-майору

Б. Виднэсу, по-видимому, сопровождалась и посылкою каких-то книг в дар Университетской библиотеке. 9 октября 1939 г. М. Виднэс благодарила о. Иувиана «за книги, присланные Вами в дар Университетской библиотеке и списки Валаамских изданий. Я передала книги и списки заведующему русским отделом, библиотекарю магистру Эдвину Густавовичу Бэкману, который выделил часть их, предназначенную для отдела “Фенника” главной университетской библиотеки» [9].

20 октября М. Виднэс благодарила о. Иувиана «за присылку оставшихся фотографий» [10]¹.

24 октября 1939 г. Э. Бэкман с благодарностью извещал о. Иувиана «о принятии нашей библиотекой пожертвованных Вами книг» [11], а следующим от того же числа письмом уже официально обращался от имени администрации Русского отдела Университетской библиотеки в Гельсингфорсе к игумену Харитону:

«Русскому отделу Гельсингфорской Университетской библиотеки стало известно, что Валаамский монастырь, располагая складом изданий, касающихся истории и быта Валаамского монастыря, не отказался бы предоставить в распоряжение Университетской библиотеки по одному экземпляру таковых изданий, недостающих в наших собраниях.

Ввиду сего имею честь настоящим обратиться к Вашему благосклонному содействию для получения этой для нашей библиотеки ценной литературы. В сих видах препровождаем Вам список книг, изданных Валаамским монастырём на русском языке, отпечатанных в России, с покорнейшей просьбой не отказать переслать нам по этому списку по одному экземпляру всех книг, не снабженных отметкою “есть”» [12].

Обращение это, видимо, нашло отклик, потому что 8 ноября 1939 г. М. Виднэс благодарила о. Иувиана «за любезное

¹ Письмо М. Виднэс монаху Иувиану Краснопёрову от 20 октября 1939 г. (Там же. Указано, что о. Иувиан ответил 24 октября 1939 г.).

обещание Отца Игумена в свое время выслать библиотеке недостающие у нас Валаамские издания» [13]. На следующий день, 9 ноября, генерал-майор Б.А. Виднэс в письме монаху Иувиану благодарил о. игумена «за привет и приглашение посетить Вашу святую обитель летом будущего года. Надеюсь, что обстоятельства сложатся так, что это посещение действительно сможет осуществиться. Как всех, побывавших у Вас, нас тянет опять на Валаам, тем более, что для моей дочери там нашлось так много интересного по её части» [14].

Начавшееся военное противостояние СССР и Финляндии не привело к полному прекращению общения двух библиотек.

2 апреля 1941 г. Э.Г. Бэкман благодарил м. Иувиана «за присланный <...> ценный материал по истории Валаамского монастыря, а также за Ваше любезное обещание и впредь поделиться <sic!> этим материалом с нашей библиотекой» [15].

Стоит отметить, что к этому моменту монастырь уже год, как был эвакуирован с острова; вывезенную в большей своей части Библиотеку монах Иувиан почти сразу начал заново каталогизировать и приспособлять к размещению на новом месте, но даже в этих условиях обитель продолжала делиться излишками книг, часть из которых удалось эвакуировать в достаточно большом количестве экземпляров. 1 мая 1942 г. М. Виднэс извещала о. Иувиана о том, «что вообще Валаамских изданий в Славянском Отделе Гельсингфорской Библиотеки было чрезвычайно мало, так что всё, что Вы пожелали бы прислать туда, Э<двином> Г<уставовичем> наверно было бы принято с радостью и большой благодарностью» [16]. Сама М. Виднэс в это время пребывала в командировке в занятом финляндской армией Петрозаводске, где занималась разбором книг, частично перемещённых туда в течение

предыдущего года новой советской администрацией из г. Сортавала, отошедшего к Советскому Союзу по результатам мирного договора, завершившего Зимнюю войну 1939/40 г., а теперь возвращённого Финляндией: «Разборка книжных фондов здесь всё продолжается. Так как книг всё прибывает ещё, то работа может затянуться здесь на всё лето. Сейчас мне даже и не удалось съездить в Гельсингфорс в отпуск, так как было так много дела» [17].

3 мая заведующий вновь подтверждал «получение IV–1941 генералом Виднэсом 10 книг и брошюр» [18] от библиотекаря монаха Иувиана.

Год спустя, 11 мая 1942 г., по «...просьбе Марии Борисовны Виднэс <...> для занятий О. библиотекаря Иувиана» университетская Библиотека выслала в селение Каннонкоски, где в то время пребывала часть братии монастыря, т. 5–6 Собрания сочинений прот. И.И. Сергиева (СПб., 1894) на срок до 11 июля 1942 г. [19]², получение было подтверждено письмом от 24 мая 1942 г. [20]. А уже 19 мая, по получении в дар от Валаамской библиотеки «первой части Валаамского Патерика, сост<авленного> о. протоиереем Сергием Четвериковым», жившим в это время в Финляндии, срок использования посланной книги был продлён «впредь до минования в ней надобности» [21]. В том же письме указывалось, что посланный ещё в 1939 г. в университетскую Библиотеку из монастыря «полный список книг, изданных Валаамским монастырём <...> не сохранился, так как этот список был препровожден обратно в Валаамский монастырь при нашем отношении на имя игумена Харитона от 24.X–1939 г.», а копия с него не была снята. Заведующий отделом выражал надежду, что по окончании войны «будет возможность восстановить этот список» [22].

В сохранившемся экземпляре этого Списка учтены книги 44 русских

² Письмо № 178 от 11 мая 1942 г. Э.Г. Бэкмана в Библиотеку Валаамского монастыря. (Там же. Л. 30).

(за 1888–1939 гг.) и 11 финских (за 1923–1937 гг.) названий [23].

Валаамский библиотекарь о. Иувиан Краснопёров к тому времени был уже известен как составитель подробной библиографии по истории Валаамской обители, возможность ознакомиться с которой имели некоторые исследователи.

В связи с этим 14 января 1943 г. М. Виднэс, вновь работавшая в Петрозаводске, писала о. Иувиану: «В мое пребывание в Гельсингфорсе в августе, когда я замещала Эдвина Густавовича Бэкмана, мне привелось ближе ознакомиться с Вашей замечательной библиографией литературы по истории Валаама, о которой Маг<истр> Бэкман отзывался с большой похвалой, особенно останавливаясь на многотрудности и редкости Вашей работы. Попутно я тогда же у него прочла и рукопись многоуважаемого Отца Сергия Четверикова о начале Валаамской обители, весьма обстоятельное и интересное изложение» [24].

Работы по возрождению Валаамской библиотеки продолжались около двух лет, и 25 января 1943 г. М. Виднэс писала: «я узнала, м<ежду> пр<очим>, что Вы окончательно привели теперь в порядок замечательную библиотеку Валаамского монастыря. Позвольте, дорогой Батюшка, искренне поздравить Вас с окончанием этого столь важного труда! Когда подумаешь о том, какое сравнительно большое количество одних южнорусских (Киевских, Львовских и Могилевских) изданий мне удалось видеть за короткий срок нашего с отцом пребывания на Валааме, в Вашей прекрасной библиотеке, то нельзя не радоваться от всей души, что такое редкое не только для Финляндии, но и для Европы нашего времени вообще, собрание старинных книг — в том числе XVII века спасено и вновь приведено в порядок. Нельзя не выразить Вам, глубокочтимейший отец Иувиан, горячей признательности за Ваши многоценные труды по библиотечному делу и за Ваш великий интерес к книгам» [25].

Ни Марии Борисовне Виднэс, ни её отцу не привелось возвратиться на остров Валаам, а события Зимней войны на многие десятилетия отодвинули исполнение задачи научного обследования и *полного* описания печатных изданий Валаамской библиотеки. (В недавнее время описаны были лишь рукописи и старопечатные книги Валаамского монастыря.) К счастью, относительно полная сохранность монастырского книжного собрания, сбереженного усилиями монашествующих и Финляндского государства и находящегося ныне в новом библиотечном помещении Спасо-Преображенского Валаамского монастыря в Финляндии, оставляет надежду на скорое осуществление этой важной работы.

I Состояние монастырской библиотеки (1)

В 1933 году, с 3-го сентября по 14 ноября, по благословению Настоятеля о. Игумена Харитона, были произведены следующие работы в библиотеке Валаамского монастыря, имевшие целью приведение в порядок монастырского книгохранилища.

1) Записаны в библиотечный каталог все книги, поступившие в библиотеку в продолжение 1927–1933 годов, каковые книги не состояли в записи до сего времени.

2) Так как порядок нахождения книг в шкафах был нарушен, то таковой теперь вновь восстановлен, то есть книги разложены по шкафам, согласно записей каталога, в полной согласованности с соответствующими главами описи и реестра, в последовательном течении тех номеров, которые указаны на каждой книге.

3) Все книги размещены на полках в один ряд, в порядке отделов и номеров, но в виду того, что библиотека испытывает сильный недостаток в шкафах, то с согласия заведывающего библиотекою иеромонаха Иустиниана часть более старых и подержанных книг оставлены по-прежнему на верхах шкафов;

затем в шкафах за №№ 1, 2 и 3 книги на некоторых полках поставлены в два ряда, уже не в последовательном порядке номеров, но группами — по содержанию книг; так же в шкафах за №№ 39, 41, 43 и 44 книги помещены в два ряда.

4) По той причине, что помещение библиотеки не отапливается, то некоторые книги, особенно находящиеся на нижних в полу полках, подвергаются влиянию сырости, отчего они покрываются плесенью, то все таковые книги тщательно протерты и налет плесени с них удален; все вообще книги освобождены от налетившей на них за последние годы слоя пыли <sic!>.

5) Попутно приведена в порядок и школьная библиотека.

6) Выяснена наличность книг по каталогу, наличие книг выражается в следующих цифрах:

А) по главной и дополнительной описям книг состоит:..... 18,307 экз.

Б) по реестровой описи книг имеется:..... 9,505 экз.

Всего книг в монастырской библиотеке:..... 27,812 экз.

В) По школьной библиотеке книг значится:..... 1,501 экз.

Итого всего названных книг состоит:..... 29,313 экз. //

В виду наступления холодного времени остались не выполненными следующие работы:

а) не вычислено количество названий всех книг;

б) не проверена по каталогу наличность всех книг;

в) не все вновь записанные книги снабжены этикетками на корешках, с обозначением номеров книг каждой главы.

Из просмотра архива библиотеки видно, что описи книг были составляемы в следующие годы: 1830–1838; 1848; 1853; 1864; 1884–1889; 1906–1910.

Из этих шести описей каталоги 1864 и 1910 г. были составлены по формам, рекомендованным Российским Священным Синодом, наиболее тщательно и полно.

Реестровая опись была составлена в 1911 году.

В настоящем помещении монастырская библиотека находится с 16-го августа 1884 года, как это видно из надписи, сделанной на шкафу № 1.

При сем прилагаются следующие восполнения:

1) Количество книг библиотеки Валаамского монастыря по каталогу, дополненному в 1933 году.

2) Содержание каждой главы каталога монастырской библиотеки.

3) Копия собственноручной записи о. Игумена Дамаскина от 15 апреля 1858 года, подтверждающая тот факт, что мощи Преподобных Сергия и Германа, Валаамских Чудотворцев, сокрыты именно в том месте, где в нижнем соборе над ними поставлена рака.

Валаам, 14-го ноября 1933 года.

Валаамского монастыря Монах Иувиан

II

Отчёт о состоянии библиотеки Валаамского монастыря (2)

Монастырская библиотека находится в специально приспособленном помещении, в своё время оборудованном для этой цели. Книги хранятся в шкафах, в которых размещены в порядке глав и номеров описей.

Библиотечные описи составлены: главная в 1910 году, а реестровая — в 1911, со внесением сюда книг позднейшего поступления. Кроме того, отдельная опись составлена по школьной библиотеке, прежнего времени.

Вся библиотека заключает в себе до 30 000 книг, которые в процентном отношении распределяются следующим образом.

Главная опись содержит в себе 63 (цифра 3 изменена на 2, надписано поверх карандашом. — *О.С.*) процента, реестровая — 33 и школьная — 5.

Главная и реестровая описи распределены на 19 глав или отделов.

В первых пяти главах сосредоточены книги исключительно духовного

содержания, именно: Священное Писание, Православной богослужение, творения св. отцев и учителей Церкви, Богословие, Литургика, Библейская и церковная истории <sic!>, жития святых и подвижников благочестия, описания чудотворных икон, церквей, монастырей и тому подобное.

Эти пять глав вмещают в себе наибольшее количество книг, как то 62 процента.

Остальные 14 глав содержат в себе следующее:

6 глава: общая гражданская история, 3 процента;

7 — земледевие, 1 пр<оцент>;

8 — научные книги по разным отраслям, 2 пр<оцента>;

9 — медицина и ветеринария, 1 пр<оцент>; [2]

10 — церковное и гражданское законоведение, 1 пр<оцент>; [2]

11 — языкознание, психология, логика, педагогика, 2 пр<оцента>; [3]

12 — рукописи — 2 пр<оцента>;

13 — иностранная литература, духовная и светская, 2 пр<оцента>;

14 — искусства, 2 пр<оцента>;

15 — альбомы, атласы, географические карты, 1 пр<оцент>; [2]

16 — периодические издания духовного содержания, 7 пр<оцентов>; [8]

17 — то же, светского содержания, 4 пр<оцента>;

18 — словесность, литература русская и иностранная, библиография, 2 пр<оцента>; [3]

и 19 — справочники, календари, месяцесловы и разные каталоги, 2 пр<оцента>.

В главе 13-й, в отделе иностранной литературы, находятся книги и на финском языке, но так как количество последних не значительно, то принимаются все меры к тому, чтобы Финляндская литература пополнялась книгами духовного содержания, а также и учебными книгами.

Монастырская братия, собственным опытом убеждаясь в неотложной необходимости постоянного руководства писаниями св. отцев в деле

иноческого подвига, усердно занимается преимущественно чтением святоотеческой и духовной литературы.

В этом отношении составляют исключение только те лица, которые почему-либо лишены возможности заниматься чтением.

Например, схимонахи: Пионий и Мелитон, монахи: Иов и Авель, — вследствие утраты зрения.

Монахи: Евграф, Иустин, Авдий, Георгий и Трифон, по причине болезненного состояния.

Схимонах Клеопа, монахи: Павел и Тимофей, следствие безграмотности.

В заключение необходимо сказать, что со стороны моей, а также вследствие побуждений и советов монастырских старцев, прилагаются все меры к тому, чтобы не только монастырская братия, но и послушники и проживающие в обители миряне насколько возможно питали свои души хлебом небесным, то есть Священным писанием и религиозно-нравственным и духовно-просветительным чтением.

Валаамский монастырь, 1-го ноября 1937 года.

Валаамского монастыря
Настоятель,

Игумен Харитон

III

Валаамская монастырская библиотека (3)

Мария Виднэс, Гельсингфорс

В июле 1939-го года мне представился случай предпринять давно уже намеченную поездку на Валаам. Благодаря любезному содействию игумена монастыря Отца Харитона, а также ценной помощи Отца Библиотекаря Иувиана, мне удалось ознакомиться с почти что неизвестной и все же по настоящему времени и условиям в своем роде единственной библиотекой Валаамской.

Валаамский монастырь был, по всей вероятности, основан уже в X столетии, если еще не ранее. Когда языческий юноша Иверик, приобретший впоследствии известность под именем Авраамия

Ростовского, в середине столетия пришел креститься на Валаам, он нашел там уже полную братию под начальством игумена Фегноста. Так как Валаамский монастырь все же находился на окраине, в местности, которая в течении нескольких столетий переходила то к Швеции, то к России, то обитель не раз была сжигается и разоряема. В XIV столетии для Валаама наконец настал период благоденствия, когда согласно заключенному в Орешке в 1323-м году миру Валаам остался за Россией. Тогда монастырь был выстроен заново и было возведено даже несколько каменных зданий. Обитель имела тогда несколько церквей, трапезную, большое количество келий и была обнесена оградой. За оградой имелась гостиница для приезжающих. Благодаря благосклонному отношению к обители русских князей Валаам получил обширные владения на берегах Ладожского озера, а также право рыбной ловли и солеварения. Несколько раз (в 1507-м, 1540-м и 1578-м гг.) монастырь был царским повелением освобожден от платежа податей.

В это время на Валааме жило несколько замечательных мужей, приобретших впоследствии известность в истории русской церкви и явившихся носителями просвещения. Из них упомянем лишь Арсения, основавшего новый монастырь, Коневец, основателя Соловецкой обители, Савватия, основателя Александро-Свирского монастыря, Александра, и, наконец, Геннадия, который впоследствии в сане архиепископа Новгородского сделался известным своей высокой культурностью и своей любовью к книгам и благодаря попечениям которого вся Библия впервые была переписана на церковно-славянском языке. Ко времени этих мужей относятся первые рукописи, о которых с достоверностью известно, что они были написаны на Валааме. К сожалению, большая часть этих рукописей сгорела или иным путем образом была утрачена, когда инокам в начале XVII века пришлось покинуть Валаам. В России все же удалось в разных

местах отыскать около 10-ти рукописей, о которых с достоверностью можно сказать, что они написаны иноками Валаамского монастыря в XVI веке. Эти рукописи до 1917-го года находились в Московской Синодальной Библиотеке, в Библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии и, одна, у частного лица в Ярославле. Рукописи эти — исключительно духовного содержания. Это: 1) Сказание о перенесении мощей преподобных Сергия и Германа (рукопись XV–XVI века), 2) Толкование Феофилакта, архиепископа болгарского, на Евангелие от Марка и Матфея (XVI век), 3) Пролог за март-сентябрь (1501-го года) и 4) Четыре разных миней (XVI–XVII века), 5) Четвероевангелие 1508-го года и 6) Евангелие, переписанное монахом Закхеем в XVI веке. Последняя рукопись представляет несомненно наибольший интерес, так как она написана на китайской матери с четырьмя миниатюрными изображениями евангелистов. К сожалению, Валаамскому монастырю не удалось получить обратно этих рукописей и в настоящее время ничего не известно о судьбе, постигшей их в Советской России.

Эти рукописи свидетельствуют о том, что духовное развитие и литературный интерес высоко стояли на Валааме уже в XVI столетии. Этому духовному просвещению все же было суждено почти что бесследно погибнуть, когда шведы в 1578-м году заняли Валаам. Иноки бежали в новгородские владения. В 1597-м году они вернулись в обитель, но уже в 1611-м году войска Якова Делагарди сравняли монастырь с землей. После этого разорения обители монахи бежали на южный берег Ладоги, где они нашли приют в Васильевском монастыре.

Васильевского монастыря иноки все же никогда не считали своим и не теряли надежды вновь вернуться на Валаам. Среди книг, спасенных братиею, находился присланный царем Иоанном IV на Валаам в 1583-м году «Синодик» (перечень лиц, имена которых следовало поминать за упокой во время литургии). В этом

синодике значатся имена лиц, убиенных по повелению царя Иоанна IV. Написан он, по-видимому, в известной в свое время школе писцов этого царя в Москве. Эта ценная рукопись, которая теперь хранится в музее монастыря, была возвращена на Валаам в 1718-м году, когда монастырь вновь был отстроен по повелению Петра Великого, по возвращении России этих местностей, находившихся около ста лет во владении шведов.

Позднее монастырь был razoren еще раз, а именно пожаром, случившимся в пасхальную ночь 1754-го года. Но и тут братии удалось спасти самое ценное имущество, в том числе несколько книг. Этот пожар был последним, опустошившим Валаам.

Вследствие пожара 1754-го года Императрица Елизавета пожертвовала монастырю новый состав книг всего церковного круга, а также несколько роскошных Евангелий. Благодаря пожертвованиям частных лиц и также покупке книг в XVIII веке, монастырская библиотека, как кажется, продолжала обогащаться довольно нормально. Среди пожертвований этого времени особенно достойны упоминания следующие:

1) Пролог (март, апрель, май), напечатанный в Москве в 1685-м году, дар дьяка Михаила Воинова (из Кирилло-Белоозерского монастыря).

2) Зерцало Богословия иеромонаха Кирилла Транквиллиона, напечатанное в Уневе в 1692-м году, дар Новоозерского игумена.

3) Дар того же игумена «типикон» или «Устав», напечатанный в Москве в 1695-м году, на котором архидиакон монастыря Дмитрий надписал свое имя 14-го декабря 1760-го года.

Эти пожертвования (среди которых есть несколько книг, уже тогда считавшихся редкими, как, напр<имер>, «Зерцало Богословия»), все же являлись дарами случайными. Вообще состав монастырской библиотеки в XVIII веке ограничивался самым необходимым и тем, что случайно удавалось

приобретать. Только в XIX веке был внесен систематический порядок в покупку и соби́рание книг, и с этого времени ведет собственно свое начало богатая и по своему составу редкостная библиотека монастыря.

Этим внезапным расцветом в XIX столетии валаамская библиотека обязана прежде всего одному из самых замечательных и культурных игуменов Валаама, Отцу Дамаскину.

Отец Дамаскин принадлежит к замечательнейшим лицам в истории Валаамского монастыря. Он был по происхождению простой крестьянин Тверской губернии. Лет двадцати с небольшим он в 1817-м году пришел на Валаам, где надеялся найти приют от мирской суеты и соблазнов. После долгого и строгого послушничества, сначала в монастыре, а затем в отдаленном скиту, Отец Дамаскин — несмотря на то, что он был лишь простой монах, был избран братией в игумены. Несмотря на его простое происхождение, он благодаря своему большому и ясному уму, своей неутомимой энергии и многосторонней одаренности, а также своему твердому характеру, оказался особенно подходящим для того места, которое ему было суждено занимать в течение более сорока лет. Повсюду на Валааме мы находим следы безустальной и удивительной деятельности Отца Дамаскина. Можно смело сказать, что, собственно, он выстроил обитель, твердую и величественную, какую она и поныне возвышается на высоких скалах валаамских. Для монастырской библиотеки оказалось особенно важным, что этот деятельный и выдающийся игумен сам живо интересовался литературой и был другом книги. О литературном даровании Отца Дамаскина свидетельствуют до сих пор многочисленные духовные стихи на разные случаи, из которых некоторые записаны, другие же сохранились лишь в памяти иноков. Он не переставал руководить литературными трудами братии и издавал сочинения иноков. Кроме того, он поручал монахам списывать старые и редкие

книги, как по обычаю издавна полагалось в монастыре. Сам он — прежде чем стать игуменом — занимался переписыванием. Между прочим, он списал старым полууставом Слова Исаака Сирина с нового перевода Паисия Величковского, обновителя русского аскетизма в конце XVIII столетия. Благодаря Отцу Дамаскину литературный интерес, а также древнее искусство переписки книг не прекращались на Валааме и в XIX веке, когда они в других монастырях уже были преданы забвению.

Что касается забот о библиотеке, Отец Дамаскин не жалел ни труда, ни денег, чтобы пополнять ее посредством покупки для монастыря необходимых книг, а также редких рукописей и печатных изданий. На многих книгах имеется надпись «куплено игуменом Дамаскиным». Благодаря нему монастырь приобрел значительные труды по богословию, церковной истории и археологии, а из редких печатных книг, м<жду> пр<очим>, все издания Добротолюбия (избранных сочинений греческих отцов церкви в церковно-славянском переводе). Благодаря Отцу Дамаскину монастырь имеет также почти что полное издание греческой патрологии Миня. Из редкостей особенно достойно упоминание значительное количество церковных книг XVII и XVIII столетий, которые сейчас весьма трудно найти в других местах. Среди этих изданий особенно интересны южнорусские, отличающиеся хорошей и красивой работой. Что касается рукописей, Отец Дамаскин вел обширную переписку с властями, чтобы возвратить на Валаам вышеупомянутые, валаамскими иноками в XVI столетии переписанные книги. Ему было больно, что этих рукописей, над которыми столько потрудились в свое время иноки монастыря, не было на Валааме. Когда же наконец Отцу Дамаскину было отказано в его просьбе возвратить Валааму эти рукописи, он, говорят, был так опечален, что даже разрыдался.

Во время Отца Дамаскина библиотека возродилась также и в другом

отношении. Он ввел строгий порядок повсюду в обители, и книжное собрание монастыря до сих пор хранит следы особенного попечения о нем отца игумена. До Отца Дамаскина никому и в голову не приходило расставить книги систематически или каталогизовать их. Впервые это было сделано Отцом Дамаскиным: он расставил книги предметными группами. И первый, рукописный, каталог библиотеки составлен был им уже между 1830-м и 1838-м годом. Кроме того, по благословению Отца Дамаскина были составлены каталоги всего книжного собрания в 1847-м, 1857-м и 1864-м гг. Каталог 1864-го года, составленный согласно данной Св. Синодом инструкции для каталогизации, дает как систематический, так и хронологический обзор библиотеки. Этот каталог до сих пор считается особенно верным.

Но мало этого. Отец Дамаскин лично заботился о том, чтобы книгам оказывались нужный почёт и чтобы с ними обращались бережно. Часто, говорят, случалось, что он, с журналом в руках, обходил монастырь, посещая иноков в их кельях, чтобы удостовериться в том, что книги были в сохранности, и просил читателей осторожно обходиться с ними.

К концу своей жизни — Отец Дамаскин умер в 1881-м году — он решил выстроить и для библиотеки, как уже было выстроено для прочих учреждений монастыря, особое помещение, в котором книжное собрание под защитой каменных сводов и благодаря водопроводу было бы защищено от пожара. Отец Дамаскин, говорят, сам уже сделал чертежи нового здания. Но ему не было суждено осуществить задуманное им дело. Только три года после его смерти, 16-го августа 1884-го года (как явствует из записи на библиотечном шкафу № 1), книжное собрание было переведено Отцом Амвросием, назначенным Отцом Дамаскиным в библиотекари в 1876-м году, в новое помещение, где оно и посейчас находится.

Отец Амвросий был библиотекарем с 1876-го по 1912-й год. Он был самым

близким другом Отца Дамаскина и так же, как Отец Дамаскин, интересовался книгами и любил их. Он оказался достойным последователем Отца Дамаскина. Вместе с ним он разработал чертежи для книжных шкафов нового помещения библиотеки и затем — с большой тщательностью и любовью — разместил книги в этих новых шкафах, в которых они и посейчас находятся. Новые шкафы — в несколько метров высоты, задвигаются стеклянными дверцами. Между 1884-м и 1889-м гг. был также разработан новый каталог, как кажется, именно Отцом Амвросием. Этим двум друзьям книги и замечательным библиотекарям валаамская библиотека обязана той полнотой и тем порядком, которыми она отличается в настоящее время.

В настоящее время книжное собрание Валаама, в котором насчитывается около 30 000 томов, разделено на 19 предметных групп. В каждом предметном отделе книги стоят в том порядке, в котором они были приобретены библиотекой; номер приобретения значится на приклеенной к корешку бумажке. Каждому предметному отделу соответствует глава в последнем, в 1910–11 гг. написанном каталоге, состоящем из 5, в черную кожу переплетенных книг большого формата в лист. Этот каталог — так же, как и каталог 1864-го года — составлен согласно инструкции, данной Св. Синодом. Оба они в настоящее время считаются самыми верными. В скором будущем монастырь предполагает написание алфавитного карточного каталога на всё книжное собрание. Все книги и рукописи переплетены — более новые — в собственной переплётной мастерской монастыря и все — в отличном состоянии. Для книг, которые постоянно должны быть под рукою и которыми иноки все время пользуются, имеется особый каталог, также разделенный на 19 предметных отделов (глав). Кроме того, существует журнал для записи выдаваемых книг.

Предметные группы, носящие название 19-ти глав, следующие: I. Священное

Писание, II. Богослужебные книги, III. Творения св. отцов, IV. Богословие, V. Библейская история и археология, VI. История, VII. География, VIII. Астрономия, алгебра, всеобщая естественная история, IX. Медицина, X. Законоведение, XI. Языкознание, философия, психология и пр., XII. Рукописи XV–XX веков, XIII. Иностранная литература (духовного и светского содержания), XIV. Искусства, XV. Альбомы и атласы, XVI. Периодические издания духовного содержания, XVII. Периодические издания светского содержания, XVIII. Словесность, XIX. Справочные книги. Основную часть библиотеки, а именно 62%, составляют первые 5 глав. Остальные предметные группы составляют лишь по 2–3% каждая. Только одна группа, 16-ая, журналы духовного содержания, представляет 7%. Первые пять глав особенно богаты книгами, относящимися к Священному Писанию и к богослужению, а также святоотеческими писаниями и сочинениями греческих аскетов.

Отдел рукописный обнимает — кроме греческих и латинских рукописей — около 600 томов уставом и скорописью на церковно-славянском языке писанных книг. Самые древние из них — 2 ирмология XV века — писанные полууставом и крюками «во времена князей», как гласит надпись на них. К XVI веку относятся жития святых, «Патерик скитский», и также упомянутый выше «Синодик» 1583-го года. Из рукописей XVII века особенно интересно уставом писанное Евангелие, правописание которого свидетельствует о южнорусском происхождении писца, замечательное еще и потому, что в нем усматривается раскольническое влияние. Другая рукопись, на которой отразилось то же влияние, — служба св. Зосиме и Савватию, чудотворцам Соловецким, свидетельствующая о древних сношениях Валаама с Соловецким монастырем. Кроме того, Валаамскому монастырю принадлежит собрание выдержек и копий с разных рукописей и печатных книг, которых я не могу касаться подробно

в настоящем кратком очерке, между прочим, интересная рукопись «О богохульниках, церковных мятежниках и др.» (скоропись XVIII века на 789-ти листах). К более новому времени относятся рукописи, списанные на Валааме под влиянием обновления в русской монастырской жизни в XVIII веке. Я уже говорила о собственноручно списанных Отцом Дамаскиным «Словесах» Исаака Сирина. Друг Отца Дамаскина, Отец Амвросий, также прилежно занимался перепискою книг. Словес Исаака Сирина на Валааме имеется 2 списка: 1) список с рукописного перевода с греческого, сделанного Паисием Величковским, и 2) список с в 1812-м году напечатанного издания этого же перевода. В более позднее время на Валааме особенно много было переписано сочинений греческих аскетов. Из них имеются: «Поучения» Аввы Варсонофия и его же «Руководство к духовной жизни», 2) сочинения Симеона Нового Богослова в разных списках, 3) «Слова огласительные» Федора Студита и множество других. Особенный интерес представляют собственноручные дневники и записки валаамских монахов разного времени.

Из многочисленных редких печатных книг XVII и XVIII века, принадлежащих библиотеке Валаамского монастыря, особенного внимания заслуживают южнорусские издания, отличающиеся особенно тщательной работой и являющиеся в настоящее время чрезвычайно редкими. Эти особенности южнорусских книг объясняются господствовавшими в XVII веке в Юго-западном крае культурными условиями.

Юго-запад России до середины XVII века принадлежал к Царству Польскому. Там оказывалось сильное давление как правительством, так и римско-католической церковью и имела место сильная пропаганда в целях произвести тесное единение малорусской части населения с польским, как в национальном, так и в церковном отношении. В 1596-м году часть православных епископов и

священников, подготовленная к этому иезуитской пропагандой, перешла в Унию. Православное население, защищая свою самостоятельность, стало основывать по городам так называемые «братства» (имевшие свое начало в ремесленных союзах, которые стояли под непосредственным покровительством Константинопольского патриарха). Кроме того, с начала XVII века, Киево-Печерская Лавра делается центром сохранения православной культуры до конца века, когда православное население Малороссии окончательно подчиняется власти московского патриарха. Пропаганда иезуитов имела успех в Юго-Западном крае прежде всего благодаря тому, что они имели возможность предлагать населению стоящую на высоком уровне развития западную церковную литературу. Православная же церковь в начале XVII века почти что вовсе не имела ни духовного чтения, ни богословских книг, объяснявших её вероучение, ни хороших проповедей, и даже богослужебных книг в то время было очень мало. Духовенство православной церкви видело себя вынужденным помочь этому недостатку. Но чтобы издаваемые им книги могли иметь успех в среде южнорусского населения, не оставалось ничего делать, как постараться дать этим книгам такую же привлекательную внешность, какая была у польских католических книг. Вследствие этого вышедшие в XVII веке в Киево-Печерском монастыре и в типографиях братств книги достигают под западноевропейским влиянием высокого совершенства.

Но это же западноевропейское влияние, которое производит расцвет типографического искусства, отражается также и на содержании южнорусских книг, которое начинает напоминать польские сочинения того времени. Вследствие этого многие южнорусские книги оказываются не вполне православными и запрещаются московским патриархом. Типичными сочинениями такого рода являются книги южнорусского

иеромонаха Кирилла Транквиллиона, имеющиеся на Валааме.

Кирилл Транквиллион Ставровецкий, скончавшийся униатским архимандритом в Чернигове в 1646-м году, был выдающимся для своего времени и высоко учёным человеком. По окончании Киевской семинарии он учился в нескольких иезуитских семинариях. Исполненный рвения поднять православие в юго-западной России, он решил составить для православной церкви краткое изложение веры. Но римско-католические книги, которыми он пользовался, незаметно для него самого повлияли на его труд. Книга его была в 1627-м году осуждена патриархом Филаретом и сожжена публично вместе с другим его трудом, носящим название «Учительное Евангелие» (представляющим из себя собрание проповедей на весь церковный год). Этим актом было положено начало гонению на все вообще южнорусские печатные издания, которые были совсем запрещены в России. Позднее сочинения Кирилла Транквиллиона были раз с разом осуждаемы церковными соборами. Вследствие этого эти весьма распространенные и ценимые не только духовенством, но и мирянами издания, отвечавшие действительной духовной потребности, сделались весьма редкими к концу XVII века. Только к концу века московская синодальная типография стала вообще перепечатывать некоторые южнорусские издания, но и то с большими сокращениями и изменениями.

Среди печатных изданий XVII века в Валаамской библиотеке особого внимания заслуживает редкое роскошное издание «Беседы на 14 посланий Св. Апостола Павла. Творения Иоанна Златоустого», печатанное в Киеве в 1623-м году. Беседы эти переведены с греческого сотрудниками архимандрита Елисея Плетенецкого, известным богословом Лаврентием Зизанием, иеромонахом Захарием Копыстенским и филологом и книгопечатником Памвой Берындой. Перевод и издание были в свое время оценены даже злейшими врагами

православия, иезуитами. Книга имеет роскошно разукрашенный красным и чёрным заглавный лист с изображениями апостолов Петра и Павла, киевопечерского монастыря и его основателей, св. Антония и Феодосия Печерских. Буквы напоминают полуустав, местами скоропись. Они, по-видимому, происходят из купленной Елисеем Плетенецким в 1616-м году Стрятинской типографии. Другими замечательными изданиями Киево-Печерской Лавры, имеющимися в валаамской библиотеке, являются, между прочим, Литургарион 1620-го года и Слова Аввы Дорофея 1628-го года.

Из киевопечерских изданий следует кроме того упомянуть теперь чрезвычайно редкий «Большой Требник» 1646-го года Петра Могилы, так много потрудившегося для поддержания православия и для издания церковных книг.

Очень характерны для схоластического вкуса того времени два южнорусских сборника проповедей, «Ключ разумения» Иоанникия Голятовского и «Меч духовный» Лазаря Барановича. Особенно обращает на себя внимание заглавный лист книги Голятовского, на котором изображён большой ключ, окружённый символами красноречия. «Меч духовный», сборник проповедей многолетнего заместителя митрополита, Лазаря Барановича, интересен потому, что на его заглавном листе находятся изображения царя Алексея Михайловича с семьёй и великорусских святых Бориса, Глеба и Владимира, что указывает на искание покровительства у московского царя для трудов митрополита и его сочинений. Подобное же изображение, резанное на дереве, мы находим в одном из замечательнейших богословских сочинений того времени, книге ректора киевской семинарии Иннокентия Гизиеля «Мир с Богом или покаяние святое», напечатанной в Киеве в 1644-м году. Иннокентий Гизиев, принадлежавший с начала к реформатскому вероисповеданию, перешёл в православие после своего прихода из Восточной Пруссии в Киев. Он сделался вскоре,

благодаря своему природному уму, одним из учёнейших мужей православной церкви и представителем южнорусского образования по отношению к Москве. В свою бытность митрополитом он показал большие дипломатические способности. Оставаясь верным Москве, он неустанно заботился об украинских интересах. В своём догматическом сочинении о природе греха и о покаянии — которое, впрочем, написано в весьма терпимом духе — он напечатал изображение царя Алексея Михайловича в средневековой рыцарской одежде, спешащего на помощь Малороссии против поляков.

Среди печатных изданий братств, находящихся в библиотеке Валаамского монастыря, также имеется много ценных, заслуживающих внимания произведений. К ним принадлежит, м<жду> пр<очим>, собрание проповедей Иоанникия Голятовского «Небо Новое» — сборник рассказов о чудесах Пресвятой Богородицы, большая часть которых взята из современного же католического издания подобного же содержания, носящего название «Звезда Пресветлая» — издания, также имеющегося на Валааме. На заглавном листе — Пресвятая Дева, окруженная солнцем, луною и звездами. Книга напечатана в Львове в 1655-м году известным в свое время книгопечатником Михаилом Слиозкою. Из прочих печатных изданий того же Слиозки останавливает на себе внимание, м<жду> пр<очим>, Апостол, напечатанный в 1699-м году.

Из книг, напечатанных в Могилеве, где братство Св. Духа в 1690-м году основало типографию, арендатором которой был гравёр Максим Воцанка, имеется на Валааме интересная перепечатка вышедших в 1677-м году в Киево-Печерской Лавре «Акафистов всеседмичных». В этой книге 16 гравюр, резанных на дереве самим Воцанкою и им же снабжённых новыми виршами во славу святых.

Другое крайне редкое издание типографии могилевского братства, находящееся на Валааме, — «Учительное Евангелие» уже упомянутого Кирилла

Транквиллиона (фиг. 1) (4). Эта книга, как указано на заглавном листе, напечатана в Могилеве в типографии Св. Духа Максимом Воцанкою в феврале месяце 7128-го года от сотворения мира. Валаамский экземпляр, согласно описанию, вполне сходен с экземпляром, найденным С.И. Масловым в 1912-м году в Библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии, названным Масловым «чрезвычайно редким». Остальные до сих пор известные издания «Учительного Евангелия», напечатанного Воцанкою, снабжены 1619-м годом, причём местом печатания указано Рохманово и указаний на книгопечатника вовсе нет.

Среди найденных мною на Валааме московских изданий я обратила особое внимание на напечатанную в Москве в 1660-м году во время патриарха Иоакима «Псалтырь с часословом», в которой все страницы обведены типографски отлично сделанными рамками, напоминающими употребляемые в южнорусских изданиях рамки. Формат этой книги, 11,8 × 6,4 сантиметра, необыкновенен по тому времени, когда по большей части печатались большие церковные книги с удобочитаемым крупным шрифтом. Кроме того, я видела «Служебник», напечатанный в Москве в 1689-м году, считавшийся уже в XIX веке библиографами большою редкостью. Этот служебник, как кажется, переделка более ранних изданий, которые все являются переделками Большого Требника Петра Могилы. Заглавный лист (фиг. 2) (5) в противоположность заглавному листу, в Киеве напечатанному, — очень прост и иллюстраций на нём вовсе нет. Чрезвычайно скромны также и остальные имеющиеся на Валааме перепечатки южнорусских изданий, как, напр<имер>, Проповеди Ефрема Сирина, изданные в Москве в 1667-м году. То же можно сказать и о напечатанных в Москве в 1666-м году Минеях и о Прологе, напечатанном в Москве в 1686-м году. К редкостям среди московских изданий, принадлежащих валаамской библиотеке, относятся «Анфологион», Москва, 1660,

и «Увет духовный» патриарха Иоакима (писание против раскольников).

Особенно выделяются среди московских изданий конца XVII века сочинения, вышедшие в собственной, Кремлевской, типографии малоруса Симеона Полоцкого, призванного в качестве учителя в Москву царем Алексеем Михайловичем, а именно: собрание проповедей Полоцкого «Обед Душевный», Москва, 1682, с символизирующим содержание заглавным листом, его же «Псалтырь рифмами», Москва 1680, и роскошное издание русского перевода сказания о Варлааме и Иоасафате, Москва, 1681. Эти издания отличаются от прочих московских ясным шрифтом и обилием гравюр на меди, исполненных в свое время знаменитыми московскими резчиками Симеоном Ушаковым и Афанасьем Трухменским.

Среди изданий конца XVIII века в Валаамской библиотеке среди других редкостей находится, между прочим, несколько богато разукрашенных богослужебных книг. Это, во-первых, подаренные Императрицей Елизаветой книги. Затем в музее хранится в темно-красный бархат переплетенное Евангелие 1745-го года и Евангелие, напечатанное в Москве в 1760-м году, которое по просьбе игумена Ефрема было выслано на Валаам из Синодальной типографии, и, наконец, в 1766-м году напечатанное, подаренное Валааму архиепископом Петербургским и Ревельским Гавриилом роскошное Евангелие. В настоящем кратком очерке не представляется возможным подробно описать богатую богословскую и полемическую литературу, находящуюся на Валааме. Скажем только, что богослужебные книги разных времен имеются в валаамской библиотеке в обилии, что отдел церковноотеческой литературы обнимает почти все, что переведено на церковно-славянский язык, что по истории церкви имеются все важнейшие работы, причем полемика против раскольников и других сект на Валааме

может быть изучаема при помощи трудов, которые в иных местах трудно или вовсе невозможно найти.

Этот очерк был написан и отдан в печать до начала финско-русской войны. При заключении мира 1940-го года Валаамский монастырь был уступлен Финляндией Советскому Союзу. Еще раз инокам пришлось оставить горячо любимые ими острова. Во время войны монастырь был значительно поврежден бомбардировкою и пожарами в строениях. Наиболее ценное имущество все же удалось спасти в помещение под собором. Впоследствии монастырю удалось увезти большую часть своего движимого имущества (между прочим, даже меньшие колокола) и говорят, что весь музей, в котором хранились наичценнейшие издания, а также часть библиотеки, были спасены. Пока все же ничего из этого еще не доступно, так что нет возможности установить, что из книжных богатств монастыря спасено. Как только монастырь найдет себе новое место в стране, чему власти, как кажется, способствуют, уцелевшая часть библиотеки будет вновь доступна.

Согласно позднее полученным сведениям будто бы сделано предложение перевести эвакуированных монахов в Печенгский монастырь, который теперь вновь находится в финском владении.

IV

Поправка в статье: «Валаамская Монастырская Библиотека», Марии Борисовны Виднэс, 1940 г. (6)

На странице 86 печатной брошюры, на шведском языке, а также в машинописи на русском языке на странице шестой, имеется фраза: «Отец Амвросий был библиотекарем с 1876-го по 1912 год». В действительности ее нужно читать таким образом: «Отец Амвросий был библиотекарем с 1876 года по 1890 год».

В 1890 году о. Амвросий был уволен от должности библиотекаря и по его желанию удалился в скит Всех Святых,

где принял пострижение в схиму, с именем Антипа и 21 апреля 1912 года скончался.

Действительность сего удостоверяет Монах Иувиан.

20 мая 1941 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Текст публикуется по авторизованному машинописному экземпляру (не первый экземпляр машинописной закладки). Подпись-автограф чернилами синего цвета. (Valamonluostarinararkisto. Aktit v. 1933. Ea: 96a. № 36. Л. 1–2).

2. Текст публикуется по авторизованному машинописному экземпляру (не первый экземпляр машинописной закладки). Уточнения внесены простым карандашом. Подпись-автограф чернилами синего цвета. (Valamonluostarinararkisto. Aktit v. 1933. Ea: 96a. № 37. Без пагинации).

3. Текст публикуется по фотокопии авторизованного машинописного экземпляра. Подпись-автограф чернилами. (Частное собрание. Хельсинки).

4. Эта иллюстрация из оригинального издания статьи на шведском языке в «Nordisktidskriftförbok-ochbiblioteksvasen» (с. 92) не перепечатывается в настоящей публикации в связи с очень невысоким качеством первоначального воспроизведения.

5. Эта иллюстрация из оригинального издания статьи на шведском языке в «Nordisktidskriftförbok-ochbiblioteksvasen» (с. 94) также не перепечатывается в настоящей публикации в связи с очень невысоким качеством первоначального воспроизведения.

6. Текст публикуется по машинописному экземпляру из архива Валаамского монастыря в Финляндии. (Valamonluostarinararkisto. Отдельный документ, без шифра).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Widnäs M.* Valamoklosterbibliotek. [Валаамская монастырская библиотека] //

Nordisktidskriftförbok-ochbiblioteksvasen. T. 27. Uppsala, 1940. № 2. S. 81–98.

2. См.: *Безунов Ю.К.* Мария Борисовна Виднэс (1903–1972 гг.) Некролог // Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Т. 29. Л., 1974. С. 365–367. (Некролог включает очерк биографии и список трудов).

3. Письмо М. Виднэс монаху Иувиану Краснопёрову от 31 июля 1939 г. (Valmonluostarinararkisto. Aktitv. 1933. Ea: 96a. № 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации).

4. Письмо Б.А. Виднэса монаху Иувиану Краснопёрову от 8 августа 1939 г. (Valmonluostarinararkisto. Aktitv. 1933. Ea: 96a. № 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации).

5. Письмо монаха Иувиана Краснопёрова Б.А. Виднэсу от 22 августа 1939 г. (Valamonluostarinararkisto. Aktitv. 1933. Ea: 96a. № 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации).

6. Письмо М. Виднэс монаху Иувиану Краснопёрову от 8 августа 1939 г. (Valmonluostarinararkisto. Aktitv. 1933. Ea: 96a. № 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации).

7. Письмо монаха Иувиана Краснопёрова М.Б. Виднэс, без даты. (Valamonluostarinararkisto. Aktitv. 1933. Ea: 96a. № 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации).

8. Письмо М.Б. Виднэс монаху Иувиану Краснопёрову от 17 августа 1939 г. (Valamonluostarinararkisto. Aktitv. 1933. Ea: 96a. № 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации). Помета простым карандашом рукой о. Иувиана: «Отв<е-чено> 5/IX–39»).

9. Письмо М. Виднэс монаху Иувиану Краснопёрову от 9 октября 1939 г. (Valmonluostarinararkisto. Aktitv. 1933. Ea: 96a.

№ 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации). (Указано, что о. Иувиан ответил 23 октября 1939 г.).

10. Письмо М. Виднэс монаху Иувиану Краснопёрову от 20 октября 1939 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации). (Указано, что о. Иувиан ответил 24 октября 1939 г.).

11. Письмо № 779 Э.Г. Бэкмана монаху Иувиану Краснопёрову от 24 октября 1939 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации).

12. Письмо № 780 Э.Г. Бэкмана игумену Харитону Дунаеву от 24 октября 1939 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации).

13. Письмо М. Виднэс монаху Иувиану Краснопёрову от 8 ноября 1939 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации).

14. Письмо Б.А. Виднэса монаху Иувиану Краснопёрову от 9 ноября 1939 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 37. Книги монастырской библиотеки, посылаемые для чтения вне монастыря. Без пагинации).

15. Письмо № 141 Э.Г. Бэкмана монаху Иувиану Краснопёрову от 2 апреля 1941 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 36. Монастырская библиотека. Ее состояние в настоящее время (1 января 1933 г. — 15 августа 1942 г.)). Л. 29.

16. Письмо М. Виднэс монаху Иувиану Краснопёрову от 1 мая 1942 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 36. Монастырская библиотека. Ее состояние в настоящее время (1 января 1933 г. — 15 августа 1942 г.)). Л. 33 об.

17. Письмо М. Виднэс монаху Иувиану Краснопёрову от 1 мая 1942 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a.

№ 36. Монастырская библиотека. Ее состояние в настоящее время (1 января 1933 г. — 15 августа 1942 г.)). Л. 34 об.

18. Письмо № 214 Э.Г. Бэкмана монаху Иувиану Краснопёрову в Каннонкоски от 3 мая 1941 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 36. Монастырская библиотека. Ее состояние в настоящее время (1 января 1933 г. — 15 августа 1942 г.)). Л. 28.

19. Письмо № 178 Э. Г. Бэкмана от 11 мая 1942 г. в Библиотеку Валаамского монастыря. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 36. Монастырская библиотека. Ее состояние в настоящее время (1 января 1933 г. — 15 августа 1942 г.)). Л. 30.

20. Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 36. Монастырская библиотека. Ее состояние в настоящее время (1 января 1933 г. — 15 августа 1942 г.)). Л. 30.

21. Письмо № 192 Э.Г. Бэкмана монаху Иувиану Краснопёрову от 19 мая 1942 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 36. Монастырская библиотека. Ее состояние в настоящее время (1 января 1933 г. — 15 августа 1942 г.)). Л. 31.

22. Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 36. Монастырская библиотека. Ее состояние в настоящее время (1 января 1933 г. — 15 августа 1942 г.)). Л. 31.

23. Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 36. Монастырская библиотека. Ее состояние в настоящее время (1 января 1933 г. — 15 августа 1942 г.)). Л. 25–26.

24. Письмо М. Виднэс монаху Иувиану Краснопёрову от 1/14 января 1943 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 36. Монастырская библиотека. Ее состояние в настоящее время (1 января 1933 г. — 15 августа 1942 г.)). Л. 45–45 об.

25. Письмо М. Виднэс монаху Иувиану Краснопёрову от 25 января 1943 г. (Valamonluostarinarkisto. Aktiv. 1933. Ea: 96a. № 36. Монастырская библиотека. Ее состояние в настоящее время (1 января 1933 г. — 15 августа 1942 г.)). Л. 46 об. — 47.

ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТНЫХ БИБЛИОТЕК В РОССИИ

(По материалам журнала «Отечественные записки» за 1820 год)

АННОТАЦИЯ

В журнале «Отечественные записки», издававшемся известным литератором и историком Павлом Петровичем Свиньиным, значительное внимание уделялось вопросам сохранения национального культурного и научного наследия, популяризации памятников истории.

В первом номере журнала, вышедшем в свет в мае 1820 г., была опубликована пространная статья П.П. Свиньиной о частных библиотеках, галереях и собраниях Москвы. Материалы этой работы известного деятеля культуры имеют достаточно весомое научное значение.

Ключевые слова: Развитие культуры, культурное наследие, памятники истории, частные библиотеки, журнал «Отечественные записки», деятельность Павла Петровича Свиньиной, популяризация историко-культурного наследия.

Журнал «Отечественные записки» издавался в Санкт-Петербурге с 1820 по 1830 г. известным литератором, дипломатом, историком и коллекционером Павлом Петровичем Свиньиным (1787–1839). Главной идеей издателя было его стремление показать современникам как прекрасна Россия, сколь талантлив её народ и сколько важного совершил он в своей истории. В этом плане в журнале большое внимание уделялось различным аспектам отечественной культуры, рассматривались вопросы преемственности в её развитии, сохранения культурного и научного наследия, популяризации памятников истории.

Уже в первом номере журнала, вышедшем в свет в мае 1820 г., была помещена большая статья П.П. Свиньиной, посвящённая описанию частных библиотек, галерей и собраний Москвы. Автор поставил перед собой цель «указать на сокровища наук и художеств, хранящиеся в Москве, под кровом неведения не только для иностранцев, но и для самих нас» [1].

Свой рассказ «о несметных богатствах древней столицы России» П.П. Свиньин начал с описания «Библиотеки русской старины» графа Федора Андреевича

Толстого. Прежде всего были упомянуты рукописи XII–XVIII вв. В число этих ценнейших памятников истории и культуры входили Евангелие 1071 г., «писано при игумене Печерском Феодосии»; «Диоптра», «сочинённая в 1098 году греком философом Филишом»; «Поучительные слова» Туровского епископа, рукопись XIII в.; «Софийский временник», рукопись XV в. и др. [2].

«Второе отделение» библиотеки Ф.А. Толстого составляли старопечатные книги конца XV–XVIII вв. П.П. Свиньин это собрание старопечатных книг считал «без сомнения самым богатейшим во всей России». Среди них упоминались «Часослов», печатанный в Кракове в 1491 г.; «Библейские книги» перевода Ф. Скорины; «полное собрание» книг гражданской печати Петра I и др. [3].

По подсчётам автора статьи, в библиотеке Ф.А. Толстого имелось более 700 рукописей, более 200 старопечатных книг и более 50 «новейших самых редких книг».

П.П. Свиньин рассказал и о невосполнимых утратах, которые понесли памятники истории Москвы, в результате войн, пожаров и других потрясений.

В частности, говорилось о гибели «при нашествии французов» драгоценной библиотеки графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Среди погибших «весьма редких древнейших отечественных рукописей» были упомянуты «Песнь Игорева», «Духовная Мономаха», рукописи многих русских историков и др. [4].

П.П. Свиньин вспомнил и о знаменитой библиотеке графа Дмитрия Петровича Бутурлина, которая также «была превращена в пепел Московским пожаром 1812 года». Указывалось, что основу этого утраченного собрания составляли «несметные сокровища наук и художеств,

собранных и хранившихся несколько веков во Франции», но позднее «рассеянных революцией по Европе» [5].

В конце своей статьи П.П. Свиньин отметил, что ему, конечно, «не удалось дать полного и решительного описания художественной части в Москве, но он, по крайней мере, первый сделал к тому шаг».

Мы посчитали целесообразным опубликовать несколько фрагментов из упомянутой выше статьи П.П. Свиньина. Полагаем, что эти материалы представляют интерес и известную научную значимость.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из статьи П.П. Свиньина «Первое письмо из Москвы. Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники»

«...Библиотека Русской старины Графа Федора Андреевича Толстого заслуживает первое внимание и признательность соотечественника. Она приводится теперь в систематическом и хронологическом порядке известными нашими Антикварами Г. Калайдовичем и Строевым, и, вместо того, чтобы быть рассеянной по рукам невежд и раскольников, вскоре представит непреложное свидетельство древней нашей образованности, откроет неисчерпаемые источники для занимающихся отечественной Историей и составит истинное достояние наших Писателей!

Библиотека сия разделяется на два отделения:

1-е) Содержит в себе рукописные памятники с XII по XVIII век;

2-е) Старопечатные книги с 1491 года по исходу XVIII века.

К первому отделению принадлежит более 20 рукописей, писанных на пергаменте. Древнейшей из них почитается Евангелие – в листе, расположенном по дням, начиная со дня Св. Пасхи. Основанием

сему предположению служит приписка, находящаяся на 165 листе и относящаяся к 1072 году, в коей сказано, что Евангелие сие писано по благословию Митрополита Георгия при Игумене Печерском Феодосии. Но по уверению некоторых знатоков приписка сия сделана после, а самое Евангелие, судя по буквам, принадлежит по древности своей к XIII веку. Историограф наш Н.М. Карамзин упоминает о нём во II томе Истории Государства Российского.

Несравненно важнейшей рукописью может похвастаться Диоптра или Зерцало (в листе), сочинённая в 1098 году бывшим в Смоленске Греком Философом Филиппом, на Греческом языке, и переведенная на Славянский в Рахове. Предисловие сочинителя и послесловие предлагаателя чрезвычайно любопытны. Рукопись сия относится к XIII веку.

Поучительные Слова (числом 8) Туровского Епископа, жившего в исходе XI столетия. Поучения сии никому не известны из историков и славянских литераторов и отличаются изящностью мыслей и красотой выражений. Рукопись сия также в листе и принадлежит к XIII веку.

Рукопись XVI века (в листе, на бумаге) содержащая переводом книг Иова,

Притчей Соломоновых, Эклезиаста, Песни Песней, Иисуса Сираха и Премудрости Соломоновой. Сей перевод, не бывший доселе никому известным, сделан в Вулгате в 1568 году Василием Жугачевичем, в великом месте Ярославском, в Польше; что видно из предисловий самого переводчика, находящихся при каждой их сих книг.

Софийский Временник, рукопись в листе, на бумаге, весьма чётко писанная полууставом в XV веке. Сей Временник издается в свете на иждивении Графа Н.П. Румянцова, при чём сравниваются и другой список, найденный в Ново-Иерусалимском монастыре, и Академической печатный 1795 года.

Прочие рукописи состоят из служебных (Евангелие, Апостолы, Псалтыри, Минеи, Октоихи, Триоды и т.д.), из Жития Святых, из переводов сочинений Св. Отцов; потом исторических (хронографов, летописей, разрядов, родословных, дипломатических посылов и т.д.), из переводов с разных иностранных языков в XVII и XVIII столетиях (*Сие последние большей частью куплены из известной Архангельской Библиотеки Князя Дм. Мих. Голицына); наконец из Сборников, содержащих разного рода сочинения, статьи и отрывки. Сих последних весьма довольно, и многие их них отменно любопытны. Нельзя не заметить журнала славного предка Графа Толстого – Петра Андреевича, бывшего Послом в Константинополе при Петре Великом, и небольшой книжки, писанной собственноручно сыном В.К. Иоанна Васильевича.

Собрание старопечатных книг есть, без сомнения, самое богатейшее во всей России; оно включает в себе все древнейшие самые редкие издания всех вообще Славянских типографий. Первое между ними место занимает Часослов, печатанный в Кракове в 1491 году. Он описан в особой статье Г. Калайдовичем в 20 № Вестника Европы на 1819 год.

Не менее любопытны: прекрасное собрание Библейских книг перевода Скорины, какого ни в одной Библиотеке не имеется, и столь же полное собрание книг гражданской печати Петра I.

Вообще число рукописей простирается свыше 700, старопечатных книг более 200, а новейших самых редких 50...».

«...Невозможно без сердечного сожаления вспомнить, что при нашествии Французов в 1812 году погибла подобная же драгоценная Библиотека Графа А.И. Пушкина, которую собирал он более 30 лет, имея к тому особенную страсть и все способы, как по богатству своему, так и по важным должностям, кои занимал он в Государстве. Кроме весьма редких древнейших отечественных рукописей, из коих успел он напечатать только превосходную Песнь Игорева и известную Духовную Мономаха, Граф обладал рукописями многих Русских историков, как-то: Крешкина, Елагина, Болтина, из коих многие были еще неизвестны и кои намерен он был издать в свете. В том числе погибло также бесценное собрание собственноручных голосов и мнений Гавриила Романовича Державина, подаваемых им Государю Императору, в Прав. Сенате и в Совете, по делам Государственным. Н.М. Карамзин, в примечаниях своих к Истории Государства Российского, неоднократно ссылается на Новогородские и Двинские грамоты, принадлежавшие Гр. Пушкину; а многим известно, что Лорд Дуглас предлагал ему 5000 червонных за одно Греческое Евангелие, которое сей глубокий Антиквар считал прекраснейшим и драгоценнейшим из всех дотоле им виденных рукописей...»

«...Пожалеем также об утрате знаменитой Библиотеки Графа Бутурлина, которая равным образом превращена в пепел Московским пожаром. Не только Россия, но и весь учёный свет сделал в ней великую потерю, ибо едва ли кто-нибудь из частных людей обладал столь обширным и избранным книгохранилищем? Граф Бутурлин в продолжении 20 лет не щадил ничего для приобретения самых редких изданий. Революция, рассеявшая по Европе несметные сокровища наук и художеств, собранные и хранившиеся несколько веков во Франции, способствовала весьма много к доведению Библиотеки его до сей степени совершенства...» (с. 64–74).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Свиньин П.П.* Первое письмо из Москвы. Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники // Отечественные зап. Ч. 1. СПб., в типографии В. Плавильщикова, 1820. С. 59–83; 195–238.

2. *Свиньин П.П.* Первое письмо из Москвы. Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники // Отечественные зап. Ч. 1. СПб., в типографии В. Плавильщикова, 1820. С. 65–67.

3. *Свиньин П.П.* Первое письмо из Москвы. Частные библиотеки, галереи,

разные собрания, кабинеты и русские художники // Отечественные зап. Ч. 1. СПб., в типографии В. Плавильщикова, 1820. С. 68–69.

4. *Свиньин П.П.* Первое письмо из Москвы. Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники // Отечественные зап. Ч. 1. СПб., в типографии В. Плавильщикова, 1820. С. 71.

5. *Свиньин П.П.* Первое письмо из Москвы. Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники // Отечественные зап. Ч. 1. СПб., в типографии В. Плавильщикова, 1820. С. 73–74.

ЗАПИСИ НА РУКОПИСНЫХ КНИГАХ АРХАНГЕЛЬСКОГО СОБРАНИЯ БАН

АННОТАЦИЯ

Архангельское собрание — самое крупное территориальное собрание БАН, насчитывающее 1217 единиц хранения. Особенность этого собрания заключается в том, что в нём сосредоточены, главным образом, книги из монастырей и приходских церквей епархии. Статья посвящена обзору разного вида записей на рукописных книгах собрания. В основе статьи лежит доклад, прочитанный авторами на конференции БАН к 100-летию Александра Ильича Копанева 23–24 сентября 2015 г.

Ключевые слова: Архангельская епархия, Архангельское собрание БАН, записи на рукописных книгах, тайнопись.

Интерес к записям на рукописных и печатных книгах, как важнейшему источнику по истории книжной культуры, возник ещё в начале XIX в. В описаниях и каталогах рукописных и печатных книг публикуются отдельные записи, появляются статьи, посвящённые их изучению [1]. Планомерное изучение и публикация записей были начаты по инициативе академика Михаила Николаевича Тихомирова. Вслед за его публикацией записей Чудова монастыря вышли издания записей на рукописях Воскресенского монастыря, собрания Егора Егоровича Егорова, каталоги записей на старопечатных книгах, свод записей на рукописных книгах XI–XIV вв. [2]. Выходят статьи, посвящённые разным аспектам изучения записей: терминологии, классификации надписей, исследованию и публикации комплексов записей на рукописях и печатных книгах отдельных собраний и памятников.

Работа по выявлению записей и помет на рукописных и старопечатных книгах была начата в Рукописном отделе БАН в начале 30-х гг. XX в. Собирался материал по теме «Классовый состав книгописцев, книгоиздателей, книгодержателей...» [3], одновременно

выявлялись записи владельческие, вкладные, читательские и др. В Отделе рукописей сохранилась картотека, составленная по материалам Архангельского, Основного, Устюжского, Н.Ф. Романченко и других собраний. К сожалению, эта работа была приостановлена из-за большой загруженности немногочисленного штата Отдела, занятого текущей работой с фондами: составлением описей, проверкой фондов, приёмом новых коллекций и т.д. В эти годы также шла работа по передаче фондов в другие учреждения Академии наук. Начатая в 1937 г. работа по составлению альбома записей на древних рукописях также была прервана [4].

Архангельское собрание, самое крупное территориальное собрание Отдела рукописей, насчитывает 1217 единиц. История его формирования связана с деятельностью созданного в 1887 г. Архангельского епархиального церковно-археологического комитета, задачей которого было собирание и сохранение памятников древности на территории Архангельской епархии. Указами Архангельской духовной консистории монастырям и церквям рекомендовалось передавать рукописные книги в созданное при Комитете Древлехранилище, что и делалось в течение

многих лет, особенно в начале XX в. Так в составе Архангельского собрания оказалась большая часть рукописей Антониево-Сийского монастыря, а также рукописи Красногорского, Николо-Корельского, Соловецкого монастырей и книги из церковных приходов. Отдельный раздел Архангельского собрания составляют рукописные книги Духовной семинарии, ранее принадлежавшие Холмогорской архиерейской библиотеке, основная часть которой формировалась при архиепископе Холмогорском и Важеском Афанасии.

Работа с записями на рукописных книгах Архангельского собрания, поступившего в Отдел рукописей в начале 30-х гг. прошлого века, была начата в послевоенные годы Марией Николаевной Мурзановой, занимавшейся выявлением рукописных книг библиотеки Антониево-Сийского монастыря. Работа по реконструкции монастырской библиотеки была продолжена Л.Б. Беловой и М.В. Кукушкиной [5]. Записи на рукописях собрания привлекала М.В. Кукушкина в исследованиях, посвящённых монастырским библиотекам Русского Севера и библиотеке архиепископа Афанасия [6].

В 1992 г. вышла работа Л.И. Киселевой «Корпус записей на старопечатных книгах», в которой опубликованы записи на книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII вв. В работе учтены записи на 900 книгах, в том числе и на старопечатных книгах Архангельского собрания, поступивших в БАН в 1966 г. [7].

В настоящее время в Отделе рукописей ведется работа по выявлению и подготовке к публикации записей на рукописных книгах Архангельского собрания. На рукописях собрания сохранились разные по содержанию записи XV–XX вв., относящиеся к процессу создания и бытования книг: писцовые, вкладные, владельческие, записи о покупке и продаже книг, читательские пометы, а также записи и пометы, относящиеся к учётным документам монастырей, приходских церквей и различных учреждений.

Выявленные писцовые записи относятся к XV–XIX вв. В них содержатся сведения о переписчиках и заказчиках рукописи, месте и дате написания, а также молитвенные обращения к Богу, обращения к читателям книги, записи типа пробы пера. Некоторые писцовые записи представляют собой копии записей протографов, другие являются формулами, которые часто использовали писцы, завершая текст рукописи. Одной из таких формул являются начальные слова из Русского послесловия к Диоптре Филиппа Пустынника «Словеса убо писаннаа приидоша в конец, уму же да не будет когда приати конец в любителях душепитательных словес, кое убо когда будет благых насыщение», которая завершает тексты ряда рукописей XVI–XVII вв. Архангельского собрания [8].

Переписанные рукописи прочитывались и сверялись с подлинниками. Следы этой работы сохранились, в частности, в записях на книгах из библиотеки архиепископа Холмогорского и Важеского Афанасия. Известно, что архиепископ Афанасий был увлечённым книжником и внимательно относился к качеству списков [9]. На двух рукописях его келейной библиотеки (Арханг. С. 175 и С. 193) сделаны записи о прочтении и сверке текста рукописей с подлинниками в Москве. При этом в одной из рукописей — списке сочинения братьев Лихудов «Диалоги грека учителя к некоему иезуиту» (Арханг. С. 175) — сделаны многочисленные исправления и вставки на отдельных листах пропущенного текста [10]. Редакторы оставляли свои пометы о правке на полях рукописи в виде помет: «справлена вся», «правлена», «читана».

Иногда при переплёте рукописи нарушался порядок листов. Редактор или внимательный читатель оставляли указания об этом. Так, например, в текст Шестоднева Иоанна Экзарха переплётчик по ошибке включил Шестоднев Георгия Писида. Редактор сделал следующую запись: «Премудраго Георгия Писида Похвалное здесь мешал переплётчик

изинья книги» (Арханг. С. 124, л. 215 об.). В некоторых рукописях встречаются отсылочные записи, восстанавливающие правильный порядок листов («Преступи тридцать пять листов и чти о шестом дни Слово Великаго Афанасия Александрьского...», «перейди вперед три тетради, да чти», «зри, перейди назад», «зри, что зди») [11].

В некоторых записях специально оговаривается возможность предоставления рукописи на список. Так, в 1574 г. некий дяк Лука на служебной Минее сделал запись о том, что рукопись на список ему должна даваться «беспенно», т.е. беспрепятственно (Арханг. С. 47, л. 134 об.). Житие Василия Нового, принадлежавшее старцу Преображенского монастыря Герасиму, было взято на список под расписку на два месяца [12]. Напротив, в записи на Хронографе из библиотеки Антониево-Сийского монастыря (Арханг. Мисс. 16, л. 1) архиепископом Афанасием «заповедано», «чтоб сея книги на список никому не давать».

Большую часть записей собрания составляют записи владельческие и вкладные. Многие из них свидетельствуют о принадлежности рукописей монастырям и приходским церквям. В описи Архангельского собрания в отдельные разделы выделены рукописи Антониево-Сийского (7 ед.), Николо-Корельского (18 ед.), Красногорского (66 ед.), Соловецкого монастырей (9 ед.). На основании записей были выявлены новые рукописи, принадлежавшие указанным монастырям, а также книги Кандалакшского, Козьмеручьевского, Михайло-Архангельского (в г. Архангельске), Онежского Крестного и других монастырей [13]. Кроме того, в составе собрания выявлены рукописные книги из церковных приходов епархии, таких как Виремский, Варзугский, Надвоицкий, Сороцкий и др. [14].

Для изучения истории формирования церковных библиотек представляют интерес имена владельцев и вкладчиков рукописей. Самые известные из них царь Иван Грозный, делавший вклады

в Соловецкий монастырь, казначей патриарха Адриана Паисий Сийский, завещавший в Антониево-Сийский монастырь рукописи, среди которых богато иллюстрированное Сийское евангелие, поступившее в БАН в составе собрания Археографической комиссии (Археогр. ком. № 190). Многие рукописи Антониево-Сийского монастыря принадлежали ранее настоятелям и известным книжникам — игумену Феодосию и архимандриту Никодиму, а также иеродиакону Иосифу и Афанасию, рукописи которых были положены ими в монастырь или поступили после их смерти. В составе рукописей Архангельской семинарии находятся книги из библиотеки архиепископа Афанасия Холмогорского.

В одной из записей содержатся сведения о коллективном вкладе «всем миром»: Евангелие апракос было положено в 1611 г. в Шеромский монастырь прихожанами церкви Ильи пророка Кивокурской волости (Арханг. 1197).

Владельцами и вкладчиками рукописей были рядовые монахи, священники, мещане. Некоторые записи содержат сведения о владельце и об обстоятельствах приобретения ими рукописей. Так, например, из записи, на Сборнике житий, слов и поучений XVI в. (Арханг. Д. 147), принадлежавшей кемскому мещанину Фёдору Васильевичу Гнусову-Меркушеву, мы узнаём, что Сборник был приобретён им в 1859 г. «за дешёвую цену» в Архангельске и что проживает он в г. Кеми «в доме с родителми своими и с семейством в доме своих родителей» [15]. В 1868 г. в г. Архангельске он приобрёл три певческие рукописи (Арханг. Певч. 12, Певч. 20 и Певч. 52), а записи на них сделал спустя несколько дней на судне «Святой Филарет», когда оно находилось против Понои «в голомени», т.е. в открытом море. В записи на Стихиаре (Арханг. Певч. 52) Фёдор Васильевич указывает, что они стояли в море из-за безветрия «и противнаго ... течения в море воды во время прилива...». На Святцах XIX в. (Арханг. Д. 580), возможно,

принадлежавших также семейству Гнусовых, по листам сделаны многочисленные пометы о семейных событиях, церковных праздниках, погоде.

Во владельческих, вкладных и запродажных записях встречаются сведения о цене рукописей. Таких записей совсем немного. Одна из рукописей — Служебник и Требник (Арханг. Д. 27) продавалась на протяжении полувека трижды: в 1558 г. она стоила 2 гривны, в 1574 г. — 7 алтын, а в 1607 г. — 5 алтын. Лишь в одной из певческих рукописей собрания (Арханг. Певч. 83) объёмом 300 листов указана цена за бумагу и переплёт, что составило пятьдесят копеек, и за письмо мастеру, которое оценено в полтора рубля.

Читательских записей, учитывая особенность формирования Архангельского собрания, большинство рукописей которого принадлежало монастырским и церковным библиотекам, немного. Они относятся, главным образом, к XVIII–XIX вв. Среди читателей были крестьяне, мещане, солдаты, студенты семинарий и ученики приходских школ. Оставлены эти записи, в основном, на книгах учебного содержания, таких как Изумруд, Сборник житий, слов и поучений, Алфавит духовный. Особенно популярным чтением были Страсти Христовы, один из списков которых буквально переходил из рук в руки (Арханг. Д. 556), читали его «с удовольствием» и «со слезами». В записях содержатся сведения не только о факте прочтения, но также об обстоятельствах приобретения книги, сведения о семье, погоде. В записях о погоде говорится о суровых зимах в разные годы. Особенно суровой была зима 1557 г., когда «хлебы на горах не пришли, мрази убили весь хлеб и мерло людей по дорогам многое множество, а четверть ржи была по трицать алтын. Того же году и упрягивать людей не могли» (Октоих, Арханг. Д. 25, л. 152).

На некоторых рукописях сохранились записи, свидетельствующие о бытовании их в старообрядческой среде и, в частности, в с. Усть-Цильма. Среди читателей рукописей был Клеоник Мартынович

Носов, крестьянин из Пижмы. Запись о прочтении в 1902 г. «Деяний церковных и гражданских» Цезаря Барония сделана им на рукописи Миссионерской библиотеки (Арханг. Мисс. 18). Клеон Мартынович являлся представителем московских старообрядческих издательств на Пижме, имел своё собрание рукописей. Записи и штампы его библиотеки сохранились на рукописях и печатных книгах собраний ИРЛИ, Научной библиотеки Сыктывкарского университета, Национального музея Республики Коми, отдела редких книг Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета [16].

Священник Кудьмозерского прихода Василий Батурин, прочитав в 1899 г. «Сборник выписок в пользу раскола», сделал следующую запись: «Читал сию раскольническую Апологетику ... и увидел, как сатана помрачает ум человека, который истину старается превратить в ложь, видя безчисленные доказательства, что антихрист человек будет и, не веруя оным, тщится утвердить на своей лжи антихриста духовно. Дивлюсь же и Божию долготерпению: как терпит столь поносительную хулу на святую его» (Арханг. Д. 592, л. 3). Василий Михайлович Батурин в прошлом сам был старообрядцем, но перешёл в единоверие и стал «начётчиком, способным вести противораскольнические собеседования» [17]. Рукопись поступила в Архангельское древлехранилище в 1912 г. через Н.Д. Козмина из Кудьмозерского прихода. На ней была сделана отметка «...не подлежит возвращению» (Арханг. Д. 592, л. 2).

Среди записей встречаются цитаты из Священного Писания, выписки из богослужебных текстов, а также записи пословиц, поговорок, загадок. Многие из них не завершены и являются пробами пера. Среди таких записей — загадки, пословицы, поговорки, которые входили в состав ученических прописей: «Аще кто хошет много знати, тому подобает мало спати, поутру ставати года» (Арханг. Д. 590, Д. 119, Д. 518), «Что есть: человек

стоит в воде по горло, просит пити, а напитися не может» (Арханг. Д. 286, с. 252); «Стоит град пуст, около его вырост куст, идет старец несет ставец, в ставце зварец, старец пролил зварец» (Арханг. Д. 438) и др. Особенно часто встречается загадка «Стоит град на пути, а пути к нему нет. Идёт посол, несёт грамоту неписану», ответ на которую был хорошо известен писавшим. В Памятной книге Николо-Корельского монастыря записаны приметы: «Гусь загогочет — корова сени хочет — по осени», «Сей рожь в золу, а пшеницу в грязь — не позднее 25 авг.» (Арханг. Ник.-Кор. 17) [18].

На рукописях встречаются записи, сделанные студентами семинарии на латыни, греческом и французском языках, а также на русском языке, но латинскими буквами. Появление этих записей связано с введением в курс Архангельской семинарии изучения латинского языка, а затем греческого и европейских языков. В качестве переплётных листов часто использовались черновики архивных документов и листов из рукописей и печатных книг, в том числе на иностранных языках. Так, например, в Сборнике назидательных статей в качестве защитных листов переплёта использованы листы из учебных прописей XVIII в. на голландском языке (Арханг. Д. 372), в Псалтыри с воследованием — фрагмент документа XVI в. на английском языке (Арханг. Д. 123).

В Архангельском собрании выявлены 24 рукописи, в которых использована разного вида тайнопись. Большая часть записей относится к XVII в., 4 записи — к XVI в. и 4 — к XVIII в. Из всех видов тайнописи чаще всего использовалась простая литорейя. Кроме того, встречается простая и описательная цифровые системы, значковая счётная тайнопись. В записях зашифрованы имена писцов и владельцев рукописей. Иногда тайнопись повторяет уже имеющуюся в книге открытую запись о принадлежности, название рукописи или является фразой, завершающей текст. В качестве тайнописи писцы использовали также пермскую

азбуку. В Кормчей XVI в. (Арханг. С. 5) буквами пермского алфавита пронумерованы тетради рукописи. По мнению Б.Н. Морозова, нумерация сделана писцом рукописи Васюком Гавриловым Кылдашевым [19].

Интересны записи, сделанные приходскими священниками. Так, священник Сумского прихода Михаил Иванович Павловский в записи на одной из рукописей Крестного монастыря (Арханг. Д. 470) приводит краткие сведения о себе и своих родителях. Кроме того, он сообщает, что с 5 июня 1854 г. он находился на епитимии в Онежском Крестном монастыре с запрещением священнослужения за грехи, допущенные «против закона из одной любви к отпадшим от православной церкви в раскол братьям и сестрам». В монастыре Павловский составлял новую опись и делал заверку рукописей. Его записи сохранились на пяти рукописях собрания.

Священник Сорочкой Троицкой церкви Пётр Варфоломеев в 1855 г. подписал Житие Зосимы и Савватия XVII в. (Арханг. Д. 256) с наказом: «Хранити ю подобает со всяцем опасением чиновачальником церковным, яко древность и достойную уважения на пользу души». На Евангелии тетр. XVI в. (Арханг. Д. 32) сделана запись о посещении в 1858 г. Борисо-Глебского храма епископом Архангельским и Холмогорским Александром, с перечислением сопровождавших его лиц: печенгского священника Василия Дьячкова, поддиакона Василия Легатова, монаха Василия и станового Соколова.

Практически на всех рукописях Архангельского собрания сохранились номера различных учётных документов. Эти номера при сопоставлении с архивными материалами дают дополнительные сведения по истории бытования рукописей и реконструкции библиотек. На рукописях Красногорского монастыря, вложенных в 1635 г. купцом Третьяком Лыткиным, сохранились пометы в виде номеров, сделанных кириллицей. Эти номера совпадают со списком рукописей, переданных

Лыткиным в монастырь. На основании сопоставления рукописных книг со списком удалось дополнительно выявить ещё девять книг, положенных купцом в монастырь [20]. Почти на всех рукописях Антониево-Сийского монастыря поставлены номера синим карандашом, которые, как оказалось, совпадают с номерами списка монастырских рукописей, переданных в 1903 г. в Архангельскую духовную семинарию, а затем в Архангельское Древлехранилище. На основании этого списка и имеющихся на рукописях номеров дополнительно были выявлены еще 63 рукописи, принадлежавшие библиотеке Антониево-Сийского монастыря [21]. Такие же сопоставления удалось сделать и для некоторых рукописей приходских церквей [22].

На многих рукописях сохранились наклейки с номерами учётных документов XIX в. Эти номера встречаются в дореволюционных исследованиях, в частности в работе Василия Максимовича Верюжского об Афанасии Холмогорском. На других наклейках иногда приводятся сведения о поступлении рукописей в Архангельское Древлехранилище. Помимо записей и помет на некоторых рукописях сохранились именные сургучные печати и штампы отдельных лиц и учреждений. Среди них — сургучные печати Пертоминского монастыря, архиепископа Холмогорского Варнавы, Желтикова И.В. и др. На одной из рукописей стоит владельческий штамп священника Никифорова Наркисса Иосифовича. Он служил в разных приходах Архангельской губернии, начиная с 1896 г. В 1920 г. был осуждён по статье «антисоветская агитация», но в том же году освобождён из лагеря за неподтверждением обвинения. После этого он служил в с. Сия Емецкого района. После закрытия церкви совершал тайные богослужения на дому и в 1933 г. был обвинён в контрреволюционной агитации и выслан в Северный край на 5 лет. Дальнейшая судьба его неизвестна [23].

На нескольких рукописях собрания сохранились пометы известного

археографа Павла Михайловича Строева, который в ходе первой археографической экспедиции Академии наук в апреле-июне 1829 г. работал в архивах и библиотеках Архангельской семинарии, Антониево-Сийском, Михайло-Архангельском и других монастырях [24]. На Копийной книге Архангельского монастыря (БАН. Арханг. 1192, л. 320 об.) он оставил следующую запись: «Отсюда выписано 38 актов апр. 28 1829. Строев». Документы из архива Михайло-Архангельского монастыря были опубликованы в «Актах юридических», изданных в 1838 г. [25].

Более 200 рукописей Архангельского собрания имеют печатные описания, где приведены содержащиеся в них записи и пометы. Некоторые записи приводятся в исследованиях, посвящённых отдельным памятникам. В «Корпус записей Архангельского собрания» будут включены записи и пометы на всех рукописях собрания.

Настоящая работа выполняется на материалах Архангельского собрания, но рукописные книги, бытовавшие на территории Архангельской епархии, находятся как в других собраниях БАН, так и в хранилищах разных городов. Сопоставление записей Архангельского собрания с записями в рукописях других собраний даст дополнительный материал для реконструкции церковных и частных библиотек, истории бытования и создания рукописей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Историю изучения записей см.: *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 6–26.

2. *Тихомиров М.Н.* Записи XIV–XVII веков на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 11–36; *Костюхина Л.М.* Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 273–290; *Сметанина С.И.* Записи XVI–XVII веков на рукописях собрания Е.Е. Егорова //

АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 358–396; Записи писцов в древнерусских рукописях XIII–XV вв. (Из архива М.Г. Гальченко) М., 2003; *Асафов К.М., Протасьева Т.Н., Тихомиров М.Н.* Записи на книгах старой печати XVI–XVIII веков // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 276–344; Корпус записей на старопечатных книгах. Вып. 1 : Записи на книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII вв. / сост. Л.И. Киселева. СПб., 1992; *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплётчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000 и др.

3. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II : XIX–XX века. М., Л., 1958. С. 64.

4. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II. С. 66.

5. *Белова Л.Б., Кукушкина М.В.* К истории изучения и реконструкции рукописного собрания Антониево-Сийской библиотеки // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М. ; Л., 1978. С. 154–187.

6. *Кукушкина М.В.* 1) Книгописная школа Афанасия архиепископа Холмогорского и Важеского // ВИД. Вып. 3. Л., 1970. С. 108–129; 2) Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 357–372; АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 341–356; 3) Монастырские библиотеки Русского Севера : Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977 и др.

7. Корпус записей на старопечатных книгах. Вып. 1 : Записи на книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII вв. / сост. Л.И. Киселева. СПб., 1992.

8. Д. 56 (Псалтырь), Д. 189 (Псалтырь), Д. 283 (Часослов и канонник), Д. 304 (Псалтырь), Д. 180 (Слова Исаака Сирина), Д. 297 (Святцы и др.), С. 39 (Минея служебная, ноябрь).

9. *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды

в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет её существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 600–601.

10. Арханг. С. 193, л. III: «Сия книга Воумление от архиеереа преосвященнаго Афанасиа архиепископа Холмогорскаго и Важескаго келейная, а прочтена и справлена с подлинною книгою в бытность ево архиерейскую на Москве в очереди 205-го лета априллия в 24 день»; Арханг. С. 175, л. 6: «Сия книга Диалоги или разглагольства различная между некоего грека учителя и исуита о избранных разнствиих, сущих между святою Христовою восточною церковию и западною: преосвященнаго Афанасия архиепископа Холмогорскаго и Важескаго келейная, а прочтена и справлена с подлинною книгою в бытность ево архиерейскую на Москве во чреде 205-го лета априллия в день».

11. Арханг. Д. 140, Д. 180, Арханг. Кр. 31 и др.

12. «197-го года [1689 г.] марта в 17 день взята сия книга в Преображенском монастыре у старца Герасима медника на список, а дана росписка на Николаев день вешней, того же года 197-го мая в 9 день срок той день» (Арханг. 1189, л. 1).

13. *Белова Л.Б., Ефимова Н.А.* Рукописные книги монастырских библиотек в составе Архангельского собрания Библиотеки Российской академии наук // Книжные собрания Русского Севера : проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Сб. статей. Вып. 5. Архангельск, 2010. С. 39–49; *Ефимова Н.А.* Кандалакшский монастырь : история и библиотека // Петербургские исследования. Вып. 4. СПб., 2011. С. 211–220.

14. *Белова Л.Б., Ефимова Н.А.* Рукописные книги церковных приходов в Архангельском собрании БАН // Книжные собрания Русского Севера : проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Сб. статей. Вып. 6. Архангельск, 2013. С. 147–160.

15. Рукопись в XVI в. принадлежала церкви влкм. Варвары в Ухтострое. См.: Описание Рукописного отдела

Из истории библиотек

Библиотеки Академии наук СССР. Т. 8, вып. 1 : Рукописи Архангельского собрания / сост. : А.А. Амосов, Л.Б. Белова, М.В. Кукушкина. Л., 1989. С. 189–194.

16. *Мальшев В.И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 22–23, 25; *Волкова Т.Ф.* Владельческие записи печорских крестьян на рукописных и старопечатных книгах (по материалам электронной базы данных) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. VII. Ч. 2 : Проблемы книжной культуры. Екатеринбург, 2009. С. 254.

17. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. I. Архангельск, 1894. С. 213.

18. Аналогичные записи на рукописях Пушкинского Дома см.: *Маркелов Г.В.* Смеховые приписки в рукописях Древлехранилища Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 444–446.

19. *Морозов Б.Н., Симонов Р.А.* К проблеме источников древнепермской письменности Стефана Пермского (около 1340–1396) // Древняя Русь. № 1(35), март. 2009. С. 12 (с. 11 — воспр. фрагм. л. 158 с пермскими цифрами).

20. *Ефимова Н.А.* К вопросу о реконструкции книжных вкладов купца Третьяка Лыткина в Красногорский монастырь // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 2. История. 2017, № 2. (В печати.)

21. *Белова Л.Б.* Библиотека Антониево-Сийского монастыря (вновь выявленные рукописи в составе Архангельского собрания) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. (В печати.)

22. *Белова Л.Б., Ефимова Н.А.* Рукописные книги церковных приходов в Архангельском собрании БАН. С. 147–160.

23. За веру Христову: Духовенство. Монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918–1951) : Биографический справочник / сост. С.В. Суворова. Архангельск, 2006. С. 364.

24. *Барсуков Н.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 176–184.

25. Акты юридические или собрания форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической комиссией. СПб., 1838. С. 64–70, 116–119, 135, 144, 434–435.

ФРАНЧЕСКО АЛЬГАРОТТИ И ЕГО «ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ»: К ИСТОРИИ ОДНОЙ КНИГИ

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена отдельным аспектам, связанным с посещением Российской империи известным итальянским деятелем эпохи Просвещения Ф. Альгаротти (1712–1764), которое он описал в своей книге «Путешествие в Россию». В статье, в частности, рассматривается маршрут путешествия Альгаротти из Британии в Санкт-Петербург, а также образ Петербурга и Российской империи в его книге в сравнении с образом России в сочинениях других иностранных путешественников XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Франческо Альгаротти, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Август III, Антиох Кантемир, образ Петербурга, образ России, Александр Сергеевич Пушкин, путешествия, иностранцы о России, Ревель, Великобритания, Просвещение, Российская империя.

Венецианец Франческо Альгаротти по праву считается одним из видных деятелей итальянского Просвещения: обладая разносторонними, энциклопедическими познаниями, он проявил себя в качестве учёного, литератора, путешественника, тонкого знатока и ценителя искусства.

Знаменитая коллекция живописи Дрезденской картинной галереи, в частности, появилась при непосредственном и самом деятельном участии Альгаротти, который, выражаясь современным языком, консультировал короля Польского и курфюрста Саксонского Августа III в деле приобретения для неё картин и лично участвовал в их покупке. Приобретённые им произведения составили основу этой коллекции, среди них, в частности, следует отметить такие шедевры, как полотна друга Альгаротти Тьеполо, Лиотара (знаменитая «Шоколадница»), «Мадонна» Гольбейна, «Три сестры» Веккьо и др.

Широкую известность двадцатипятилетнему Альгаротти принесло сочинение «Ньютонизм для дам, или Диалоги о свете и красках» — вышедшее в 1737 г. популярное изложение теории Ньютона [1].

Публика встретила его весьма благосклонно и за короткий срок «Ньютонизм» превратился в настоящий бестселлер, снискав его автору славу просветителя. Известно, что это сочинение высоко оценил Вольтер, с которым Альгаротти связывали дружеские отношения. Российский посланник в Лондоне и также друг Альгаротти — Антиох Кантемир перевёл «Ньютонизм» на русский язык. Дальнейшую судьбу этого перевода, к сожалению, выяснить не удалось, и он считается утраченным [2].

Вполне вероятно, что интерес к России и намерение посетить её появились у Альгаротти под влиянием общения с Кантемиром, причём последний всецело содействовал ему в осуществлении этого намерения, предоставив рекомендательное письмо к влиятельнейшему в то время в российских государственных делах графу А.И. Остерману. Свои впечатления от путешествия и пребывания в России Альгаротти описал в «Дневнике путешествия из Лондона в Петербург на корабле “Августа” милорда Балтимора в мае месяце 1739 г.» [3] и в сочинении «Путешествие в Россию» (его первое

издание вышло в 1760 г. анонимно под названием «Письма о России. Очерк» [4], которое стало самым известным литературным произведением итальянца.

Россию Альгаротти посетил в составе официальной британской делегации во главе с Чарльзом Калвертом пятым лордом Балтимором, следовавшей летом 1739 г. из Англии в Санкт-Петербург на свадьбу принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны — племянницы императрицы Анны Иоанновны — с принцем Антоном Ульрихом Брауншвейг-Беверн-Люнебургским. В составе делегации литератор оказался благодаря лорду Балтимору, который пригласил его принять участие в этой поездке.

На всем её протяжении Альгаротти вёл путевой дневник, куда записывал свои впечатления, и позднее на его основании написал своё знаменитое сочинение о путешествии в Россию. Оно увидело свет почти двадцать лет спустя после самого путешествия, как отмечалось выше, в 1760 г. на итальянском языке, а в 1769 г. последовали переводы на французский и английский языки.

Отправным пунктом путешествия стал британский Грейвзэнд — порт в устье Темзы. Принадлежавший лорду Балтимору фрегат «Августа» покинул его 21.05.1739 г., увозя на своём борту делегацию в Санкт-Петербург. Через девятнадцать дней «не лишённого, — по выражению Альгаротти, — злключения плавания», к которым относился шторм, изрядно трепавший корабль шесть дней подряд, фрегат бросил якорь в порту Эльсингёр (совр. Хельсингёр), в проливе Зунд, разделяющем Данию и Южную Швецию. Среди прочего Альгаротти отметил красоту местной прибрежной полосы и восхитился замком Кроненборг, где предположительно разворачивалось действие трагедии Шекспира «Гамлет» [5].

Покинув Эльсингёр, фрегат миновал Копенгаген. Далее его маршрут проходил мимо островов — датского Борнхольма, шведского Готланда и в то время

принадлежавшего России Даго (ныне эстонский Хийумаа). 15 июня корабль оказался вблизи Ревеля (Таллин), где британская делегация вовсе не собиралась останавливаться, однако ветер резко сменил своё направление и «Августу» вынесло к ревельскому побережью. Спасаясь от шторма и опасных мелей и рифов, которыми печально известен ревельский рейд (в своём «Дневнике» Альгаротти детально отметил их все), было решено укрыться в гавани Ревеля. Так, по воле случая, британская делегация оказалась в главном городе российской Эстляндской губернии [6].

В своём описании Ревеля Альгаротти касается самых разнообразных сюжетов: пишет о городских фортификационных сооружениях, гавани, гарнизоне, верфи, торговле, местных сословиях, законодательстве и городской архитектуре. Особое внимание к этому городу объяснялось интересом литератора к фигуре Петра I. В «Дневнике» он, в частности, отмечает, что Ревель был взят Петром I 9.10.1710 г. (по н. ст.) в ходе Северной войны, при этом все местные привилегии, которыми пользовались прибалтийско-немецкое дворянство, лютеранское духовенство и бюргеры, были «подтверждены и честно блюдутся» [7].

После того как шторм стих, 17 июня британская делегация продолжила свой путь в столицу Российской империи Санкт-Петербург. На следующий день «Августа» миновала остров Гогланд и вечером того же дня бросила якорь у Кроншлота. Завершилось же долгое и опасное плавание в Кронштадте.

Петербург произвёл весьма сильное впечатление на Альгаротти. Он описывает, как перед путешественниками, добравшимися в Петербург из Кронштадта на барке, из-за поросших «неприветливым» лесом безжизненных берегов Невы вдруг, «словно в опере», открылся прекрасный город с роскошными зданиями по обоим берегам, с возвышающимися то тут, то там золотыми шпилями, с Адмиралтейством, Арсеналом,

Академией наук и Зимним дворцом. Само расположение города, построенного вдоль большой реки и на многочисленных островах, Альгаротти нашел «великолепным», дающим множество точек обзора и перспективных эффектов.

Петербург, по отзыву Альгаротти, весьма живописен, в нём господствует смешанный архитектурный стиль — средний между итальянским, французским и голландским, с преобладанием последнего. Это обстоятельство литератор связывает с пребыванием Петра I в Голландии и с голландским влиянием на него. Вместе с тем он не преминул отметить, что город построен среди лишённого «признаков жизни» «бескрайнего леса», на зыбкой, болотистой почве и потому здания приходилось часто перестраивать [8].

Альгаротти образно сравнивает Петербург с «огромным окном, недавно распахнувшимся на севере, ... через которое Россия смотрит на Европу» [9]. Как известно, благодаря А.С. Пушкину этот поэтический афоризм вошёл в русскую литературу. В примечаниях к поэме «Медный всадник» поэт ссылается на Альгаротти, не упоминая при этом произведение итальянца, откуда взята цитата. Это обстоятельство вызвало дискуссию среди исследователей о том, читал ли Пушкин произведения Альгаротти или ему была известна лишь крылатая фраза итальянца о Петербурге как окне в Европу. Подробно останавливаться на этой дискуссии мы не будем, поскольку её освещение выходит за рамки статьи.

Альгаротти не ограничился одним лишь описанием Петербурга, но также изложил и свои впечатления от Российской империи. Следует отметить, что Россия всегда притягивала иностранцев своими необъятными просторами, географическим положением на рубеже Европы и Азии, «сказочными» богатствами, ставшей притчей во языцех загадочностью русской души. Множество европейцев побывало в России в различные периоды её истории и отразило свои

впечатления о ней в путевых дневниках и воспоминаниях.

Иностранная мемуарная литература о России довольно обширна и разнообразна. В ней представлены различные по своей полярности взгляды на Российскую империю — и отрицательный, граничащий с практически полным неприятием её культуры, нравов, политического строя, и положительный, близкий к искреннему восхищению. Пожалуй, наиболее известный пример отрицательного образа России представлен в книге маркиза де Кюстина «Россия в 1839 г.» [10], в то время как Альгаротти более объективно и взвешенно отзывался о ней.

Собственно, полярность во взглядах на Россию совершенно естественна, поскольку их выразители зачастую принадлежали к разным социальным группам и придерживались различных политических убеждений. Руководствуясь собственными представлениями о правильном, с европейской точки зрения, общественном и политическом устройстве, они давали оценку российским реалиям.

Взгляд иностранцев на Россию во все эпохи формировался под непосредственным влиянием целого комплекса объективных и субъективных причин, к числу которых помимо упомянутых выше относились личные особенности конкретного путешественника, уровень его образованности, широта кругозора, полученный в России опыт общения с местными жителями. В не меньшей степени на этот взгляд влияло и то, насколько успешной была поездка, т.е. удалось ли достичь целей, ради которых предпринималось путешествие.

Следует также иметь в виду и то, что в России путешественник сталкивался с совершенно иным, незнакомым миром, где всё отличалось от привычных ему европейских реалий — обычаи, вера, язык, одежда, еда, архитектура, государственное устройство, даже природа и климат — всё было другим, не таким, как у него на родине. С этими, кардинальными различиями нередко и связана субъективность

в оценке иностранцами России. Более того, воспоминания в силу своей специфики являются, как известно, самым субъективным из исторических источников.

Альгаротти образно сравнивает Россию с «огромным белым медведем, задние лапы которого упираются в берег Северного Ледовитого океана, хвост погружён в воду, нос протянут к югу — к Турции и Персии, а передние лапы широко раскинуты и на восток, и на запад» [11]. После блестящей победы, одержанной этим «медведем» в Северной войне над могущественной европейской державой, какой была Швеция до поражения, Европе, по мнению путешественника, Россия стала внушать разного рода опасения. Сам же Альгаротти, напротив, пишет о Российской империи без страха или осуждения, с интересом, иногда с удивлением и искренним уважением.

В отличие от де Кюстина, Альгаротти отзывается о России доброжелательно. Критические суждения, тем не менее, в его сочинении присутствуют, но критика в данном случае более объективная и сдержанная. В целом, она касается российского политического строя — неограниченной монархии и существовавшего в стране «рабства» (т.е. крепостного права) — и по своей сути типична для европейских авторов того времени. Так, Альгаротти вполне справедливо пишет о всевластии «двора», который в своих действиях руководствовался не «общим благом страны», а лишь поддержанием собственного политического «превосходства», и отмечает его «неслыханную роскошь», разорявшую местное население [12]. Не укрылась от внимания путешественника и политическая нестабильность, существовавшая в тот период в России, выражением которой стали государственные перевороты.

Говоря о местном населении, Альгаротти среди прочего отмечает, что питейные заведения в России посещаются не так «усердно», как в Англии, и что

русские образованы «ничуть не хуже всякой другой нации». Тем самым он опровергает национальные стереотипы, распространённые не только среди иностранцев в отношении русских, но и среди последних о самих себе. Путешественник пишет о благочестии, умении стойко переносить тяготы, отменном здоровье и превосходных воинских качествах русских. Альгаротти подчёркивает высокий уровень подготовки русской армии и ставит её в этом отношении на один уровень с прусской, считавшейся в то время образцовой. В особенности же он выделяет русскую пехоту, считая её лучшей в мире [13].

Собственно, Альгаротти стремился объективно рассказать европейскому читателю о России, о её хозяйстве, политическом устройстве, армии и населении, и это ему в полной мере удалось.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Algarotti F.* Il Newtonianismo per le dame, ovvero Dialoghi sopra la luce e i colori. Napoli, 1737.

2. *Володина И.П.* Русские впечатления Франческо Альгаротти // Ф. Альгаротти. Путешествие в Россию / изд. подгот.: И.П. Володина, А.Ю. Миролюбова; пер.: Ю.Н. Ильин, Н.М. Ботвинник, В.В. Зельченко. СПб., 2014. С. 221.

3. «Дневник» опубликован на русском языке: *Альгаротти Ф.* Окно в Европу. Дневник путешествия / пер. М.Г. Талалай. М., 2016.

4. [*Algarotti F.*] Saggio di lettere sopra la Russia. Parigi, 1760. Имеются переводы этого сочинения на русский язык: *Альгаротти Ф.* 1) Русские путешествия: Письма о России / пер. М.Г. Талалай. СПб., 2006; 2) Путешествие в Россию / изд. подгот.: И.П. Володина, А.Ю. Миролюбова; пер.: Ю.Н. Ильин, Н.М. Ботвинник, В.В. Зельченко. СПб., 2014.

5. *Альгаротти Ф.* Путешествие в Россию... С. 4, 11, 14.

6. *Альгаротти Ф.* Путешествие в Россию... С. 24–25.

Научные исследования

7. *Альгаротти* Ф. Путешествие на русский язык. См., например: *Кюстин А. де. Россия в 1839 году.* М., 2000. Т. 1–2. в Россию... С. 27, 29.
8. *Альгаротти* Ф. Путешествие 11. *Альгаротти* Ф. Путешествие в Россию... С. 50–53. в Россию... С. 80.
9. *Альгаротти* Ф. Путешествие 12. *Альгаротти* Ф. Путешествие в Россию... С. 49. в Россию... С. 30, 56–57, 89.
10. *Custine A. de. La Russie en 1839.* Paris, 1843. Имеются переводы этой книги 13. *Альгаротти* Ф. Путешествие в Россию... С. 62, 73.

**ПОДНОСНОЙ ЭКЗЕМПЛЯР ТРАКТАТА
«О НАРОДНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ И ПРАВОСУДИИ»
МИХАЙЛЫ АВРАМОВА ИЗ СОБРАНИЯ БАН**

АННОТАЦИЯ

В составе основного собрания рукописей БАН (1.5.54) хранится подносной экземпляр императору Петру II сочинения директора Петербургской типографии Михайлы Аврамова «О просвещении всенародном...». Настоящий список представляет собой текст проекта реформ в авторской редакции. Несмотря на то что проекты Аврамова были известны по публикации середины XIX в., настоящий список оставался неизвестным исследователям.

Ключевые слова: трактат о просвещении, Михайло Аврамов, подносной экземпляр, император Петр II.

Михаил Петрович Аврамов (1681–1752), основатель и директор первой Санкт-Петербургской типографии, был одним из ярких представителей петровской администрации [1]. В составе посольства А.А. Матвеева восемнадцатилетний подьячий Посольского приказа Михайло Аврамов побывал в Гааге. Три года, проведенные в Голландии (1699–1702 г.), он использовал для образования: учился живописи у художника Фридерика Шалка [2]. По возвращении в Россию в 1702 г., буквально сойдя с корабля, в Архангельске он был представлен царю, который пожаловал молодому подьячему на оплату долгов сто рублей. В 1706 г. Михаил Аврамов подал челобитную на имя царя, прося разрешение продолжить свое образование, и вскоре он снова отправился в Голландию, где в течение года учился «живописной науке». В конце 1708 г. его перевели дьяком в Оружейную палату, повелев быть в соответствии с образованием у «грыдоровального» дела: печатать архитектурные книги и чертежи и присматривать за художниками. Через два года для создания Оружейной канцелярии в Петербурге Михаил Петрович переезжает в новую столицу, где в 1711 г. в собственном доме

на Петербургской стороне организывает первую петербургскую типографию. В управлении Михаила Петровича находилась не только типография, но и цейсгауз, поэтому его должность называлась «цейсхдиректор». Под его руководством типография обслуживала государственные интересы: здесь издавались Ведомости, Книга Марсова, Генеральные сигналы, манифесты, артикулы, регламенты, бланки документов и мн. др. В 1720 г. Оружейная канцелярия была ликвидирована и цейсгауз перешёл в ведение Главной Артиллерии, спустя почти год, в феврале 1721 г., и типография была подчинена Синоду. Таким образом оставшийся без должности Михаил Аврамов был назначен ассессором Берг-коллегии. Под начальством Я.В. Брюса Аврамов был недолго, в 1724 г. его снова назначили директором Санкт-Петербургской типографии. Однако 4 октября 1727 г. типография была закрыта и Михаил Аврамов остался не у дел. В отставке 46-летний Михаил Петрович сблизился с кругом лиц, выступавшим против архиепископа Феофана Прокоповича и ратовавшим за возвращение патриаршества. 5 марта 1731 г. архимандрит Маркел Родышевский был арестован за сочинение

«Жития... еретика Феофана Прокоповича», тогда же и статский советник Михаил Аврамов был взят под стражу. Наказание для Аврамова оказалось мягким, его отправили в Иверский монастырь. В конце 1738 г., уже после смерти Феофана Прокоповича, Михаил Петрович был приговорен к пожизненной ссылке в Охотск. Там он встретился с главным командиром Охотского правления, бывшим обер-прокурором Г.Г. Скорняковым-Писаревым. Со временем отношения между ними сложились враждебные, что стало причиной новой опалы Михаила Аврамова и отправки его в кандалах в Тайную канцелярию в Санкт-Петербург в апреле 1740 г. По прибытии в столицу он вскоре был освобождён. Однако он продолжил критику церковной реформы Петра I, и в 1749 г. снова был арестован, скончался он в 1752 г. в тюрьме.

Михаил Аврамов известен как автор нескольких проектов реформирования государства, которые он подавал государю. За свои трактаты, критикующие церковную реформу Петра I, поданные Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, подвергался судебному преследованию. Один из его ранних проектов был введён в научный оборот в середине XIX в. Впервые он был опубликован И.К. Куприяновым в 1856 г. под псевдонимом И.Т. Посошкова в «Отечественных записках» [3]. В 1854 г. Куприянов обнаружил в Новгородской Софийской библиотеке рукопись из библиотеки Феофана Прокоповича, которую по «способу изложения» и «характеру содержания» атрибутировал Посошкову [4]. Спустя несколько лет М.П. Погодин, публикуя сочинения Посошкова, в предисловии сообщил, что записка, найденная Куприяновым, принадлежит «новому примечательному лицу Петрова времени, отысканному П.П. Пекарским» М.П. Аврамову [5]. Пекарский дословно процитировал выдержки из опубликованной записки [6], рассказывая о проектах Аврамова. В 1874 г. А.Г. Брикнер напечатал статью «О некоторых сочинениях, приписываемых Посошкову» [7], где привёл

дополнительные доводы в пользу авторства Аврамова. Таким образом, трактат Михаила Петровича Аврамова, опубликованный по списку Софийского собрания, принадлежавшему Феофану Прокоповичу, до сих пор остается условно атрибутированным и датированным по косвенным признакам.

Нам не известно, что послужило источником в исследовании Пекарского, но учитывая тот факт, что он датировал сочинение текста 1723 г., то скорее всего, он не знал о существовании рукописи Академии наук (БАН. 1.5.54), которая представляет собой подносной экземпляр императору Петру II, подписанный самим автором Михаилом Аврамовым, и датированный 1727 г. [8]. Сочинение имеет название «О просвещении всенародном о истинне правосудию о крайнем милосердии к народу». Рукопись формата фолио переписана на 20 листах книжным письмом со скорописными элементами начала XVIII в. Текст на лл. 1 об.–2 об. написан капителью и очерчен рамкой. Начиная с л. 3 листы расчерчены тремя вертикальными линиями. Основной текст написан в левой части листа, правая колонка чистая. Переплёт — картон в цветной золочёной бумаге с растительным орнаментом и остатками шёлковых завязок. На верхней крышке переплёта бумажная наклейка: Михаила Аврамова предложение о просвещении всенародном. На внутренней стороне верхней крышки переплёта: Основное собрание № 86. На л. 1 об. рисунок тушью с размыжкой, по типу тезиса, изображающий божественный свет, исходящий от Троицы в окружении апостолов, на монарха, пишущего книгу. Внизу текст: «Дела премудраго государя императора Петра Великаго по милости Иисус Христове совершает Петр Второй император и самодержец всероссийский». На л. 19 об. автограф М. Аврамова: «Вашего императорского величества всенижайший раб Михайло Аврамов. Санкт-Питербурх. Ноября в 27 день 1727 г.». На л. 2 и 17 оттиски печати Академии наук. Л. 1 склеен из двух листов. Л. 20 и I без текста.

Куприянов, опубликовавший текст по рукописи из библиотеки Феофана Прокоповича, недоумевал по поводу названия «Заповеди Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», которое является начальными словами предисловия, отсутствующего в списке БАН. В академическом списке присутствует другое предисловие, обращенное к Петру II, начинающееся словами: «Всем известно сколько трудился высокославныя и вечнодостойныя памяти, премудрый государь император о состоянии государства для вечные себе и поданным жизни». Кроме того, текст содержит отсылку к событиям 1723 г.: «Государь император еще в прошлом 1723 году заповедно рассмотреть и за благо принять изволил и для всенародной пользы мелкую медную монету и платы производить указал. А имянно: когда стало быть его императорского величества самое намерение что б мелкой медной манете в народе не быти и весьма оную перевесть, о чем велено тогда в Берх коллегии советовать, но не знали каким то учинить образом, понеже от того стал быть виден великой государственной убыток, и я тогда как в Берх коллегии, так и самому его императорскому величеству неоднократно предлагал, что для настоящих государственных нужд переводить мелкую медную монету вскоре не надобно, а надобно о умножении мелкой медной или серебряной ниской пробы манеты трудиться». Далее он подробно объяснил механизм умножения мелкой медной монеты, ее выгодном обращении. Таким образом, написание второй части трактата, опубликованного Куприяновым, связано с идеей упразднить мелкую медную монету в 1723 г. Первая часть «о просвещении народном»,

возможно, была написана еще раньше. В 1727 г. Михаил Аврамов объединил обе части в один трактат, сократив и частично изменив текст, для нового императора внука Петра I Петра II.

Михаил Петрович считал, что «многие свары, ненависти, коварства, убийства, татьбы, и разбои, и протчия злонравия» происходят от незнания народом Божих заповедей. Он предлагал в масштабах всего государства в городах с каждой тысячи дворов, и в каждом селе или деревне выбирать специальных управителей для ведения переписных книг всех жителей, включая женщин и детей. По количеству жителей предлагалось напечатать тетради с заповедями. Тетради тиражом «миллионов десять и более» должны были раздаваться всем с отметкой в переписной книге. Для печати такого количества тетрадок предлагалось увеличить штат типографий. Михаил Петрович как директор Петербургской типографии, находящейся на грани закрытия, пытался таким образом укрепить и свои позиции. Известно, что М.П. Аврамов писал не только проекты реформ, но и составлял первую историю царствования Петра I [9]. В исследовании Д.О. Серова отмечено, что в письме А.В. Макарову от 20 августа 1716 г. Михаил Петрович просил кабинет-секретаря о присылке журналов за 1713, 1714, 1715 и 1716 гг. «По те годы с начала бытия Российского государства история у меня собрана» [10].

Следует заметить, что рисунок в рукописи, возможно, исполнен самим автором, учившимся живописи в Голландии. И в таком случае, в настоящей рукописи мы имеем единственный дошедший до нас рисунок Михаила Петровича Аврамова [11].

М. Аврамов (?). Рисунок из рукописи БАН. 1.5.54

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Серов Д.О. 1) Основатель Санкт-Петербургской типографии цейхдиректор Михаил Аврамов и его записки // Мера : Литературный, историко-художественный и религиозно-философский журнал. 1994. № 1. С. 130–144; 2) Администрация Петра I. М., 2008. С. 22–23, 137–174.
2. Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 138.
3. Курприянов И.К. Два неизвестные проекта Посошкова // Отечественные записки. 1856. № 3. Т. CV. С. 59–73.
4. Курприянов И.К. Два неизвестные проекта Посошкова... С. 60.
5. Сочинения Ивана Посошкова. М., 1863. Ч. 2. С. XLV.
6. Пекарский П.П. Наук и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 498–514.
7. Брикнер А.Г. О некоторых сочинениях, приписываемых Посошкову // Русский вестник. 1874. № 8. С. 779–826.
8. БАН. 1.5.54. Л. 19 об.
9. Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 142, 163 (ссылка 29).
10. Там же. С. 164; РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 53. Л. 1–1 об.
11. Известно, что М. Аврамов 6 января 1712 г. преподнес Петру приветственные стихи, украшенные рамкой, рисованной пером Алексеем Зубовым. См.: Описание изданий гражданской печати 1708 – январь 1725 г. / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М. ; Л., 1955. С. 125–126. Возможно, рисунок в рукописи БАН также выполнен другим художником, но т.к. он не подписан, мы можем предположить, что он принадлежит автору рукописи.

ИЗДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ И ИХ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ

АННОТАЦИЯ

Представлен краткий обзор изданий Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны (1915–1917) и разночтений при описании её «Трудов...» в каталогах крупнейших российских библиотек, печатных и электронных источниках. Приведены примеры затруднений, возникающих при поиске и использовании «Трудов...» исследователями. Предложено эти издания рассматривать как серию. Описаны выпуски, хранящиеся в фондах БАН.

Ключевые слова: Высочайше учреждённая Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны (1915–1917), Первая мировая война, военные преступления, Российская национальная библиотека, Российская государственная библиотека, Библиотека Российской академии наук, Государственная публичная историческая библиотека, библиографическое описание, каталоги библиотек, сериальное издание, серия.

Высочайше учреждённая Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками (1) (далее — ЧСК или Комиссия) была образована при Совете министров России 9 апреля 1915 г. Комиссия состояла из восьми человек, в её состав вошли представители военной и гражданской судебных систем, Государственного совета и Государственной думы. Председателем Комиссии был назначен Первоприсутствующий Сенатор, тайный советник Алексей Николаевич Кривцов (2).

Структура и задачи Комиссии, создаваемой по образцу следователских комиссий стран союзного блока (Франции, Англии, Бельгии), были сформулированы в 1914 г. в докладе, представленном В.П. фон Эгертом на рассмотрении правительству и опубликованном в виде отдельной брошюры [1]. Создание Комиссии, согласно Эгерту, преследует как практические, так и отдалённо исторические цели. К *практическим*

целям следует отнести, с одной стороны, поддержание боевого патриотического духа населения и войск, с другой — обеспечение доказательной базы на предстоящих международных судах, где Россия, в случае победы, могла бы требовать политических выгод, взыскания контрибуций и возмещения ущерба пострадавшим гражданам и стране в целом. Среди *отдалённых* исторических целей называется создание «достоверного источника огромной важности для осмысления нравственной истории народов» и совершенствование правил «мирного сожителства народов» и механизмов контроля исполнения международных норм.

Комиссия собирала сведения и расследовала случаи грубых нарушений противником международных конвенций о правилах ведения войн (3), факты применения запрещённого оружия (разрывных пуль, отравляющих газов), насилия над мирным населением, жестокого отношения к военнопленным и раненым, нарушения неприкосновенности учреждений Красного Креста, оскорбления религиозных

чувств и т.п. Комиссия координировала свои действия с аналогичными комиссиями стран Антанты (созданными ещё в 1914 г.), информировала общество о собранных фактах, а также, позднее, по особому распоряжению императора, занималась опровержением обвинений российских войск в нарушении законов войны. *Текущие акты* Комиссии использовались на дипломатическом уровне с целью формирования благоприятного общественного мнения о действиях России и оказании влияния на правительства государств центрального блока через посредство нейтральных стран, а *полный отчёт* должен был быть представлен на предстоящих международных судах.

После Октябрьской революции, согласно декрету Совнаркома от 24 ноября 1917 г., Комиссии предстояло прекратить свою деятельность. Её сначала «уплотнили», а затем и выселили из здания Сената. Но только 12 июня 1918 г. Комиссия приняла на общем заседании решение о «приостановлении» своей деятельности. Действительно, после заключения сепаратного «похабного» (по выражению В.И. Ленина) Брестского мира её дальнейшая работа теряла смысл. Россия не могла принимать полноценное участие в международных заседаниях стран-победительниц и требовать каких-либо компенсаций. Деятельность ЧСК и опубликованные ею материалы оказались не востребованными и были забыты на долгое время, сведения о ней отсутствуют в энциклопедиях и чрезвычайно редки в справочных изданиях.

За время работы Комиссия опубликовала ряд опровержений в российской и зарубежной периодике, обращений к правительствам и общественности стран мира на *девяти* языках, включая шведский и японский (листовой материал), выпустила следующие печатные издания:

– двухтомный «Обзор...» (по сути дела отчет о деятельности) [2] (4),

– пять брошюр серии чтения для солдат [3],

– серию брошюр по результатам текущей деятельности Комиссии, вышедших по мере накопления материала.

Именно последним хотелось бы уделить внимание.

Брошюры представляют собой более-менее однотипно оформленные издания, снабжённые иллюстрациями в виде фотографий или схем на отдельных листах. Они лишены титульного листа, выходных данных, а также общего названия, выпуски не нумерованы, в редких случаях указан год издания. Однако каждой брошюре предпослано небольшое обращение к публике председателя ЧСК А.Н. Кривоцова, в котором представляемый выпуск именуется чаще *трудами* Комиссии, иногда *материалами*, иной раз *кратким отчётом*. Таким образом, исходя из самих публикаций, невозможно составить представление ни о времени их выхода в свет, ни о периодичности, ни о порядке выпусков, ни даже о самоназвании. Выпуск мог быть посвящён одному какому-либо событию, например, потоплению неприятелем госпитального судна, а мог содержать описание нескольких случаев (5) или статистических обзоров нарушений (каждый со своим заголовком).

Брошюры не поступали в продажу, но распространялись среди членов правительства и представителей элиты российского общества, что видно из сопроводительных записок к отдельным экземплярам БАН и РНБ, а также рассылались в некоторые учреждения, управы, редакции журналов и т.п. Текст выходил параллельно на трёх языках — английском, французском и русском, «что облегчает ознакомление с ними всего цивилизованного мира» [1, с. 28.]: переводы использовались на международной арене, с ними знакомили дипломатов союзных стран, а также общественность через публикации в авторитетной зарубежной прессе. Текст на каждом из трёх языков имеет автономную пагинацию и может встречаться либо в виде отдельной брошюры, либо соединённым с параллельными текстами на двух других языках и иллюстрациями в одну книжку.

Итак, объединяют эти публикации авторский коллектив, характер материала, способ его подачи, оформление, а также целевая аудитория. Эти же признаки ограничивают их от других изданий Комиссии, почему мы и можем говорить о серии (далее «Труды...» ЧСК).

Каталожные карточки для изданий ЧСК в единообразном оформлении в своё время были выпущены Государственной Публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и Государственной библиотекой имени В.И. Ленина. В соответствии с описаниями на карточках эти издания помещены в каталогах крупнейших российских библиотек (БАН, РНБ, РГБ, ГПИБ) *под названием* (или, точнее, под тем, что *условно принято* за название выпуска), добавочные карточки собраны под коллективом: **Россия. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками.** Под коллективом в алфавите названий представлен весь спектр имеющихся изданий, связанных с ЧСК, в том числе и интересующие нас выпуски текущих отчётов. Последние, однако, описаны как самостоятельные издания, по названию (или названию первого раздела выпуска) *с предположительной датой*: [СПб., 1916], хотя выходили они в Петрограде с 1915 по 1917 г. Как правило, выпуски имеют разные шифры. Представления о серии и о том, что эти публикации являются её частью, а также о времени и порядке их выхода в свет, не возникает.

Ещё запутаннее обстоит дело с выпусками, поступившими в библиотеки в разное время в виде брошюр на одном из иностранных языков, без параллельного русского текста. Они попадают в иностранный раздел каталога, описываются на название, не соотносятся ни с серией, ни с параллельными русскоязычными выпусками, ни даже с коллективом (6), поиск их чрезвычайно затруднён. Разыскать выпуски «Трудов...» ЧСК в иностранном каталоге можно, только зная

оригинальные названия каждого выпуска по-французски и по-английски.

Тем не менее, издание действительно носило характер серии и именно так воспринималось авторами и современниками, о чём мы можем судить по следующим свидетельствам.

Приложение на последних страницах второго тома «Обзора...» содержит список осуществленных на момент выхода тома публикаций ЧСК. Большую часть составляет интересующее нас издание, озаглавленное «Труды Высочайше учреждённой Чрезвычайной Следственной Комиссии, изданные на русском, французском и английском языках», с росписью содержания выпусков, указанием количества страниц и иллюстраций. Выпуски нумерованы римскими цифрами, всего их указано шестнадцать.

Эта роспись даёт возможность установить номера большинства выпусков «Трудов» и порядок их выхода в свет. Представить ориентировочное время выхода позволяет ряд рецензий, публиковавшихся в «Журнале Министерства юстиции» начиная с 1915 г. авторства В.В. Акимова.

Первая рецензия опубликована в ноябрьском номере и озаглавлена: «Труды Высочайше учреждённой чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками. Вып. I–IV. Год выпуска и цена не обозначены (в продажу не поступали). Со многими фотографическими снимками» [4]. То есть как минимум четыре выпуска вышли до ноября 1915 г. Следующую рецензию [5] (на выпуски V–VII) находим в февральском номере за 1916 г., а на выпуски VIII–XII – в декабрьском номере [6]. Выпуск XIII вышел датированным – «1916». Остаётся предположить, что хотя бы часть последующих выпусков «Трудов...» ЧСК появилась в 1917 г. (7).

Более близкое знакомство с экземплярами выпусков, имеющимися в фондах БАН, наводит на мысль, что представление,

а иногда только «подозрение», о том, что они образуют серию, порой приводило к видимым попыткам как-то объединить выпуски.

Так, несколько выпусков «Трудов...» на французском и английском языках в иностранном фонде БАН сведены на один шифр. Описывающие их карточки содержат указание на серию («Travaux» и «Labours») и помещены в разделе иностранной периодики Бэровской части ГАК.

Выпуск, посвящённый гибели госпитального судна «Вперёд», облечён в красивый владельческий переплёт, на котором видим тиснёную золотом надпись: «Высочайше учреждённая Чрезвычайная Следственная Комиссия. Вып. XIV». Издание не названо «Трудами», но владелец имел ясное представление и о серии, и о нумерации выпусков. Причём на форзаце чьей-то доброй рукой (рукой сотрудника библиотеки) оставлена карандашная отсылка к другому, аналогичному выпуску Комиссии, посвящённому гибели госпитального судна «Португаль».

Чрезвычайно интересна попытка объединить издания, сделанная РНБ, в фондах которой «Труды...» Комиссии представлены в гораздо большем объёме, чем в БАН, и в нескольких экземплярах. Сюда поступали экземпляры, как присланные из Комиссии непосредственно в библиотеку, так и предназначенные лично директору Императорской Публичной библиотеки Дмитрию Фомичу Кобеко, а также, по-видимому, случайные экземпляры из частных и других собраний. Значительная часть брошюр собрана под единым библиотечным переплётom и описана традиционно под коллективом как «[*Материалы Высочайше учреждённой Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками. — Санкт-Петербург, 1916–1917*]. — 28 бр., 129 л. ил. В части статей текст парал. на рус., фр. и англ. яз. — Без тит. л. и обл.». Здесь

так или иначе представлены почти все выпуски «Трудов...» ЧСК. Тем не менее, брошюры расположены хаотически, никак не соотнесены с реальным хронологическим порядком, некоторые повторяются, одни представлены на трёх языках, другие — на одном или двух, часто переводная часть отстоит от русского оригинала, иногда отсутствуют иллюстрации, отсутствует один выпуск (№ IX). Дата [1917] в предположительном времени издания объясняется наличием в сборнике дополнительного (не указанного в приложении «Обзора...») выпуска. Он посвящён показаниям вернувшегося из плена в ноябре 1916 г. директора больницы Петроградской Французской колонии доктора медицины Фортуната Евстафьевича Крессона и типографски датирован 1917 г. Экземпляры «Трудов...» составляют 27 из 28 брошюр конволюта; последняя 28-я брошюра предназначена, по-видимому, для другой целевой аудитории и относится к другой — международной сфере деятельности комиссии. Это фототипии двух немецких фронтовых писем, обличающих военные нарушения австро-германских войск, и одностраничные документы на *девяти* языках (русском, французском, английском, итальянском, испанском, греческом, датском, шведском и японском), содержащие перевод этих писем и сопроводительное обращение председателя Комиссии Алексея Кривоцова к правительствам стран. В тексте сообщается, что обращения «в количестве нескольких десятков тысяч разосланы в государства всего мира». Внизу каждой странички стоит: «Тип. И.А.Н.».

Хотя результат объединения серии едва ли можно назвать удачным (потому что разобраться в подобной мешанине читателю непросто), сама попытка и характерна, и интересна, и полезна.

Обратимся к печатным библиографическим источникам.

По ряду причин эти издания, как и существование самой Комиссии, чрезвычайно скудно освещены в библиографии, как общей, так и специальной. Серия, как

уже говорилось, не поступала в продажу и не учтена Книжной летописью. Может показаться странным, но в библиографические труды, посвящённые Первой мировой войне, издания ЧСК практически не попадали (8). Зато они встречаются в указателях литературы по международному праву.

К примеру, в отраслевой библиографии таким исключением из «правила умолчания» служит издание «Материалов к истории международного права в России» выдающегося российского историка права В.Э. Грабаря (М., 1958), а также дополненное и переработанное переиздание этой книги (М., 2005), осуществленное проф. У.Э. Батлером, одним из ведущих англо-американских специалистов в области российского права. Стоит упомянуть и авторитетное американское библиографическое издание, выпущенное проф. Батлером: «Russia and the international legal system» [8].

Во всех трёх случаях текущие издания ЧСК описываются как серия, озаглавленная «Труды...», и имеют *отсылку к фондам РГБ*, где, как указывают источники, наличествуют с I по XII выпуски серии.

Итак, традиция описывать в библиографии текущие издания ЧСК как серию нумерованных выпусков продолжается в наши дни. Однако читатель, обратившийся к каталогам крупных российских библиотек в поисках указанных «Трудов...», будет испытывать некоторые трудности.

Труды чрезвычайных комиссий разных стран активно использовались зарубежными исследователями на протяжении столетия. В нашей же стране им не везло. Единственный всплеск интереса приходится на период Второй мировой войны, когда в 1942 и 1943 гг. появляются сразу две книги, цитирующие документы ЧСК [9; 10]. Обе вышли под шапкой архивного управления НКВД и преследовали единственную цель — поддержать и умножить всенародную ненависть к врагу.

Однако такой подход не исчерпывает возможностей исторического материала, отражённого в трудах Комиссии. И в наше время, особенно в связи со столетней годовщиной начала «Великой войны» и в осложнённых политических условиях, историки, психологи, юристы заново обращаются к ним, в первую очередь в том ключе, который предвидел В.П. фон Эгерт, а именно: с точки зрения «осмысления нравственной истории народов». И здесь библиографическая труднодоступность изданий Комиссии оказывается серьёзным препятствием.

В результате в современных публикациях можно встретить такого рода сведения: «Публикации ЧСК, начавшие выходить с весны 1916 г., состояли из “материалов” (“трудов”, 45 выпусков с пропусками)...» [11, с. 41] и т.д. Здесь и датировка, и нумерация ошибочны и только дезориентируют читателя. В других случаях встречается указание не столько на издание, сколько на каталожную карточку: «Россия. Чрезвычайная следственная комиссия... и т.д.» (9). Третьи вовсе приписывают авторство брошюры председателю Комиссии А.Н. Кривцову (10).

И пока что запутанность библиографических источников прояснению картины и облегчению исследований не способствует.

В заключение приведём список Трудов Чрезвычайной следственной комиссии, представленных в каталогах БАН. Он невелик (всего восемь выпусков), поскольку эти издания не поступали в библиотеку регулярно, а попали в разное время из различных источников.

Труды Высочайше учреждённой Чрезвычайной следственной комиссии в БАН (11)

1. *Вып. IV*: Обращение германцев с нашими пленными. [Пг., 1915]. 21, 21, 21 с., [13] л. ил. — Текст на рус., фр., англ. яз.

2. *Вып. VII*: Torture (German) of Russian Soldiers [=Истязание германцами русских солдат]. [Petrograd, 1916]. 21 p. — Text in Engl.

3. То же: *Вып. VII: Tortures infligees par les Allemands aux soldats russes faits prisonniers*. [Petrograd, 1916]. 21 p. — Texte en Franç.

4. *Вып. VIII: Русские в плену у австрийцев*. [Пг., 1916]. 32, 32, 32 с., [3] л. ил. — Текст на рус., фр. и англ. яз.

5. *Вып. XI: Об уничтожении госпитального судна-парохода «Португаль»*. [Пг., 1916]. — 32, 32, 32 с., [9] с. ил. — Текст на рус., фр. и англ. яз.

6. *Вып. XII: Pillage de monastère de Potchaïev [= Разгром Почаевской Лавры]*. [Petrograd, 1916]. 7 p., [21] ill. — Texte en Franç.

7. *Вып. XIII: Profanation of churches, icons and other sacred things...* [=Осквернение церквей, икон и святынь...]. [Petrograd], 1916. 20 p. — Text in Engl.

8. То же: *Вып. XIII: Profanation des églises, des icônes et d'autres choses sacrées...* [Petrograd], 1916. 20 p. — Texte en Franç.

9. *Вып. XIV: Потопление госпитального судна «Вперёд»*. [Пг., 1917]. 21 с., [3] л. ил.

10. *Вып. XV: Жизнь русских воинов в плену*. [Пг., 1917]. 18 с., [2] л. ил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 27 ноября 1915 г. переименована: Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками и войсками держав, действующих в союзе с Германией и Австро-Венгрией. Документы ЧСК хранятся в РГВИА в Москве (Ф. 13159, 9966 дел).

2. Частично сведения о структуре и составе Комиссии приводятся в двухтомном «Обзоре...». См. [2].

3. Женевская конвенция 10 августа 1864 г., Санкт-Петербургская декларация 1868 г., Гаагские декларации 1899 г. и 1907 г.

4. См. [2]. Дальнейшие тома не вышли. Второй том продолжал рассылаться по подписке (а, возможно, и

допечатывался со старых матриц) в 1917 г., о чем свидетельствует предпосланное некоторым экземплярам обращение нового Председателя ЧСК (А.Н. Кривцов в начале 1917 г. подал в отставку по болезни), кандидата прав, присяжного поверенного Н.П. Карабчевского с объяснением о том, почему в изменившихся исторических условиях в издании сохранились названия и титулатура прежних, «царских» времен. Именно такой экземпляр имеется в БАН.

5. Описания некоторых случаев имеют внутри выпусков свою нумерацию, присваиваемую отделом ЧСК, расследовавшим данный тип преступлений, иногда её путают с номерами выпусков.

6. Такая ситуация наблюдалась до недавнего времени и в БАН. В настоящее время информация о серии и о выявленных изданиях «Трудов...» ЧСК сведена в русской части Генерального алфавитного каталога БАН (далее ГАК) сотрудниками Отдела научной обработки литературы.

7. То, что выпуски XIII–XVI, выходящие, по-видимому, в 1917 г., описаны в приложении к тому «Обзора...», датированному 1916 г., имеет простое объяснение: этот рекламно-информационный список прилетался к экземплярам книги 1916 г. (или допечатанным с клише 1916 г.) при распространении книги годом позже, вместе с текстом обращения нового главы Комиссии.

8. Исключение — указатели к тематическим библиотечным собраниям, например, [7].

9. См. [12, с. 72, примеч. 9]. Аналогичные ссылки (*Россия. Чрезвычайная следственная комиссия. [Краткий отчет о жизни русских пленных в Германии]. Петроград, [1915]. 24 с.*) можно встретить в интернет-публикациях, в том числе на профессиональных библиотечных сайтах. См., например, [13].

10. Например, А.Н. Кривцов ошибочно назван автором брошюры «Русские в плену у австрийцев» (СПб., [б. г.]) в диссертации Э.Е. Абдрашитова [14, с. 248,

п. 30]. На небольшом, но интересном и элегантном сайте Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, посвящённом Первой мировой войне, выложены три выпуска «Трудов...» ЧСК в формате PDF, описанных аналогичным образом: Автор: *Кривцов А.* Заголовок: *Истязания и убийства раненых русских воинов* Дата издания: 1916 Страниц: 27 с. См. [15].

11. Выпуски, указанные в п. 1–9, находятся в основном фонде, выпуск, указанный в п. 10, — в обменно-резервном фонде БАН.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Эгерт В.П.*, фон. Чрезвычайная следственная комиссия о преступных действиях неприятеля в войну 1914 г. Пг. : Тип. Гл. упр. уделов, 1914. 60 с.

2. Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии : [в 2 т.]. Пг. : Сенат. тип., 1916. Т. 1 : С 29 апр. 1915 г. по 1 янв. 1916 г. [5], IX, 503 с.; Т. 2 : С 1 янв. по 1 июля 1916 г. [7], VII, 413 с. Загл. обл.: Наши враги. Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии.

3. Из жизни наших героев воинов: описанные здесь случаи немецких зверств взяты из подлинных дел Чрезвычайной следственной комиссии : [в 5 т.]. Пг. : Чрезвычайн. следств. комис., 1916.

4. *Акимов В.В.* [Рецензия] // Журн. М-ва юстиции. 1915. № 9. С. 271–275. — Рец. на кн.: Труды Высочайше учреждённой чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками. Вып. 1–4.

5. *Акимов В.В.* [Рецензия] // Журн. М-ва юстиции. 1916. № 2. С. 325–336. — Рец. на кн.: Труды Высочайше учреждённой чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками. Вып. 5–7.

6. *Акимов В.В.* [Рецензия] // Журн. М-ва юстиции. 1916. № 10. С. 315–325. — Рец. на кн.: Труды Высочайше

учреждённой чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками. Вып. 8–12.

7. Catalogue méthodique du fonds russe de la bibliothèque / rédigé par A. Dumesnil avec W. Lerat, introd. C. Bloch. Paris : Ancienne librairie Schleicher, 1932. 734 p. (Publ. de la «Soc. de l'Histoire de la Guerre». Sér. 1: Catalogue des «Bibliothèque et muse de la guerre».)

8. Russia and the international legal system: a bibliography of writings by Russian jurists on public and private international law to 1917 with references to publications in emigration / ed. and comp. by William E. Butler. London : Wildy, Simmonds & Hill Publ., 2006. XVII, 253 p.

9. Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. / Упр. Гос. архивами НКВД СССР. М., 1942. 79 с.

10. Зверства немцев в войну 1914–1918 гг. : из документов Первой мировой войны / сост. З.З. Михайлович и Л.И. Полянская; предисл. акад. Е.В. Тарле; Архив. отдел Упр. НКВД по Ленингр. области. Л. : Ленингр. газ.-журн. и кн. изд-во, 1943. 103 с., [5] л. ил.

11. *Асташов А.Б.* Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 35–46.

12. *Асташов А.Б.* «Зверства» войск антитрусской коалиции в 1914–1918 гг. : военный опыт и пропаганда // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. ст. / отв. ред. : И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов, А.А. Малыгина. СПб., 2014. Вып. 2. С. 65–73.

13. *Любушкина Т.* Библиотеки и память о Великой войне // Нижегородский край: независ. информ. портал. [Н. Новгород, 2013]. URL: <http://nizkraj.ru/2013/06/27> (дата обращения 02.02.2015).

14. *Абдрашитов Э.Е.* Источники лично-го происхождения по истории российских

Научные исследования

военнопленных Первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2003. 256 с.

15. Первая мировая война и русская литература : политика и поэтика : историко-культурный контекст / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН, при поддержке Рос. гуманитар. науч. фонда [М., 2012–2015]. URL: <http://ruslitwvi.ru/source/books/02240-Istyazaniya-i-ubijstva-ranenyh-russkih-voinov.html> (дата обращения 02.02.2015).

РЕРИХИ И ИХ ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ В СИСТЕМАТИЧЕСКОМ КАТАЛОГЕ БАН

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос индексации идейного наследия Рерихов и литературы Рериховского движения в систематическом каталоге БАН. Сложившаяся к настоящему времени практика отнесения этой литературы к новой индийской философии не отражает сложности идейных основ Рериховского движения. Предлагается помещать эту литературу в разделе «Теософия».

Ключевые слова: Библиотечно-библиографическая классификация (ББК), Рерихи, Рериховское движение, западный эзотеризм, религия, философия.

Прежде всего, необходимо сказать, что в данной статье речь не пойдет о литературе, посвященной Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов, их художественному наследию или педагогическим взглядам, пропагандируемым последователями Рерихов в книгах «Международного Центра Гуманной Педагогике». Для этой литературы в систематическом каталоге БАН есть соответствующие разделы. Нас будет интересовать проблема отражения в данном каталоге идейного наследия семьи Рерихов, начиная от «Агни-Йоги» («Живой Этики») и заканчивая многочисленными трудами толкователей учения. В настоящее время труды Рерихов и литература об их учении собираются под индексом ЮЗ(5Ид)6-684 «Философия Индии — Новейшая индийская философия — Йога». Нам это представляется не совсем верным, и мы постараемся объяснить, почему, а также предложить другой вариант решения.

Рериховское движение (далее — РД) в России было особенно популярным в конце 1980-х — начале 2000-х гг. Факторов, обусловивших его популярность, много, но последнее место среди них занимал интерес интеллигенции к различного рода духовным практикам, не связанным с традиционными для России

религиозными конфессиями. Николай Константинович Рерих (1874–1947) и его жена Елена Ивановна (1879–1955) в широких кругах образованного общества — от школьных учителей, библиотекарей, работников музеев до учёных и дипломатов — воспринимались как защитники культурных ценностей, самобытные художники и мыслители, открывшие соотечественникам сокровищницы восточной мудрости и сумевшими найти путь соединения науки, религии и философии. Это не могло не вызвать симпатии у людей, чьи духовные поиски не были связаны ни с возрождавшимися традиционными религиями, ни с многочисленными сектами, хлынувшими на постсоветское пространство.

Как признают и сами рериховцы [1, 2], и не принадлежащие к ним исследователи, РД не имеет ни структурного, ни идеологического единства. Р.Н. Лункин, один из ведущих специалистов по проблемам современной религиозной жизни в России, отмечает: «Последователи учения Рерихов объединяются в отдельные организации, не обязательно связанные друг с другом. Обычно они называют себя общественными организациями с общекультурными целями. <...> Некоторые из них имеют неофициальную связь

с Международным Центром Рерихов (далее — МЦР), но МЦР не контролирует появление и развитие рериховских обществ, т.к. формально является только «объединением музеев», а не структурой рериховского движения. Такие общества действуют, по крайней мере, в 400 городах России. РД имеет <...> весьма размытую идеологию. <...> Учение Рерихов <...> на практике становится идейным основанием и для синкретических культов, сект и кружков, где какая-либо религия или же религиозная идея понимается с помощью учения Рерихов, т.к. рериховская идеология восприимчива к любой форме духовности» [3, с. 5].

Когда Архиерейский собор Русской Православной Церкви в 1994 г. определил РД как «новое религиозное движение» гностического характера [4, п. 4], это возмутило многих рериховцев. О рерихианстве как нерелигиозном явлении неоднократно заявляла Л.В. Шапошникова — глава МЦР [1, 5, 6]. В частности, она отмечала: «“Живая Этика” является не религией, а философским Учением, которое себя реализует не через религию и веру, а через науку. Никто и ничто не могут остановить течение человеческой мысли, а её магистральное направление идёт по направлению к созданию нового мышления, нового сознания и новых ценностей, которые нами должны быть приняты и реализованы на пути космической эволюции человечества» [7].

Определяя статус рериховского учения в современной культуре, его участница Ю.В. Никулина пишет: «В самом широком смысле Живая Этика может быть истолкована как философско-этическая концепция, рассматривающая пути духовной эволюции человечества. Это не религиозное и не эзотерическое учение, как часто её интерпретируют. Но это и не отрицание религиозной традиции, её семантического ядра, ибо она касается всех аспектов жизни, как таковой, и синтезирует позитивный нравственный опыт различных религиозных традиций, исходя из той презумпции, что все они

внутренне едины, а разделяются лишь внешней атрибутикой. Поэтому неправомерны попытки оторвать Рерихов от христианства, а Живую Этику противопоставить Евангелию» [8, с. 198].

На философской составляющей рериховского наследия делает акцент ряд рерихианцев — представителей творческих профессий [9], различных наук и дисциплин: астрофизики [10, 11], культурологии [12], социальной философии [13, 14], педагогики [15]. Резкой критике со стороны членов МЦР подвергаются те исследователи, кто рассматривает рерихианство как религиозное течение [16].

Однако отрицание религиозного характера движения характерно не для всех его последователей. Так, например, глава Национального рериховского комитета академик Ш.А. Амонашвили считает возможным совмещать учение Рерихов и христианство [17]. А главный редактор журнала «Дельфис» Н.А. Тоотс называет рерихианство «новым этическим гнозисом»: «В историческом контексте (в различных традициях) гнозис — это Тайное Знание, Божественная Мудрость, наука Посвящения, душа Логоса, Религия Тайны, Истинное знание о Природе и Божестве, которое человек получает в результате самопознания и слияния с Божеством. <...> Это сокровенное знание нельзя получить из доктринальных источников через обычное прочтение и рациональное осмысление. Необходимы духовное просветление и трансформация сознания. В традиции Агни Йоги, или Учения Живой Этики, это называется “расширением сознания”» [18].

Главный редактор томской газеты «Знамя Майтрейи» Г.С. Горчаков пишет: «Агни Йога представляет собой не что иное, как своеобразную высокодуховную воспитательную систему для всех могущих её воспринять сознаний. Она синтетически вбирает все предшествующие философско-религиозные Учения, данные из Высшего Источника, не отвергая их, она в то же время в свете последних научных открытий дополняет

их представлениями о бессмертии, об активном надземном существовании, о космических законах, в том числе законе причин и следствий, или Законе Кармы» [19].

Цитаты можно множить, однако вполне очевидно, что самосознание участников РД варьируется в широком спектре от философии до откровенного оккультизма. Это делает довольно сложной, на первый взгляд, задачу размещения выпускаемой движением литературы в систематическом каталоге с его устоявшейся структурой, сложившейся в совсем иных социокультурных условиях.

Что касается оппонентов последователей Рерихов, они настаивают на религиозном характере движения. Точки зрения о РД как секте оккультного характера придерживаются православный религиовед дьякон Андрей (Кураев) [20, 21], председатель Российского Объединенного Союза Христиан Веры Евангельской епископ С.В. Ряховский [22], муфтий Духовного управления мусульман Татарстана Фарид Салман [23].

В научной литературе принадлежность РД к религиозному полю не вызывает сомнений [24]. В частности, даются следующие определения: «нетрадиционное религиозное сообщество» [25], «нетрадиционная религия» [26], «новое религиозное движение» [27].

Если обратиться непосредственно к источникам, то отпадут последние сомнения в характере РД. Отношения учения Рерихов с наукой можно охарактеризовать бесчисленным количеством цитат, приведем лишь несколько.

Из «Агни-Йоги»:

«Религия и наука не должны расходиться в своей сущности. Тонкое изучение материи и атома приведет к заключению, что жизненная энергия есть не электричество, но Огонь. Так наука и религия сближаются на одном принципе. Материя утверждается, как огненная субстанция, и каждый мыслящий дух не будет отрицать силу высшую, которая есть Огонь. Наука не может разрушить понятие

божественности Огня, так же как религия не может наложить запрет на тонкие анализы, являемые наукой. <...> Потому так важно, чтобы учёные обладали тонким оккультным восприятием» (Мир Огненный. III, 60).

«Одно — отвлеченно рассуждать о дальних мирах, другое — осознать себя участником их. <...> Ухом можно уловить отрывки Великого Дыхания. <...> Полезно обернуться в далёкие эпохи, когда просыпалось это сознание. Мы увидим, что не в дни расцвета науки, но в дни Провозвестия религии просыпалось космическое сознание, ибо не гипотезы, но лишь знание духа ведёт к звёздным путям. Сожалею, что никакие астрономические вычисления не подвинут момент сношений» (Община. 30).

«Вы любите научное построение — Мы также. Если вы слышали теорию вихревых колец, теорию волн, теорию магнетизма, притяжения и отталкивания, то вы должны понять, что на земле существуют места очень разного значения. Даже тупые головы задумывались о странной судьбе многих городов. Комбинация Физика, Астрохимика, Биолога и Астролога дала бы лучший ответ без всякой мистики. Создание больших городов должно быть определено осмотрительно. Менее всего имеет значение современная политика, ибо это понятие лишено научности и красоты» (Озарение. III. V. 8) [28].

Из писем Елены Рерих:

«Человеческая эволюция считается венцом Мироздания, но мы знаем, что земной человек ещё очень груб в своей форме и тканях по сравнению с обитателями, скажем, Юпитера и Венеры» [29].

«Разнообразие видов природы зависит именно от духов, привлечённых из других миров и даже систем. Ибо при взрывах того или иного мира астральная сфера её притягивается иногда к орбите планеты, находящейся в другой системе. <...> На высших планетах меньше животных и они гораздо совершеннее. Так, на Венере совсем нет насекомых и хищников. Там настоящее царство полётов,

летают люди, летают птицы и даже рыбы. Причём птицы понимают человеческую речь» [30].

«Так, я часто вижу себя во сне <...> так, я исследовала дно Индийского океана и видела там много интересного, плыла в астральной моторной лодке под льдинами Северного Океана; летала над океанами и пустынями Египта в аппарате (виденном нами в пустыне Гоби), и без всякого аппарата летала по направлению к Венере и могла наблюдать её светоносную атмосферу и даже окраску её морей. Видела и нашу планету на расстоянии и ужасалась её грифельно-грязной и плотной атмосферой. Исполняла поручения внушением нужным людям и вносила смятение в чёрные мессы воздействием лучей» [31].

Как можно видеть, необходимые элементы современной научной теории — процедуры верификации и фальсификации полученного знания — абсолютно чужды учению Рерихов. Более подробный разбор соотношения научной картины мира и рерихианства сделан в статье Л.В. Фесенковой [32].

Для обозначенных Рерихами и их последователями способов получения знания в литературе ещё в XIX в. появился термин «эзотеризм». Современный исследователь В.Я. Ханegraаф даёт следующую широкую характеристику данному термину: эзотеризм — это большая и сложная область, «которая, во-первых, определяется господствующей религиозной и интеллектуальной культурой как “другая” для того, чтобы с её помощью обозначить границы собственной идентичности, а во-вторых, характеризуется особой приверженностью к мировоззренческим системам и способам познания мира, идущим вразрез с нормативной интеллектуальной культурой, господствующей после эпохи Просвещения» [33, с. 22].

Сама Е. Рерих об идейных истоках «Агни-Йоги» писала вполне определённо. Приведём лишь несколько цитат из писем:

«Итак, [друзья-теософы] обвиняют Н.К. [Рериха] в том, что он воспользовался теософическими идеями, нигде не упоминая теософию. <...> К их огорчению, должна сказать, что Н.К., кроме сочинений Е.П. Блаватской, *никаких* теософических книг *не* читал, ибо он предпочитает первоисточники и хорошо знаком с Восточной Мыслью и теми трудами, из которых черпала свои сведения и Е.П. Блаватская. <...> Е.П. Блаватская почтена нами, может быть, больше, чем *замалчивающими о ней* теософами» (курсив автора. — О. Д.) [34].

«Не бойтесь сказать открыто и *на суде* в лицо невеждам, что Вы верите в Священную Мудрость Востока, лежащую в основании всех религий и культов мира. Мудрость, находимую на страницах Вед, Зенд-Авесты, Каббалы, Зоари прочих священных книг всех народов, а в нашу эру — в трудах розенкрейцеров, масонов и сгруппированную Е.П. Блаватской в книге “Тайная Доктрина”» (курсив автора. — О. Д.) [35].

«Конечно, Вы правы, что людям нелегко разобраться во всем обилии появляющихся сейчас самоявленных адептов, но для этого и даны были через Е.П. Блаватскую Основы Учения Белого Братства, но кто удосужился изучить их? Все предпочли облегчённые и удобные интерпретации, вместо того чтобы направить своё внимание именно на Основные Заветы. Утверждаю, что Е.П. Блаватская была единственной посланницей Белого Братства, она одна ЗНАЛА» (выделено автором. — О. Д.) [36].

Таким образом, чётко обозначен не просто один из источников учения Рерихов, а ключевой для создателей «Агни-Йоги» текст: «Тайная Доктрина» Е.П. Блаватской (1831–1891), основательницы теософского движения. В отношении теософии схема ББК даёт вполне определённый индекс: Э391.6 «Вневероисповедные формы религии. Теософия». Причём в рамках индекса существует возможность отразить исторический аспект развития явления, территориальную

привязку и отношения с различными религиями, науками и общественными институтами.

Помещая же книги Рерихов и литературу РД в раздел ЮЗ(5Ид)6-684 «Философия Индии — Новейшая индийская философия — Йога», мы явно ограничиваем и само явление, и возможности его отражения в каталоге. Конечно, в учении Рерихов много черт, сближающих его с восточным мировоззрением. Это видно даже на уровне терминологии: «карма», «дхарма», «махатмы», «Шамбала», «Йога», «Аватар», «Майтрейя», «перерождение» (переселение души, её бесконечное перевоплощение) и т.д. Во множестве писем Е. Рерих цитирует ключевой для индуистской философии текст «Бхагавад-Гиты», а также известных представителей философии йоги — Шри Рамакришну (1836–1886) и Свами Вивекананду (1863–1902). Но делает ли это тексты Рерихов частью новой индуистской философии, в частности, йоги? Ведь по частоте упоминания слов «Космос» и «Космический», «Космическое Мышление», «Космическая Эволюция» сочинения Рерихов и их последователей в равной степени можно было бы отнести к индексу ЮЗ(2)51-578.9 «Русский космизм», если бы не хронологические и типологические ограничения этого индекса.

Вообще, обозначая учение Рерихов как-либо «философским» индексом, мы вынуждены ограничивать его или пространством, или временем, или направлением мысли. При этом нельзя не заметить, что это учение было популярно именно на Западе (в Европе, США, на территории бывших союзных республик: Латвии, Белоруссии, Украины) и в России. Иными словами, несмотря на своё восточное обличье, оно несёт в себе черты западного типа мышления.

Прежде всего, к этим чертам относится декларируемый Рерихами и РД пиетет к науке, постоянное оглядывание на неё, но в то же время настойчивое стремление «расширить сознание» учёных, приобщить

их к «Космическому Мышлению» с помощью посылаемых «Космосом» озарений. Наука с её рационалистическими методами и процедурами проверки полученных данных — слишком тревожный горизонт сознания участников РД, чтобы относить последнее к сугубо восточным духовным практикам.

Во-вторых, в РД присутствует мечта многих поколений европейских мыслителей о «золотом веке» и построении идеального общества: «В представлениях теософии и других эзотерических учений архетип “золотого века” разрастается до вселенских масштабов. Идея спасения человечества <...> приобретает космические размеры: целые космические цивилизации эволюционируют к совершенству. Сама жизнь человека приобретает космический смысл. Её эволюционное совершенствование происходит путём восхождения по лестнице космических Иерархий, приближаясь к Высшему Разуму. В этих представлениях воплощаются мечты утопических мыслителей, которые проходят красной нитью через всю историю европейской мысли» [32, с. 96].

В-третьих, в рериховской литературе отчётливо проступает очарование пресыщенного рационализмом и атеизмом европейского ума загадочностью Востока и глубиной его мудрости. В высшей степени характерно, что из «европейских» философов в трудах европейски образованных Рерихов и их последователей можно встретить лишь Платона, Пифагора и ещё нескольких древнегреческих мыслителей и неоплатоников, да и то в контексте их «посвящения» в «тайное знание». Никто из философов, заложивших основы европейского рационализма, как видно, не обогатил «Космического Мышления».

Иными словами, РД предстаёт как пример западного эзотеризма (подробнее о западном эзотеризме см. 33). Для обозначения эзотерической литературы в используемой в БАН системе ББК существует общий индекс ЭЗ91 «Вневероисповедные формы религии», для её конкретизации — его соответствующие

подразделения. Поскольку сами основатели РД обозначили своё родство с теософией, вполне логично присваивать данной литературе индекс ЭЗ91.6 «Вневероисповедные формы религии. Теософия».

В заключение отметим, что в БАН поступает литература различных рериховских организаций. Часть из них связана с МЦР, который, как мы видели, настаивает на философском и даже научном характере РД: Ярославское рериховское общество «Орион», центр «Беловодье» и др. Часть занимает враждебную по отношению к нему позицию: ассоциация «Мир через культуру» В.М. Сидорова и Всероссийский культурный центр «Дом Рерихов», музей Н.К. Рериха в Изваре, Сибирское рериховское общество, восточное Рериховское общество «Урусвати», Томское рериховское общество «Знамя мира», движение «Храм Майтрейи» и др. Часть — вообще независимую по отношению к другим обществам позицию — фонд и журнал «Дельфис» во главе с Н. Тоотс, учение Храма (Храма Человечества) [37]. В нашу задачу не входит деление этой литературы на «ортодоксальную» и «еретическую», хотя бы в силу неоднократно указанной размытости идеологии РД. Задача систематизатора состоит в облегчении читательского поиска литературы по нужной теме. Учитывая довольно мощный поток книг, связанных с эзотерикой, псевдонаукой, магией, спиритизмом, экстрасенсорикой и т.п., возникает необходимость поставить хоть какие-то маяки, обозначающие направления «духовных практик». В данном случае задача облегчается указанием самих основателей движения на свои духовные истоки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шапошникова Л.В. Некоторые особенности современного Рериховского движения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.roerichs.com/nekotoryie-osobennosti-sovremennogor-erihovskogo-dvizheniya/> (дата обращения: 05.08.2016).
2. Ограбление Рерихов. Правда об «МЦР» и его сообщниках [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ugusvati.ru/or/or1.htm> (дата обращения: 10.08.2016).
3. Лункин Р.Н. Современная религиозная жизнь России : опыт сист. описания / отв. ред. : М. Бурдо, С.Б. Филатов. М. : Унив. кн. ; Логос, 2006. 364 с.
4. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, 2 дек. 1994 г. Определение «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sobor.patriarchia.ru/db/text/530422.html> (дата обращения: 11.08.2016).
5. Шапошникова Л.В. Наука и Живая Этика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.icr.su/rus/evolution/ethics/papers/science_ethics.php (дата обращения: 20.08.2016).
6. Шапошникова Л.В. Подвижничество дьякона Кураева [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ugo.narod.ru/zaschitim/lv_kur3.htm (дата обращения: 03.09.2016).
7. О чём Рерихи пытались предупредить Россию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2011/07/26/erih.html> (дата обращения: 12.09.2016).
8. Никулина Ю.В. Живая Этика : проблема ее статуса в современной культуре // Живая этика и наука. М., 2008. Вып. 1. С. 197–202.
9. Козар В.А. Творческий синтез в искусстве и поиск новых форм жизни // Космическое мировоззрение — новое мышление XXI века. 2004. Вып. 3. С. 311–334.
10. Гиндилис Л.М. Наука на рубеже веков: вызовы и проблемы // Живая Этика и наука. М. : МЦР, 2008. Вып. 1. С. 355–378.
11. Гиндилис Л.М., Фролов В.В. Философия Живой Этики и её толкователи. Рериховское движение в России // Вопр. философии. 2001. № 3. С. 85–102.
12. Соколов В.Г. Культура как главный фактор метанаучного познания в контексте методологии Живой Этики //

75 лет Пакту Рериха : материалы междунар. конф. М., 2010. С. 227–233.

13. *Можейко М.А.* Диалог культурных традиций и общечеловеческие ценности: опыт нелинейного моделирования // Тр. Объединённого научного центра проблем космического мышления. 2007. № 1. С. 256–318.

14. *Святохина Г.Б.* Вопросы методологии познания в учении Живой Этики — философии Космической Реальности // Актуальные проблемы методологии, философии науки и образования : сб. тр. междунар. науч.-практ. конференции. М. ; Уфа, 2007. Т. 2. С. 71–74.

15. *Лебеденко А.А.* Сердце как средство метанаучного познания космической Реальности // Живая Этика как творческий импульс Космической эволюции. М., 2012. С. 269–302.

16. *Скородумов С.В.* В стране невыученных уроков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.icr.su/node/406> (дата обращения: 22.09.2016).

17. Обращение Ш.А. Амонашвили к рериховским организациям в России и за рубежом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn----7sbhgbbvdxuvxbg8e.xn--p1ai/86-novosti/115-obrashchenie-sh-a-amonashvili-k-gerikhovskim-organizatsiyam-v-rossii-i-zarubezhom> (дата обращения: 10.08.2016).

18. *Тютс Н.А.* Новый этический гнозис. Живая этика и гнозис // Тр. СПбГУКИ. 2014. № 204. С. 57–64.

19. *Горчаков Г.С.* Человек будущего [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://znamyamaytrei.ru/articles/pedagogika/chelovek-budushhego> (дата обращения: 11.08.2016).

20. *Андрей Кураев*, диакон. Сатанизм для интеллигенции. О Рерихах и Православии : в 2 т. М. : Отчий дом, 1997.

21. *Андрей Кураев*, диакон. Уроки сектоведения. Как узнать секту. На примере движения рериховцев. СПб. : Формика, 2002. 448 с.

22. Заявление Российского Объединённого Союза Христиан Веры Евангельской от 30 сентября 2002 г. по поводу

навязывания учащимся государственных школ оккультно-религиозных «культуры мира» и «Хэллоуина» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.cef.ru/6/a/327/> (дата обращения: 22.09.2016).

23. Мнение Центрального духовного управления мусульман России от 12 сентября 2002 г. о навязываемой российскому обществу квазирелигиозной идеологии «Культура мира». Режим доступа: <http://stolica.narod.ru/obraz/n092.htm> (дата обращения: 22.09.2016).

24. *Лункин Р.Н., Филатов С.Б.* Рериховское движение : уникальный феномен постсоветской духовности // Рерихи : мифы и факты: сб. ст. / под ред. А.И. Андреева и Д. Савелли (Франция). СПб. : Нестор-история, 2011. 311 с.

25. *Яковлева Ю.А.* Социологический анализ нетрадиционных религиозных сообществ : теорет.-методол. аспект // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 133–149.

26. *Балагушкин Е.Г.* Нетрадиционные религии в современной России : системно-аналит. подход: дис. ... д-ра филос. наук / Ин-т философии РАН. М., 2006. 350 с.

27. *Симанженкова Т.К.* Движение последователей учения Рерихов в современной России: философские истоки и тенденции эволюции: дис. ... канд. филос. наук / Сиб. гос. технол. ун-т. Омск ; Красноярск, 2006. 150 с.

28. Агни Йога. Живая этика : в 5 т. М. : РИПОЛ-классик, 2004.

29. Рерих Е.И. — Клизовскому А.И., 29 января 1938 г. // Письма Елены Рерих : в 9 т. Т. 6 (1938–1939 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://secretdoctrine.ru/library/pages?id=8383200> (дата обращения: 22.09.2016).

30. Рерих Е.И. — Зильберсдорфу Е.А., 13 августа 1938 г. // Письма Елены Рерих : в 9 т. Т. 6 (1938–1939 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://secretdoctrine.ru/library/pages?id=8395200> (дата обращения: 22.09.2016).

31. Рерих Е.И. — Лукину Ф.Д., 10 мая 1933 г. // Письма Елены Рерих : в 9 т. Т. 1 (1919–1933 гг.) [Электронный ресурс].

Научные исследования

Режим доступа: <http://secretdoctrine.ru/library/pages?id=8221800> (дата обращения: 22.09.2016).

32. *Фесенкова Л.И.* Сциентизация эзотерики и псевдонаука // Социол. исслед. 2004. № 2. С. 92–98.

33. *Ханеграаф В.Я.* Западный эзотеризм : путеводитель для запутавшихся / науч. ред. и авт. послесл. А.Л. Рычков ; пер. с англ. Е. Зоря. М. : Центр книги Рудомино, 2016. 256 с.

34. Рерих Е.И. — Серафиминой Н.П., 7 января 1937 г. // Письма Елены Рерих : в 9 т. Т. 5 (1937 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://secretdoctrine.ru/library/pages?id=8355800> (дата обращения: 22.09.2016).

35. Рерих Е.И. — Грант Ф., Кэмпбелл К., Лихтманам З.Г. и М., 26 апреля 1937 г. // Письма Елены Рерих : в 9 т. Т. 5 (1937 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://secretdoctrine.ru/library/pages?id=8362000> (дата обращения: 22.09.2016).

36. Рерих Е.И. — Паскевичу А. и Кавка А., 31 июля 1937 г. // Письма Елены Рерих : в 9 т. Т. 5 (1937 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://secretdoctrine.ru/library/pages?id=8366800#_ftnref8 (дата обращения: 22.09.2016).

37. Учение Храма : наставления учителя Белого Братства : сб. : пер. с англ. М. : Эксмо, 2011. 814 с.

К ИСТОРИИ РУССКОГО МОНАШЕСТВА НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

(Рукопись архимандрита Арсения)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вновь выявленный документ в собрании рукописей Н.К. Никольского (НИОР БАН), связанный с последними годами жизни основателя Иерусалимского подворья в Москве архимандрита Арсения, проведёнными им в монастыре Саввы Освященного на Синае. Принадлежавшая о. Арсению нотная рукопись с песнопениями Русской Православной Церкви была подарена им преосвященному Порфирию (Успенскому) во время посещения Сина в 1844 г.

Ключевые слова: история, русское монашество, Синай, рукописи, церковное пение, паломничества, духовные стихи, церковные предания, архивы.

В многовековой истории русского монашества на Святой земле остаётся малоизвестным период, предшествовавший учреждению в 1847 г. Русской духовной миссии в Иерусалиме. Разрозненные сведения о состоянии монастырей и пребывания в них русских довольно скудны, поэтому каждый вновь выявленный документ становится значимым. Так, весьма интересной оказалась рукопись из собрания учёного слависта, академика Императорской академии наук, директора Библиотеки АН Николая Константиновича Никольского № 339.

Эта нотная рукопись первой трети XVIII в. содержит партию баса четырёхголосных переложений церковных песнопений избранным праздникам. Книга небольшого альбомного формата, характерного для записи хоровых голосов партесных композиций. Она написана чётким профессиональным почерком, её содержание и оформление соответствует русской церковно-певческой традиции Нового времени. Внимание привлекают внутренние стороны переплётов, форзацы и подшитые к рукописи начальные листы, заполненные более поздним крупным и грубоватым почерком. Здесь же

имеется запись, утверждающая: «Писано рукою бывшего владельца книги *Sub fide pastorali*. (1) Н. Крылов». Имя владельца книги раскрывает вложенный в рукопись отдельный лист с записью, сделанной тем же Н. Крыловым: «Из книг Русского о. Архимандрита (блаженной памяти — скончался в 1848/1849) времен Екатерины Великой Арсения (??? сколько запомнил), бывшего на поклонении в Иерусалиме Палестинском и по распоряжению нашего Правительства (Духовного или мирского — не совру) заточённого в монастырь Св. Саввы Освященного, где и скончался в глубокой старости (казался на взгляд посетителей умопомешанным, а может быть и юродствовал Христа ради. Н. Крылов)».

По всей видимости, в записке Н. Крылова речь идёт об одной из ключевых фигур в истории установления русско-палестинских церковных отношений — архимандрите Арсении. Архимандрит Арсений — родом русский из донских казаков, в конце XVIII в. паломником отправился на Восток, на Афоне был пострижен и поставлен в иеромонахи, в 1797 г. переселился в Иерусалим, откуда в 1815 г. Иерусалимский

патриарх Поликарп отправил его в Россию настоятелем греческого Нежинского монастыря. Однако вскоре Арсений перебрался в Петербург «для испрошения от православных христиан добротного подаяния на совершенное возобновление и украшение погоревшего прежде храма, где Гроб Господень, и на уплату происшедших от того долгов». Арсений добился разрешения от Святейшего Синода на сбор подаяний сначала в Петербурге, а потом по другим городам России. И далее Арсений развернул активную деятельность, в результате которой он добился передачи церкви апостола Филиппа у Арбатских ворот на устройство там подворья иерусалимского храма Гроба Господня. С этого времени в «Москве появилось постоянное представительство в виде Иерусалимского подворья». Однако в силу особенностей характера, а также чересчур энергичной и, по-видимому, не всегда чистоплотной деятельности, Арсений вызвал недовольство со стороны как российских духовных и светских властей, так и иерусалимского патриарха. После череды скандалов Арсений был отправлен в Спасо-Евфимиев монастырь в Суздаль, откуда пытался бежать, но был пойман, позднее был отправлен в Константинополь и по указу патриарха был помещён в монастырь Св. Саввы на Синае, где и окончил свои годы [1, с. 679].

Довольно много об отце Арсении пишет в своих воспоминаниях преосвященный Порфирий (Успенский). Находясь в Палестине, он встречался с опальным архимандритом и проникся к нему неподдельным сочувствием. В дневниковых записях о. Порфирия [2, с. 120–124] от 5 июля 1844 г. содержится пространный рассказ о жизни архимандрита Арсения, который к этому времени находился уже около четырёх лет в монастырском заточении: «Мне крайне жаль его. Лишение его совершенной свободы есть уже крайняя жестокость, обида и чёрная неблагодарность. Отец Арсений столько добра сделал для святогробской братии и в возмездие получил неволю, бесчестие

и желает только, чтобы ему дозволили свободный выезд из монастыря. Но о нём никто не думает в здешней патриархии. Наш консул Базили презирает его. Жаль мне его; он такой глубокий, измождённый старец, жизнь его целомудренна и трезвенна; не только вина, даже чаю не пьёт он. Я обещался ему ходатайствовать за него пред обер-прокурором Синода и пред митрополитами и просить ему свободы. Он просился было со мною в Россию, но я решительно отказал ему в этом и вразумил его, что в России уже не примут его. Тогда он просил меня исходатайствовать ему, по крайней мере, свободу в Палестине. Сердечный, он уже немного помешался в уме...» [2, с. 123]. В конце повествования преосвященный Порфирий приводит несколько примеров «помешательства» о. архимандрита Арсения, в которых тот уносится в мир легенд и сказаний в духе «народного православия», где река «Иордан течёт одним рукавом в рай, а другим в Киев». Здесь же он приводит рассказ о том, как арабские купцы перегородили Иордан, закрыв отверстие в горе, через которое Иордан течёт в Индию. Архимандрит Арсений уверял также преосвященного Порфирия, что и в Китае, и в Африке живут славяне, и что он собирается проповедовать им Евангелие, лишь бы выпустили его из монастыря [2, с. 123–124]. Преосвященный Порфирий никак не комментирует эти легенды, однако приводит их довольно подробно, заинтересовавшись, вероятно, замысловатыми сюжетами.

Насколько можно судить, рассказы о. Арсения не являются плодом его «умопомешательства», а основаны на устных преданиях и фольклорных «бродячих» сюжетах о подземных водах, соединяющих реки в разных частях земли, о плавающих предметах, о потопах и засухах, возникающих из-за перекрывания русла реки, и других мотивах, связанных с водными потоками. Некоторые мотивы сохранились в устном бытовании в церковной среде до наших дней. Так, рассказ архимандрита Арсения о «русском

поклоннике», купавшемся в Иордане и уронившем в него чашку, которую он потом обнаружил в Киеве, где она «сама выбросилась из колодца» (что свидетельствовало о подземном течении Иордана до Киева), является легендарным преданием основания Николаевского-Иорданского монастыря в Киеве (Киевско-Иорданского) [3]. В свою очередь, этот сюжет является, по-видимому, интерпретацией мотива о чаше, известного по «Хождению Стефана Новгородца» (1348–1349 гг.). Стефан Новгородец в описании посещения Святой Софии в Константинополе сообщает о том, что «в великом алтаре есть колодец, который водой наполнился от святой реки Иордана», и далее излагает сюжет о найденном в том колодце ковше, который русские странники признали своим, обронённым при купании в Иордане (2) [4]. Русскому религиозному сознанию свойственна интерполяция на русскую почву библейских святых мест и чудес, среди которых доминантными будут отождествления Киева с Царьградом или Иерусалимом, Днепра с Иорданом и т.п. [5, с. 445].

В.В. Зверинский относит основание Николаевского-Иорданского монастыря в Киеве к 1616 г. [6, с. 226, № 982], однако документальные источники, подтверждённые археологическими изысканиями, свидетельствуют о существовании монастыря и церкви Николая Чудотворца уже в XI в. Имеется предположение, что мать Феодосия Печерского была пострижена в Никольском (Иорданском?) монастыре. Стоит отметить также, что к судьбе этого монастыря имел отношение святитель Димитрий Ростовский. Его отец Савва Туптало был ктиторм монастыря, в Иорданском монастыре были пострижены и поочередно служили игуменьями мать и сестры святителя.

Сюжет о чудесном перемещении по внутренним водам серебряного ковша (чашки) мог относиться как к первоначальной истории монастыря (в домонгольский период), так и к XVII в., когда монастырь был возрождён. Не утратило

своего значения это «святое место» и после упразднения монастыря в 1787 г., продолжал действовать храм и источник, поэтому и предание сохранилось в церковной среде (3).

Увлечённость архимандрита Арсения легендарными сюжетами, смутившая преосвященного Порфирия, может свидетельствовать не о его психическом состоянии, а скорее о мифологичности его религиозного сознания в целом. Детство и молодые годы Арсения прошли в среде донского казачества, где всегда были сильны эпические фольклорные традиции, в которых христианские мотивы, соединяясь с древними языческими верованиями, отражали особые народные представления о мироустройстве, о ходе исторического времени и др. На религиозное сознание о. Арсения, несомненно, повлиял его общежительный опыт в разных русских, украинских, греческих и палестинских монастырях, его паломничества в Иерусалим, на Святую землю. Именно в паломнической среде сохранились предания, апокрифические сказания, христианские полуфольклорные жанры, духовные стихи, религиозные песни. И в этой связи очень показательны то, что архимандрит Арсений записывает на свободных листах нотной рукописи (Собр. Никольск. 339) тексты наиболее популярных в паломнической среде и широко бытовавших в России в XIX в. духовных стихов. Два стиха приписываются авторству Димитрия Ростовского: «О горе мне грешнику сущу...» и «Иисусе мой прелобезный...» [7, с. 10–11] и два анонимных: псалма Воскресению Христову «Воспоим вси вдруг песнь радостно...» и стих «Среди самых юных лет вяну аки алый цвет...» (Стих о старце юном). Обычай записывать в рукописях только тексты духовных стихов без напевов в XIX в. становится распространённым, поскольку стихи распевались, как правило, на достаточно простые, легко запоминающиеся короткие напевы, нередко даже имели один общий напев для текстов с единым стихотворным размером. Возможно,

архимандрит Арсений был обучен церковному пению и даже стоял на клиросе во время служб русской братии. Однако на свободных страницах нотной рукописи он записал простые и близкие его религиозному чувству стихи. Как в древности келейным душеполезным пением для иноков служили покаянные стихи, так в XIX в. их место заняли духовные стихи и псалмы.

О русском церковном пении в монастыре Святого Саввы в первой половине XIX в. практически ничего не известно. Наиболее ранние сведения о нём находим лишь в записях преосвященного Порфирия и архимандрита Антонина Капустина. В своём дневнике преосвященный Порфирий отмечает, что кроме архимандрита Арсения в монастыре жило еще два русских монаха [2, с. 146–147], а монастырский духовник о. Иоанн (родом критянин) знал русский язык и иногда служил обедни на славянском языке для русских иноков (сведения 1844 г.) [2, с. 117].

Посетивший в 1857 г. архимандрит Антонин (Капустин) оставил очень подробное описание богослужебной, совершаемых в Благовещенском соборе монастыря Св. Саввы. Он, однако, отметил, что русскую службу в момент его пребывания на Синае пели певчие русской миссии: «С конца утрени началась уже не прерывавшаяся русская служба. Пели певчие нашей миссии. Патриарх только благословлял по временам, стоя там же, где причетничал за утреней. На его долю досталось только прочесть Символ веры и молитву Господню. Впрочем, эктении и возгласы часто слышались и греческие. Наши певчие также свободно пели и *кирие элейсон* и *парасху кирие*. Даже херувимскую песнь пропели по-гречески. В восторге от этого пения были два наши русские саввайта, глубокие старики, один с Дона, другой, кажется, из Бессарабии. В большую редкость приходится им иметь такое утешение. Их восхищение восхищало нас» [8, с. 228].

Трудно сказать, была ли нотная рукопись, принадлежавшая архимандриту

Арсению, в церковном обиходе монастыря Святого Саввы. Как отмечалось, её содержание отражает русскую церковнопевческую традицию: тексты песнопений на церковно-славянском языке, ноты записаны пятилинейной нотацией. В её состав помимо стихир Обновлению храма Христова, Николаю чудотворцу, Преображению и Успению, входят стихиры русскому празднику — Тихвинской иконе Богоматери. Здесь же записана «Жуковская» Херувимская песнь, с этим роспевом Херувимская была широко распространена в русских службах. Рукопись, несомненно, была привезена на Синай из России, но привёз ли её сам архимандрит Арсений, установить невозможно. Рукопись могла оказаться на Синае и раньше, поскольку была написана в первой четверти XVIII в. Для времени пребывания архимандрита Арсения на Синае (1840-е гг.) она являлась уже достаточно архаичной, хотя содержащиеся в ней песнопения и в XIX в. входили в церковно-певческий репертуар.

В связи с этим интересную особенность монастырской певческой практики отмечал С.В. Смоленский, посетивший русские монастыри на Афоне в 1906 г. Он писал: «В громадном репертуаре этих певцов я слышал гармонизации и композиции, совершенно не исполняемых в России, но оказавшихся мне памятными по занятиям над хоровыми рукописями XVIII века. Может быть, именно афонское уединение способствовало тому, что эти старые вдохновения уцелели и до сих пор вдохновляют молящихся. Но, несмотря на всю их наивность, высокую подчас оригинальность, я не могу не преклониться перед многими из таких сочинений, глубоко искренних, глубоко молитвенных и потому глубоко трогательных. Как живые воспрянули в моём уме всякие Феодоры Редриковы, Николай Калашниковы, Василии Титовы и их собратья» [9, с. 528].

Описанная С.В. Смоленским ситуация красноречиво свидетельствует о глубоком консерватизме русских монахов

в деле церковного пения, что, в общем, свойственно культурным анклавам, подобно Пантелеймонову, Ильинскому или Андреевскому скитам на Афоне. Русские монахи на Синае находились в ещё большей изолированности от России, фактически в иноязычной среде. На Синае и в других православных монастырях Святой земли, где русская братия была малочисленна — два-три человека, не было ресурсов не только для освоения современного репертуара русского церковного пения, но и для поддержания старой традиции. Рукопись архимандрита Арсения представляет партию басового голоса четырёхголосных песнопений, а для их исполнения на клиросе необходимо было иметь полный комплект нот, т.е. еще три партии (альт, 1-й и 2-й тенор), и не менее четырёх грамотных певчих. Судя по

описаниям современников, таких сил на Синае в середине XIX в. не было [10].

Когда преосвященный Порфирий находился в Палестине в составе Русской духовной миссии, его сопровождал помощник — выпускник 1847 г., а в период поездки — студент Петербургской Духовной семинарии Николай Петрович Крылов, трудившийся над переводами греческих и коптских текстов [11, с. 22, 25]. Очевидно, Н. Крылов сделал памятную запись в певческой рукописи непосредственно со слов о. Порфирия, которому она досталась от архимандрита Арсения. Позднее рукопись оказалась в распоряжении Константина Тимофеевича Никольского и по наследству перешла к сыну Николаю (4) [12, с. 19, 170]. В составе собрания Н.К. Никольского она поступила на хранение в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук.

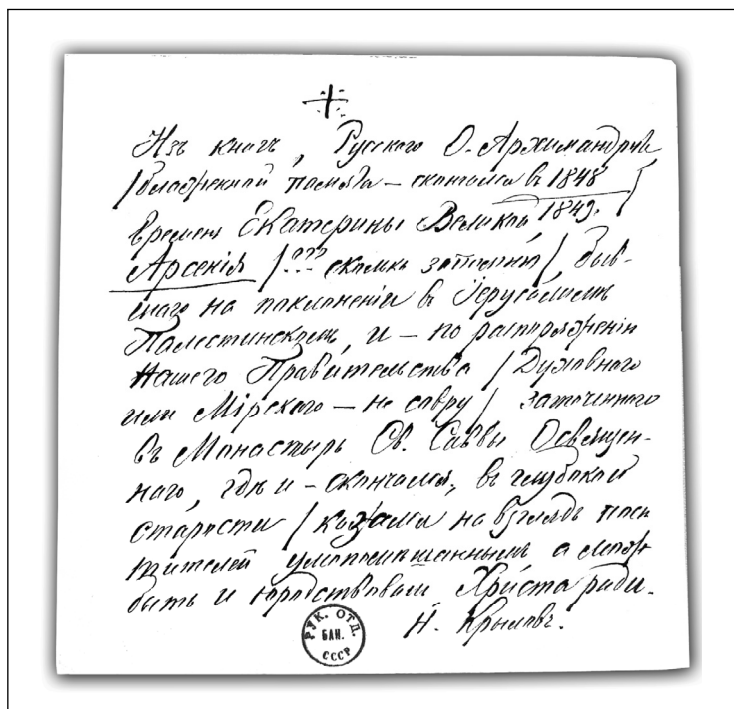

Рис. 1. Записка Н. Крылова о принадлежности рукописи архимандриту Арсению (БАН. Собр. Никольского № 339)

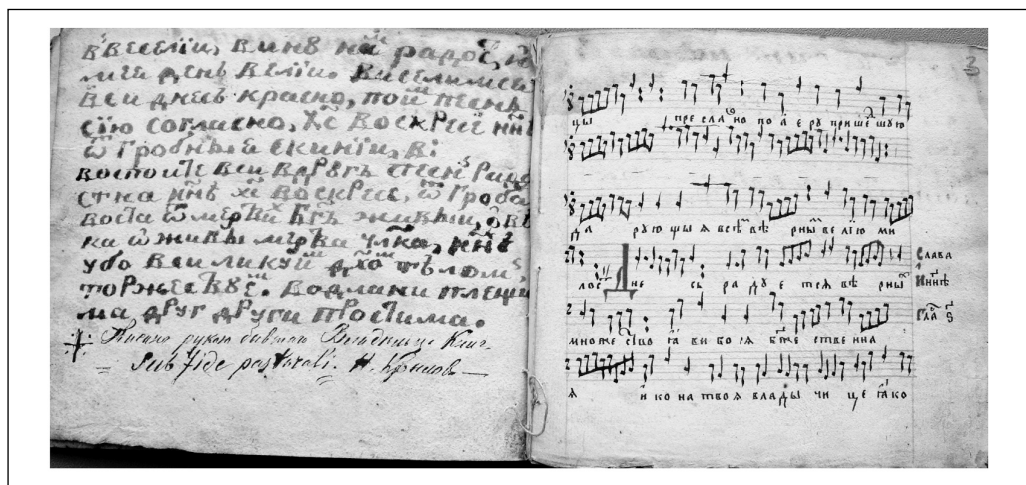

Рис. 2. Разворот рукописи с автографом архимандрита Арсения (БАН. Собр. Никольского № 339, л. 2 об.–3)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Под верой пастырской», т.е. достоверное свидетельство.

2. Искренне благодарю И.В. Фёдорову за консультацию по данной теме и указание на Хождение Стефана Новгородца как на источник сюжета о чаше.

3. После возобновления церковной жизни Никольского храма в 2000-х гг. легенда о ковше стала одним из самых популярных сюжетов для паломничества к киевским святыням. См. сайт Николо-Иорданской церкви: <http://iordanham.orthodoxy.ru/History-rus.htm>.

4. Приношу искреннюю благодарность Л.Б. Беловой, указавшей мне на греческие рукописи в собрании Рукописного отдела БАН с записями Н. Крылова, привезённые в середине XIX в. Порфирием Успенским с Синаи и принадлежавшие затем К.Т. Никольскому.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кантерев Н.Ф. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством в текущем столетии (1815–

1844 гг.) // Православный палестинский сборник. Т. XV, вып. 1. СПб., 1898.

2. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. II. Годы 1844 и 1845. СПб., 1895.

3. Попельницкая Е.А. К истории Киевского Иорданского монастыря // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы. Ростов Великий: Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь, 2008. С. 195–198.

4. Хождение Стефана Новгородца // БЛДР. Т. 6. XIV – середина XV века. СПб., 1999. С. 30–41.

5. Белова О.В., Петрухин В.Я. «Святые горы», Киев и Иерусалим в славянской мифопоэтической традиции // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М.: Индрик, 2009. С. 445–457.

6. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем / сост. В.В. Зверинский. Кн. II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892.

Научные исследования

7. *Израилев А.* Псалмы или духовные канты святителя Димитрия митрополита Ростовского, переложенные на ноты. М., 1891.
8. *Антонин (Капустин)*, архимандрит. Пять дней на Святой земле и в Иерусалиме. М. : Индрик, 2007.
9. *Смоленский С.В.* Из «дорожных впечатлений» // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VII. Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности (1906). Кн. I : Дневник С.В. Смоленского. Письма. Материалы / подг. текстов, вступ. ст. и комм. : М.П. Рахмановой, Е.А. Борисовец. М., 2012. С. 519–546.
10. *Рахманова М.П.* Архимандрит Антонин (Капустин) : русское и греческое // Бражниковские чтения-2016. СПб., 2016. С. 11–18.
11. *Никодим (Б.Г. Ротов)*, архимандрит. История русской духовной миссии в Иерусалиме // Богословские труды. Сб. 20. М., 1979. С. 15–82.
12. Описание рукописного отдела Библиотеки академии наук СССР. Т. 5. Греческие рукописи / сост. И.Н. Лебедева. Л., 1973.

КНИГА И.К. КИРИЛОВА
«ЦВЕТУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»
(К 290-летию создания рукописи)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу книги Ивана Кирилловича Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства» с точки зрения развития в России государственного управления — раннего направления статистической науки. Автор приходит к выводу о том, что И.К. Кирилов создал уникальное произведение для своего времени, применив новые методики систематизации информации.

Ключевые слова: Россия при Петре I, история российской статистики, Иван Кириллович Кирилов, «Цветущее состояние Всероссийского государства», статистическое описание губерний.

Эпоха Петровских реформ занимает особое место в истории России. Она ознаменовалась выдающимися внешнеполитическими успехами и масштабными внутриполитическими преобразованиями, затрагивающими все сферы общественной жизни. Глобальные преобразовательные инициативы Петра I требовали слаженной работы всего государственного аппарата. Одним из путей повышения эффективности правительственных учреждений стала опора на статистические данные, получаемые центральными органами власти от местных учреждений.

Правительствующий Сенат получил некоторые функции центрального статистического органа, им был инициирован ряд важных статистических мероприятий, в частности сбор отчетно-статистических сведений из губерний и провинций. Центральные органы управления также осознавали пользу от наличия корректной статистической информации, которая позволяла контролировать сбор налогов и податей. Потребностью государства в статистических данных объясняется Указ 1718 г., положивший начало подушным переписям, или «ревизиям», податного населения [1].

Накопленные государственными органами фактические сведения нуждались в систематизации и обобщении. В этих условиях вполне естественным стало распространение в России государственного управления — одного из ранних направлений статистической науки. Предметом его изучения были т.н. «государственные достопримечательности», т.е. относящиеся к государству факты, которые влияют на благосостояние страны и народа. Основы методологии государственного управления — точность и беспристрастность описания фактов о государстве при отсутствии причинно-следственных объяснений — в обобщенном виде были сформулированы немецкими учеными Г. Конрингом и Г. Ахенвалем. Однако одновременно с работами немецких ученых в первой половине XVIII в. в России также появляются труды государственной направленности. Наиболее полным и содержательным из них стало т. н. «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая», написанное Иваном

Кирилловичем Кириловым, известным учёным, картографом и государственным деятелем.

Ранний период биографии И.К. Кирилова недостаточно хорошо изучен. Большинство исследователей сходится в том, что он родился около 1689 г. в семье подьячего, учился в Москве в Навигацкой школе, а в 1712 г. поступил на службу в московскую канцелярию Сената [2]. В январе 1716 г. он был определён «для письма» к генеральному ревизору Сената В.Н. Зубову. Выдающиеся способности Кирилова были оценены В.Н. Зубовым, который поспособствовал его успешной карьере — в 1719 г. И.К. Кирилов был назначен канцеляристом приказного стола, в 1721 г. он стал секретарём, а в 1727 г. — одним из двух обер-секретарей Сената [3].

В годы службы в Сенате И.К. Кирилов принимал активное участие в проведении первой государственной съёмки России. В период с 1720 по 1734 г. он возглавлял при Сенате первые астрономические, топографические и картографические работы в стране. География и картография, безусловно, были главными увлечениями И.К. Кирилова. Наиболее известные его труды в этой области — Генеральная карта и Атлас Всероссийской империи справедливо считаются новым словом в отечественной картографии. Между тем, о другой важной работе И.К. Кирилова, ставшей едва ли ни первым статистическим описанием Российской империи, известно не так много.

Опираясь на свидетельство И.И. Голикова, труд И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства» принято датировать 1727 г. [4]. Основным источником для этого сочинения стали географические описания городов, хранившиеся в Сенате. По сообщению В.Н. Татищева, в 1719 г. Петр I инициировал создание географического описания России, и «для того повелено от всех градов обстоятельные описания, сочиня, прислать, что и учинено. И хотя те описания от неискусных порядочно

идостаточно по предписанным запросам сочинены быть не могли, многие явились неполны, 10 или неисправны, или совсем негодны, однако жнетрудно уже было новыми запросы оное исправить». Однако кончина Петра I пресекла эту инициативу, а собранные материалы оказались не востребованы [5].

И.К. Кирилов, занимавший в то время должность сенатского секретаря и живо интересовавшийся географией, несомненно, знал об этих материалах. Предположительно, именно эти географические описания городов подтолкнули его к идее создания обобщающего сочинения и обусловили его структуру. Таким образом, использование И.К. Кириловым этих географических описаний даёт основание полагать, что, приступая к написанию своего труда, он руководствовался не только желанием подчеркнуть результаты преобразовательной деятельности Петра I, но и стремился закончить инициированную императором работу по сочинению «описания России».

Собранные в Сенате ответы на разосланные в губернии и провинции «вопросные пункты» не могли удовлетворить исследовательский интерес И.К. Кирилова. Ему также удалось привлечь и другие материалы, хранившиеся в Сенате: правительственные указы, данные ревизий, ведомости и донесения, присланные из коллегий и губернских контор. К этому он добавил разного рода исторические, географические и экономические сведения, заимствованные из книг и личного опыта, в результате встреч с участниками экспедиций, путешественниками и купцами [6].

Структура сочинения И.К. Кирилова определялась кругом использованных им источников. Весь известный материал автор разделил на две книги. Первая содержит описания семи губерний: Санкт-Петербургской, Московской, Киевской, Смоленской, Рижской, Ревельской и Воронежской. Во второй книге, сохранив ту же логику изложения, И.К. Кирилов описал еще пять губерний — Астраханскую,

Казанскую, Архангельскую, Нижегородскую и Сибирскую.

Описание отдельных губерний автор дает по городам, которые разделяет на губернские, провинциальные и уездные. Помимо весьма точных сведений о местоположении населенных пунктов и расстояниях между ними, И.К. Кирилов предлагает читателю весьма подробные описания городских укреплений: «Луки Великие. По описной книге 710 года город был деревянный рубленный, в нем две башни проезжие, 9 башен глухих, по мере около города и башен 528 сажений, но от бывшего пожара сгорел, а в 708 году построена земляная крепость с шести бастионах, около той крепости с одной стороны река Ловать, которая вышла из Запольского рубежа, а с трех сторон озерко; тот город от Польской границы в 20 верстах» [7]. Внешний облик города позволяют восстановить описания достопримечательностей, которыми автор в некоторых случаях дополняет раздел «О строениях»: «Киев стоит на реке Днепре на Польской стороне <...> В первой крепости, где жила князь Киевские, а потом воеводы и губернаторы, ныне магазины хлебные и винные и прочих припасов, и военных гарнизонных людей дворы; в той крепости церковь каменная старинная называется Десятинная, в которую во время Владимирова княжения со всего государства десятина давалась, и некоторые киевские князья погребены» [8].

При описании Санкт-Петербурга И.К. Кирилов даёт расширенное описание системы государственных учреждений, расположившихся в столице, дополняя его подробными сведениями о штатах каждого из них. Здесь мы находим перечисление членов Верховного тайного совета и Сената, штаты коллегий и многочисленных канцелярий. Схожие сведения об административном управлении губернских, провинциальных и уездных городов, с указанием персоналий чиновников, И.К. Кирилов помещает в описаниях каждой губернии.

Обязательным элементом описания губерний и провинций является информация о епархии, к которой принадлежит территория, и количестве церквей и монастырей. Также указывается число крестьянских дворов, принадлежащих монастырям. Источником этих сведений, очевидно, стала подворная перепись 1710 г. [9]. В зависимости от наличия тех или иных источников И.К. Кирилов сообщает данные о количестве различных категорий населения в городах. В первую очередь это касается купцов и посадских людей.

Автор подробно останавливается на описании крупных казённых заводов, указывая его экономическое положение и количество рабочих по каждой специальности. Так, из описания Олонецких Петровских заводов помимо их местоположения и истории создания, мы узнаём количество занятых на производстве и особенностях технического оснащения: «На тех заводах домны для плавки руды, и молотовые для дела прутowego железа, литья пушек и прочих припасов» [10]. Особый интерес автора сосредоточен на вопросах торговли. И.К. Кирилову удалось собрать и обобщить обширный материал о торговых путях, связанный с работой ярмарок и портов, а также с намечающейся хозяйственной специализацией разных частей империи: «При Риге славный порт и многий приход торговых кораблей, а Двиною из Польши и из Российских городов с товарами судов, также изнутри Лифляндии и Курляндии приезд сухим путем, где главные товары пенька, лен, поташ, хлеб, семя, мачты, клепки и другие, и во время корабельного приходу <...> с 1724 года установлена ярмарка» [11]. Материалы, связанные с состоянием торговли, дополняются сведениями о промыслах, в частности рыбном промысле в низовьях Волги, соляном промысле в Соликамской провинции и Астрахани. Об Орловской провинции автор сообщает, что там «великое довольство хлеба и торг больше состоит хлебный, понеже из многих других городов

в Орел для закупки хлеба приезжают и, многочисленно покупая, реками в судах отвозят в Москву, также в Нижний Новгород и в Санкт-Петербург» [12].

Особое место в работе занимает описание городов Сибири и Дальнего Востока, которое И.К. Кирилов разместил во второй части «Цветущего состояния». Раздел «О Сибирском царстве» открывает краткий очерк об истории присоединения Сибири. При описании сибирских острогов и зимовий сообщаются интересные сведения географического и этнографического характера, которые были особенно ценны в то время, когда в Сибири работала Первая Камчатская экспедиция. Так, описывая Витимский острог, И.К. Кирилов указывает, что «в нем церковь одна, в том остроге двор приказчиков, которые приказчики посылаются из Якутска, с ними служилых людей человек по 5 и по 6; при остроге и ниже острога верстах в 10 живут русские крестьяне дворов с 20, пашни мало имеют, а кормятся промыслом <...> Кругом Витимского острога по рекам Лене и Витиму кочует тунгусский народ, такой же, как кругом Олекмы. Ясак платят на Витиме, а кои удадели, к тем присылаются для сбора ясака служилые люди с Олекмы» [13]. Описание Сибирской губернии завершается двумя небольшими очерками под названиями «Камчатка» и «О камчатском народе». В первом из этих очерков изложена краткая история открытия и присоединения Камчатки, во втором приводятся интересные подробности о жителях Камчатки, их быте, нравах и обычаях.

Вторая книга «Цветущего состояния» завершается приложениями, в которых приведён «Реестр губерниям, провинциям и городам», а также «Генеральные ведомости», которые представляют собой сводные таблицы количественных данных по различным разделам текста. Так, в таблице № 1 под заглавием «Краткая ведомость о состоянии губерний, провинций и городов» приводятся сведения о строении и местоположении

указанных в книге городов, о количестве религиозных и административных учреждений в них. В таблицах № 3 и 4 приведены различные сведения по Военному ведомству: о числе драгунских и пехотных полков, о месте их нахождения, об артиллерии и расходах на армию. В таблице № 5 «О флотах и адмиралтействах» сообщаются сведения о морском корабельном и о галёрном флоте. Придавая логическую завершенность труду, таблицы придавали ему определённую новизну и оригинальность. По мнению исследователей, И.К. Кирилов впервые изобразил государственные достопримечательности в табличной форме. Впоследствии эта методика также была использована в работах датского учёного И.П. Анхерсена и привела к созданию сравнительной статистики [14].

Фактические данные, приведённые И.К. Кириловым, безусловно, требуют серьёзной источниковедческой критики. Новизна исследования, ограниченность доступных автору источников и короткий срок написания произведения отразились на полноте и точности сведений. Сам автор осознавал недостатки созданного им труда, об этом он писал в предисловии к книге: «Хотя по сему надписанию надлежало уповать, что уже ничего неизвестного в означенных губерниях и провинциях не оставлено, или бы все так верно стояло, как написано; но однако нельзя в том обнадежить, понеже сколько могло в Сенате и в разных коллегиях и канцеляриях известий сыскаться, и того и выбрано <...> иным образом неможно вернее сделать, как потребовать от всякого города обстоятельного описания и известия» [15]. Как видно, для более полного и совершенного описания Российской империи, по мнению И.К. Кирилова, следовало бы разослать на места вопросы и добиться получения необходимых для государства сведений.

Несмотря на все недостатки, труд И.К. Кирилова был высоко оценён современниками, в том числе В.Н. Татищевым,

который отмечал, что собранные материалы «к географии русской могут быть довольно полезны». По словам И.И. Голикова, член Коллегии иностранных дел, статский советник П.П. Курбатов собственноручно переписывал объемистую рукопись. Интересовался произведением И.К. Кирилова и академик Х. Винсгейм, что подтверждается найденным в его бумагах подробным конспектом этой работы. Сведениями из «Цветущего состояния Всероссийского государства» пользовались некоторые историки и экономисты, в частности А.Л. Шлецер [16].

Подлинные рукописные экземпляры «Цветущего состояния Всероссийского государства» хранятся в Отделе рукописей БАН и в архиве СПбИИ РАН. В 1951 г. в ЦГАДА (с 1992 г. Российский государственный архив древних актов) был обнаружен ещё один рукописный экземпляр труда И.К. Кирилова, который представляет собой более позднюю редакцию «Цветущего состояния», которая была значительно переработана, частично сокращена и дополнена новыми сведениями.

Впервые труд И.К. Кирилова увидел свет лишь спустя почти 100 лет после смерти автора. Он был опубликован М.П. Погодиным в 1831 г. по «не совсем исправной» копии архивного документа, в результате при публикации не удалось избежать опечаток и пропусков в тексте. В частности, в издании 1831 г. не вошёл раздел «О доходах», которым завершается описание отдельных губерний в рукописных экземплярах. Вместе с тем, несмотря на недочёты, безусловная заслуга М.П. Погодина заключается в том, что он позаботился о сохранении для будущих поколений этого ценного источника Петровской эпохи.

Следует отметить, что ни один из известных рукописных экземпляров книги не озаглавлен как «Цветущее состояние Всероссийского государства». Это название впервые появляется в издании М.П. Погодина 1831 г. В дошедших до нас рукописях также отсутствует указание

на авторство И.К. Кирилова — оно устанавливается по свидетельству И.И. Голикова в его «Дополнении к деяниям Петра Великого»: «Сей достойный и трудолюбивый муж, — пишет в примечании И.И. Голиков об И.К. Кирилове, — оставил по себе рукопись под названием «Цветущее состояние Всероссийского государства» [17].

Труд И.К. Кирилова, безусловно, является уникальным для своего времени. Продуманная структура изложения материала, систематизация тщательно отобранных фактов, использование новой для XVIII в. методики сведения информации в табличную форму позволяют считать «Цветущее состояние Всероссийского государства» выдающимся произведением отечественной научной мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отдел рукописей БАН. Основное собрание. № 31.3.25. Сенатское описание губерний. Кн. 1–2.

2. Научно-исследовательский архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 635. Описание государственного состояния и доходов в 1726 г. (в 2-х частях). Ч. 1; Научно-исследовательский архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 636. Описание государственного состояния и доходов в 1726 г. (в 2-х частях). Ч. 2.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики в СССР. Т. I. Статистическая мысль в России (до конца XVIII в.). М., 1955. С. 5–6.

2. *Иофа Л.Е.* Современники Ломоносова И.К. Кирилов и В.Н. Татищев : географы первой половины XVIII в. М., 1949. С. 4; *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики в СССР. Т. I. С. 186; *Кольцев С.В.* Иван Кириллович Кирилов : труды и забвение сподвижника Петра I / Меншиковские чтения — 2013 : Материалы чтений. СПб., 2014. С. 44–53; *Носкова О.Л.* Иван Кириллович Кирилов и его вклад в развитие российской науки // Известия

Научные исследования

- Самар. науч. центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 1. С. 264–269; *Навлянская М.Г.* Иван Кирилович Кирилов: русский географ XVIII в. М. ; Л., 1964. С. 5–6.
3. *Голиков И.И.* Дополнения к делам Петра Великого : т. I–XVIII. Т. XVIII и последний. М., 1797. С. 483.
4. *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. История Российская : т. I–VIII. Т. I. М., 1994. С. 347.
5. *Навлянская М.Г.* Иван Кирилович Кирилов... С. 21–22.
6. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. Кн. 1–2. М., 1831. Кн. 1. С. 80.
7. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства... Кн. 1. С. 132.
8. *Навлянская М.Г.* Иван Кирилович Кирилов... С. 24.
9. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства... Кн. 1. С. 66–67.
10. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства... Кн. 1. С. 56.
11. *Навлянская М.Г.* Иван Кирилович Кирилов... С. 25.
12. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства... Кн. 2. С. 56.
13. *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики в СССР. С. 187.
14. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства... Кн. 1. С. I–II.
15. *Навлянская М.Г.* Иван Кирилович Кирилов... С. 30.
16. *Голиков И.И.* Дополнения к делам Петра Великого. Т. XVIII и последний. М., 1797. С. 483.
17. *Голиков И.И.* Дополнения к делам Петра Великого. Т. XVIII и последний. М., 1797. С. 484.

ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА МЕСМЕРИЗМА ЭПОХИ РАСЦВЕТА

(Об одном конволюте из собрания Н.А. Кушелева-Безбородко
в фондах редкой книги НИОРК БАН)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена описанию конволюта 6134.q/528-R из библиотеки Н.А. Кушелева-Безбородко в фондах редкой книги НИОРК БАН, содержащего четыре трактата, написанные двумя сторонниками и двумя противниками учения Месмера; автор рассматривает эту книгу в качестве ценного источника по ранней истории магнетизма.

Ключевые слова: философия, просвещение, эзотеризм, месмеризм, магнетизм, Франц Месмер, Николай Александрович Кушелев-Безбородко.

Ярким памятником раннего этапа развития одной из важнейших для европейского эзотеризма доктрины магнетизма (месмеризма) [1, 2], эпоха расцвета которого при жизни её создателя, Франца Месмера (1734–1815), пришлась на начало 1780-х гг., может служить состоящий из четырёх аллигатов конволют 6134.q/528-R из фондов редкой книги НИОРК БАН, имеющий на титульном листе печатный гербовый экслибрис книжного собрания Николая Александровича Кушелева-Безбородко (1834–1862) [3].

Первым из четырёх аллигатов тома, название которого осталось оттиснутым на кожаном корешке конволюта (M. Mesmer | Justifié), был «Оправданный Месмер» (1784) — работа, принадлежащая перу французского врача Жана-Жака Поле (1740–1826) [4]. Учение Франца Месмера о всеобщем магнетическом флюиде, пронизывающем мироздание, приведение которого в равновесие врачом способно лечить любые болезни, получившее цельное выражение в его «Сообщении об открытии животного магнетизма» (1779) [5], сразу же обрело ярких сторонников и противников. К числу последних принадлежал Поле, автор претендовавшего на разоблачение магнетизма иронического обзора ряда известных

«достижений» Месмера. Одним из них было предпринятое Месмером в 1777 г. лечение 18-летней придворной пианистки Марии-Терезии Паради (1759–1824), отец которой был секретарем императора Священной Римской империи Франца I Стефана (1708–1765), и его жены Марии-Терезии (1717–1780). Паради ослепла в возрасте трёх лет, лечение не принесло результатов, и её стали обучать музыке, а императрица Мария-Терезия стала её покровительницей. Месмер утверждал, что магнетизм излечил Паради от слепоты, однако обретение зрения, в деталях описанное Месмером [5, р. 50–62], не принесло счастья ни ей, ни её родственникам, которые стали опасаться потерять материальную поддержку и покровительство императрицы. Они добились отстранения Месмера от лечения их дочери, и до конца жизни Паради так и прожила в положении слепой. Для Поле, как и для других противников Месмера, это излечение было мнимым, будучи основанным на обмане со стороны самой Паради. Поле писал: «Можно ли поверить в то, что у этой девушки талант изображать слепоту, как если бы она и вправду не видела, чтоб вызвать участие и сострадание? Это факт, который был нами установлен, и он не оставляет сомнений» [4, р. 30].

Месмер же лишь помешал своим «лечением» этой лжи. Эпиграфом к своей работе Поле выбирает цитату из работы «Новая медицина духов» немецкого оккультиста Себастьяна Вирдига (1613–1667) о магнетизме как универсальной симпатической основе мироздания [6, р. 178], вспоминая ещё одну видную фигуру эзотеризма XVII в. — Кенелма Дигби (1603–1665), автора известной в своё время теории универсального снадобья для лечения и заживления ран, симпатической пудры [7], хотя для Поле важнее сходств были различия двух этих теорий. Сатирой на Дигби была пьеса Антуана Якоба Монфлэри (1639–1685) «Женщина-медик» (1678), сцену из которой [8, р. 167–172] Поле приводит [4, р. 37–42]. Антуан Якоб был сыном актёра Захарии Якоба Монфлэри (1610–1667), известного среди прочего своей ссорой с Сирано де Бержераком [9, р. 46–47], память о которой отразилась в шедевре Ростана [10, р. 28].

Поле, считая грандиозное здание месмеризма, таинственная невинность которого («je ne sais quoi») «поставила в такой тупик философов» [4, р. 15], построенным на простой идее взаимного притяжения вещей, приводит чуть измененное четверостишие из корнелевской «Родогуны» (vv. 359–362) [4, р. 15]. Во всех изданиях Корнеля вместо «*charmer*» стоит «*ricquer*» (v. 361), «[души] приходят к взаимному возбуждению», но Поле не мог быть автором интерполяции, которая фиксируется еще в хрестоматии Терезы де Сен-Ва, вышедшей почти за два десятилетия до «Оправданного Месмера» [11, р. 399]), в последней же строке корнелевское «*ces je ne sais quoi qu'on ne peut expliquer*» заменено, очевидно, уже самим Поле на «*un je ne sais quoi qu'on ne peut exprimer*» (курсив Поле):

Есть связи тайные, есть притяженье,
 Душ соразмерных словно единенье,
 Что льнут друг к другу и дают себя
 очаровать (*charmer*)
 Какой-то силой тёмной, но слова о ней
 не смогут рассказать.

(перевод наш. — М.Ф.).

Подробно останавливаясь на огромной популярности магнетизма, ставшей поводом для шуток и карикатур современников, Поле в сердцах даже восклицает: «Не говорили ли Месмеру, что он аферист, невежда, алчный игрок, шут и шарлатан?» [4, р. 26–27]. В 1783 г., на вершине собственной славы, Месмер основал посвящённое пропаганде его учения Общество гармонии, имевшее огромный бюджет (несколько сот тысяч ливров) благодаря растущим пожертвованиям влиятельных покровителей, которым Месмер обещал открыть тайны магнетизма. Среди них была Мария-Антуанетта (1755–1793), младший брат короля граф д'Артуа Шарль Филипп (1757–1836), впоследствии сам король Франции Карл X, отрекшийся после июньской революции 1830 г., и легендарный маркиз де Лафайет (1757–1834). Среди представителей тогдашней интеллектуальной элиты, ставших поклонниками Месмера, был Кур де Жебелен (1719/1728–1784), один из наиболее образованных людей своего времени, автор энциклопедической «Истории примитивного мира» (1781), увлекшийся в конце жизни учением Месмера и выпустивший «Письмо о магнетизме» (1784), восторженно описывающее, как Месмер с помощью лечения магнетическим флюидом чудесным образом избавил его от заболеваний ног [12, р. 7–10]. Поле приводит и сатирическую эпитафию внезапно скончавшегося от сердечного приступа после очередного магнетического сеанса Жебелена, признававшего лишь магнетическую палочку (*baguette*) лучшим средством лечения всех болезней [4, р. 26]:

Здесь Кур де Жебелена бедного могила.
 Геройством восхититесь, как и познаний
 силой:

По-гречески, латыни, еврейски говорил,
 За магнетизм своею он жизнью заплатил.

(перевод наш. — М.Ф.).

Совсемпо-другому к магнетической доктрине Месмера отнеслись её сторонники, такие как Франсуа-Амаде Дюппе (1753–1799), доктор медицины Туринского

университета и впоследствии видный революционный деятель, автор «Теоретико-практического трактата о животном магнетизме» (1784) [13], третьего аллигата в конволюте из собрания Кушелева-Безбородко, описывающего перипетии жизненного пути Месмера и долгожданное открытие им нового средства лечения (эпиграф к трактату: *Post tenebras lux*). Доппе был соратником видного деятеля раннего магнетизма, врача Шарля Деслона (1750–1786), одного из первых учеников Месмера, подвергнутого своим учителем анафеме, так как, признавая истинность магнетической доктрины, Деслон, тем не менее, решил самостоятельно разрабатывать её, отказавшись от слепого поклонения учителю, чего злопамятный Месмер, всю жизнь стремившийся к лаврам единственного первооткрывателя магнетического флюида, дававшего личное посвящение ученикам, не прощал. Доппе также подчеркивал, что совесть не позволила ему скрыть в тайне магнетический метод лечения: «... да, я нарушил слово, и я горжусь этим, и прежде, чем совершить этот шаг, я сказал себе: либо тайна животного магнетизма может принести пользу людям, или же это дутая величина. <...> Как бы там ни было, я должен раскрыть эту тайну, и то хорошее, что воспоследует от этого обнародования, без сомнения, загладит преступление, которое я совершаю, нарушая своё честное слово. Либо я дам всем в руки универсальное лекарство, либо помешаю им стать жертвой шарлатанства» [13, р. 7–8]. «Официальные» ученики Месмера всячески преследовали Деслона с соратниками, объявляя их изменниками, а себя посланниками «высочайшего патриарха» (то есть Месмера), так и сам Доппе в глазах своего коллеги по Туринскому университету ортодоксального месмериста доктора Жиро стал «ложным апостолом» магнетизма и «учеником схизматика (то есть Деслона — *М.Ф.*)» [13, р. 78], «навсегда изгнанным из святилища храма магнетической гармонии» [13, р. 79], в конце

концов, из-за интриг своего соперника потеряв не только свою месмерическую благотворительную, что он подчеркивал [13, р. 4], но и официальную врачебную практику. Драматическая история взаимоотношений двух магнетических «сект» нашла выражение в послесловии к труду Доппе, описывающего жаркие споры последователей Деслона и месмерианцев-жирондианцев, но уверенного в окончательном тождестве двух учений [13, р. 80]. Эта полемика не мешала Доппе полностью поддерживать доктрину Месмера и привести знаменитые двадцать семь пропозиций, её основу [13, р. 34–43; 5, р. 74–83], в своём трактате, заканчивающемся призывом медиков к доверию магнетизму, ибо «хороший врач есть, по меньшей мере, утешитель человеческого рода» [13, р. 74]. Кратко излагая на основе «Мемуара» венский и парижский этапы карьеры Месмера, Доппе касается и истории с Паради. Несмотря на поддержку им Месмера, «который утверждает, что вернул ей зрение посредством животного магнетизма», Доппе признаёт, что она «всегда выдавала себя за слепую, эта великая пианистка ещё раз сыграла эту роль и на глазах у всего Парижа, который недавно очаровала» [13, р. 21]. Тем не менее, эта история не может служить, согласно Доппе, упрёком Месмеру, «когда больная утверждает, что ничего не видит, почему же Месмеру надо вслед за мольеровским врачом утверждать, что этой болезни у неё нет? Неужели ему обязательно нужно было излечить мадемуазель Паради, чтобы доказать существование магнетического флюида?» [13, р. 22].

Огромная популярность магнетизма и жаркие споры вокруг него стали причиной создания Королевской комиссии по исследованию животного магнетизма в 1784 г., роковым для месмеризма году, когда вышли все четыре аллигата конволюта из собрания Кушелева-Безбородко. Среди членов комиссии были, в частности, дипломат и изобретатель, тогдашний полномочный посол США во Франции

Б. Франклин (1706–1790), химик Антуан Лавуазье (1743–1794), астроном Жан-Сильвен Байи (1736–1793), врач Жозеф Игнас Гильотен (1738–1814), физик и химик Жан Дарсе (1725–1801). Комиссия, отбросив теоретические постулаты Месмера и сосредоточившись только на опытным изучении действия месмеровского флюида на организм, пришла к выводу, что магнетизм был обязан своим действием лишь ожиданиям пациентов. «Опыты, о которых только что сообщено, взаимосвязаны и не оставляют сомнений, дозволяя заключить на их основе, что воображение — истинная причина явлений, приписываемых магнетизму» (2, р. 312–313). Магнетизм вскоре после обнародования отчёта комиссии пришёл в упадок, и Месмер покинул Париж в 1785 г., остаток жизни проведя в безвестности, но оставив яркую память о своей деятельности, результаты которой Франклин в письме известному противнику Месмера физику и химику Яну Ингенхаусу (1730–1799) резюмировал следующим образом незадолго до отъезда основателя магнетизма: «Месмер ещё здесь, у него немного последователей и некоторая практика. Удивительно, какая доверчивость до сих пор живёт в этом мире. Я думаю, все французские врачи не сделали столько денег, сколько он, за время, пока здесь был» [2, р. 313].

Одним из членов комиссии был французский ботаник Антуан Лоран де Жуссьё (1748–1836), описавший свой опыт в «Сообщении одного из членов комиссии, назначенных королем для рассмотрения животного магнетизма» (1784) [14], втором аллигате конволюта. Жуссьё, известный учёный в своей области, не являясь поклонником Месмера, был довольно сдержан в оценках. «Магнетическая теория может быть принята к рассмотрению, лишь когда будет в дальнейшем подкреплена твёрдыми доказательствами» [14, р. 78], а существование магнетического флюида для Жуссьё также было не подтверждено. Что же касается практической пользы месмеризма, согласно

Жуссьё, врач действительно может использовать те новые методы лечения, которые помогают больному, но лишь с условием их публикации и объяснения их действия, а до тех пор от магнетического лечения нужно воздерживаться [14, р. 79]. Впрочем, приводя ряд примеров прямой связи явлений месмеризма с действием воображения [14, р. 22–31], Жуссьё не мог не привести и тех, которые не поддаются такому прямому объяснению [14, р. 31–39], что позволило ему предположить возможность существования «флюида или агента, передающегося от человека к человеку и способного оказывать определённое воздействие» [14, р. 37], которое, по Жуссьё, все же можно объяснить действием теплоты, выделяемой живыми телами [14, р. 54–55].

Несложно понять, какую отрицательную реакцию вызвал роковой для месмеризма отчёт Королевской комиссии у прямых учеников Месмера. Одним из них был лионский врач Жан-Батист Боннфуа (1756–1790), автор «Систематического рассмотрения докладов членов комиссии, назначенных королем для рассмотрения животного магнетизма» (1784) [15], последнего, четвёртого аллигата в указанном конволюте. Ортодоксальный последователь Месмера, Боннфуа склонен был связывать отрицательные выводы комиссии с сотрудничеством с ней Деслона, искажившего основы магнетизма [15, р. 9–10]. (Как известно, сам Месмер в работе комиссии не участвовал, посчитав ниже своего достоинства доказывать истинность своего учения, которая была для него очевидна и много раз подтверждена опытом.) Основой магнетизма, по Боннфуа, является не подвергаемая сомнению идея о влиянии небесных тел на землю [5, р. 74], среди которой дает флюид (поток), циркулирующий между телами, невидимостью которого, подчеркиваемая комиссией, не играет здесь роли [15, р. 14–26]. Отмечая предвзятое отношение и невнимательность членов комиссии к магнетизму, которое, по Боннфуа, свело бы на нет

и понятие электричества, он утверждает, что одного врачебного эффекта месмеризма было бы достаточно для его оправдания [15, р. 76]. Словно издеваясь над отрицательными выводами комиссии, Боннфуа в качестве эпиграфа к своей работе выбирает отрывок из работы одного из членов второй группы комиссии по исследованию магнетизма, сформированной Королевским медицинским обществом, врача и натуралиста Пьера Жана Клода Модюи де ля Варенна (ок. 1732–1792), посвящённой перспективам применения электричества в медицине и описывающей недоверие к новооткрытому феномену из-за зависти или честолюбия многих деятелей науки, считавших «шарлатанами именно тех, кто хладнокровно занимался этим предметом, пытаясь разобраться в нём опытным путём» [16, р. 462]. С горечью смотря на славные имена членов комиссии, выдающихся учёных, Боннфуа замечает, что настанет день, когда они «не будут без угрызений совести читать приговор, вынесенный ими магнетизму», ибо «и великие люди совершают ошибки» [15, р. 98]. Заканчивает Боннфуа своё «Рассмотрение» цитатой из «Писем о происхождении наук», принадлежащих перу ещё одного члена комиссии Байи: «нужно признать, что мы рождены скорее для предрассудков, чем для истины. Новая мысль получает признание лишь в результате борьбы разума с суевериями» [17, р. 157]. Легко догадаться, что для Боннфуа было в данном случае «разумом», а что «суеверием».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Darnton B.* Mesmerism and the End of Enlightenment in France. Harvard: Harvard University Press, 1968.

2. *Lanska D.J., Lanska J.T.* Franz Anton Mesmer and the Rise and Fall of Animal Magnetism : Dramatic Cures, Controversy, and Ultimately a Triumph for the Scientific Method // *Brain, Mind and Medicine : Essays in Eighteenth-Century*

Neuroscience / ed. by H. Whitaker. London : Springer, 2007. P. 301–320.

3. *Гордеева Т.В.* К истории родовой библиотеки графов Кушелевых-Безбородко // Саратов: Ареал, 1998. С. 104–111.

4. *Paulet J.J.* Mesmer justifié. Constance, Paris : Chez les Libraires qui vendent les Nouveautés, 1784.

5. *Mesmer F.* Mémoire sur la découverte du magnétisme animal. Paris : P. Fr. Didot le jeune, 1779.

6. *Wirdig S.* Nova medicina spirituum curiosa. Hamburgi : Officina Goethofroedi Schulzen, 1673.

7. [*Digby K.*] Discours fait en une celebre Assemblée par le Chevalier Digby touchant la guerison des Playes par la Poudre de Sympathie. Edition de 1666 / G. Demarest. Paris : Librairie Spiritualiste, 1895.

8. [*Montfleury Jacobe Z.; Jacobe A.*] Théâtre de Messieurs de Montfleury pere et fils. T. IV. Paris : Chez la veuve Duchesne, 1775.

9. *Cyrano de Bergerac H.S.* Histoire comique des États et Empires de la Lune et du Soleil / P.L. Jacob. Paris : Librairie Garnier Frères, 1860.

10. *Rostand E.* Cyrano de Bergerac. Comédie heroïque en cinq actes. Paris : Fasquelle Éditeurs, [1917].

11. [*Saint-Vast T.W de.*] L'esprit des poètes et orateurs célèbres (sic!) du règne de Louis XIV par Mademoiselle de S. Wast. Paris : Chez Despillay, 1767.

12. [*Cour de Gébélin A.*] Lettre de l'auteur du Monde Primitif à messieurs ses souscripteurs sur le magnétisme animal. Paris : Chez Gastelier, 1784.

13. *Doppet F.-A.* Traité théoretique et pratique du magnétisme animal. Turin : Chez Jean-Michel Briolo, 1784.

14. [*Jussieu A.L. de.*] Rapport de l'un des commissaires chargés par le roi, de l'examen du magnétisme animal. Paris : La Ve Herissant, Théophile Barrois, 1784.

15. *Bonnefoy J.B.* Analyse raisonnée des rapports des commissaires chargés par le roi, de l'examen du magnétisme animal. Lyon : Chez Prault, 1784.

Научные исследования

16. [*Mauduyt de la Varenne P.J.*]. Première Mémoire sur l'électricité, considérée relativement à l'économie animale et à l'utilité dont elle peut être en médecine // Histoire de la Société Royale de Médecine. Année MDCC. LXXVI. Avec les Mémoires de Médecine et de Physique Médicale pour la même Année, tirés de Registres de cette Société. Paris : Philippe-Denys Pierre, Didot le jeune, 1779.
17. *Baillly J.S.* Lettres sur l'origine des sciences et sur celle des peuples d'Asie. Londres : Chez Elmesly ; Paris : Chez les frères Debure, 1777.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

АННОТАЦИЯ

Говорится о системе защиты государственной тайны в СССР, о знаковых общественно-политических событиях рубежа 90-х гг., способствовавших подвижкам во взглядах на институт государственной секретности. Акцентируется внимание на современных социально-политических реалиях, актуальности совершенствования нормативно-правового обеспечения защиты государственной тайны для обеспечения национальной и коллективной безопасности государств — членов Организация Договора о коллективной безопасности.

Ключевые слова: государственная безопасность, государственная тайна, государственные секреты, законодательство, национальное и модельное законодательства, гармонизация законодательства, Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности.

Советский период нашей истории характеризовался тотальным характером закрытия информации во многих сферах деятельности государства. Повсеместно и широко использовалось понятие государственные секреты, которым объединялись государственная и служебная тайны. По имевшимся оценкам, до 70% всех нормативных актов, имевшихся в СССР, носили закрытый характер [1, с. 137]. Это во многом явилось следствием влияния как внешних, так и внутриполитических факторов. «Система защиты секретов зародилась в трагический для советского народа период обострения классовой борьбы, выкристаллизовалась в годы Великой Отечественной войны и укрепились во времена войны холодной» [2, с. 25].

Существовавшая в СССР система защиты секретов представляла собой иерархическую административную структуру; основанная на властном подчинении, она являлась опорой государства в проведении его внутренней и внешней политики [3, с. 72]. Правовой статус субъектов в сфере охраны государственных секретов и обеспечения режима секретности определялся не Конституцией и законами,

а директивными указаниями ЦК КПСС, выходящими в виде отдельных или совместных с Советом Министров СССР постановлений.

Решения о наиболее важных направлениях защиты государственных секретов, в частности, все перечни главнейших сведений, составлявших в различные периоды государственную тайну в СССР, принимались правительством. Обязывающие нормы содержали предписание лицам, допущенным к секретным работам, документам и изделиям, совершать действия по обеспечению режима секретности в соответствии с требованиями общесоюзной секретной «Инструкции по обеспечению режима секретности в министерствах, ведомствах, на предприятиях, в учреждениях и организациях СССР» (последняя такая Инструкция была утверждена Постановлением Совета Министров СССР в 1987 г.).

В Советском Союзе, как известно, 80% научно-производственного потенциала работало на оборону, было связано с разработкой новых видов вооружения, военной и специальной техники. Усиление режима секретности было продиктовано объективной необходимостью

укрепления обороноспособности страны, в частности, созданием ракетно-ядерного щита СССР. Исследовательские и экспериментальные работы в любых областях науки и техники в СССР до их окончательного завершения практически были секретными. В рамках действовавшего законодательства была определена процедура получения разрешения государства на их открытое опубликование. Контроль обеспечения режима секретности и цензура опубликования открытых изданий научно-технического и иного характера находились в ведении органов КГБ СССР и Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР.

Ведущие вузы страны в больших объемах вели оборонные работы и готовили специалистов для оборонно-промышленного комплекса. Вместе с тем правовая грамотность и осведомленность подавляющего числа таких специалистов в вопросах документов и регламентных норм, определявших режим секретности, была «в части, касающейся». Недостатки частично компенсировались партийно-политической воспитательной работой, пропагандой политической бдительности [4].

В 1982 г. было принято Постановление Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по обеспечению сохранности государственных секретов по оборонной тематике» (№ 751–194), которым, в частности, предписывалось ввести для студентов оборонных специальностей высших учебных заведений спецкурс «Основы защиты государственных секретов СССР». Правильное решение, однако, не было достаточно хорошо реализовано; в частности, методическими материалами, преподавателями и учебной литературой организация такого спецкурса не была в должной мере обеспечена.

Развернувшиеся в стране на рубеже 90-х гг. социально-экономические трансформации, реформы, повлекшие воссоздание институтов частной собственно-

сти и частного права, повлекли подвижки во взглядах на институт государственной секретности. Первые попытки поиска подходов к легитимному правовому регулированию вопросов защиты информации в стране были предприняты Институтом проблем информации КГБ СССР в 1987–1988 гг. В декабре 1990 г. в г. Обнинске прошла первая (и оставшаяся единственной в СССР) научно-практическая конференция «Безопасность информации (БИ-1)». На этой конференции уже в практической плоскости затрагивались концептуальные аспекты правового регулирования информационных отношений и защиты информации, представлялась первая рабочая версия законопроекта «О защите информации».

В октябре 1991 г. в Ленинграде, в Библиотеке Академии наук, прошла научная конференция «Свобода научной информации и охрана государственной тайны». Резолюция этой конференции, направленная председателям Верховных Советов РСФСР, Беларуси и Украины, содержала призыв предпринять неотложные шаги по законодательному регулированию вопросов секретности, созданию в тогда ещё единой стране закона о государственной тайне.

22 ноября того же года Верховный Совет РСФСР принял Декларацию о правах и свободах человека и гражданина, ст. 13(2) которой провозгласила: «Каждый имеет право искать, получать и свободно распространять информацию. Ограничения этого права могут устанавливаться законом только в целях охраны личной, семейной, профессиональной, коммерческой и государственной тайны, а также нравственности. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, устанавливается законом» [5]. (Обратим внимание на то обстоятельство, что перечень тайн в Декларации сформулирован исчерпывающим образом!)

Однако вскоре Союз распался, и многим конструктивным замыслам, таким как идея подготовки пакета всех основополагающих законодательных актов для начав-

шей бурно развиваться информационной сферы на единой концептуальной основе, не суждено было осуществиться.

Образование после распада СССР самостоятельных независимых государств повлекло развитие в них национального законодательства. Вопросы государственной безопасности актуализировались одними из первых, и одними из первых были приняты национальные законодательные акты в сфере защиты государственных секретов. В их числе первыми на постсоветском пространстве оказались принятые в 1993 г. закон «О защите государственных секретов в Республике Казахстан» и закон «О государственной тайне» в Российской Федерации. В последующие годы национальное законодательство в постсоветских государствах в обсуждаемой сфере развивалось и совершенствовалось.

В настоящее время в государствах — участниках Содружества Независимых Государств (СНГ) представлены четыре различные модели базовых законов в рассматриваемой сфере со своим понятийным аппаратом. Это законы: «О государственной тайне» (Азербайджанская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация и Украина); «О государственной и служебной тайне» (Республика Армения); «О государственных секретах» (Республика Беларусь, Казахстан и Таджикистан); «О защите государственных секретов» (Кыргызская Республика, Туркменистан и Республика Узбекистан), отличающиеся, прежде всего, своим предметом правового регулирования и понятийным аппаратом [6].

Законодательное регулирование сферы защиты государственных секретов является важным элементом суверенитета и обеспечения безопасности государства. Вместе с тем, государственные секреты — непростое и достаточно противоречивое социально-правовое явление. В этой сфере требуется максимальная правовая определённость не только с точки зрения публичных интересов, но и с точки зрения защиты индивидуальных прав и свобод. Современные общественно-

политические реалии — информационная глобализация и коммерциализация информации дают основания специалистам говорить о кризисных явлениях в сфере сохранности государственных секретов и одновременно о недооценке обществом значимости защиты государственной тайны [7, с. 216].

Обновлённая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации указала в числе стратегических национальных приоритетов развитие оборонно-промышленного комплекса [8]. В документе указано также на необходимость комплексного развития научного потенциала и восстановления полного научно-производственного цикла — от фундаментальных научных исследований до внедрения достижений прикладной науки в производство. Секреты существуют в конкурентной среде, вследствие чего представляется очевидным, что в рамках научно-производственного цикла, в целях обеспечения приоритетности результатов и социально-экономической эффективности разработок, важную роль призваны играть режимы конфиденциальности (секретности) информации [4, с. 158–159].

Интеграционные процессы, а также потребности обеспечения безопасности от новых угроз регионального и глобального характера (терроризм, наркобизнес и др.) требуют расширения международного информационного обмена, в том числе в сфере государственных секретов. Хотя институт государственных секретов и является национальным правовым институтом, сотрудничество государств в различных сферах требует определённой международной унификации, единства подходов к пониманию ценности защищаемой государством информации, установлению степеней и грифов секретности. Это послужило основанием для принятия Межпарламентской Ассамблеи СНГ в 2003 г. модельного закона «О государственных секретах» [9].

В целях обеспечения и укрепления национальной, региональной и

международной безопасности на постсоветском пространстве создана организация военно-политического сотрудничества — Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Государства — члены ОДКБ в соответствии с её Уставом принимают меры по развитию договорно-правовой базы, регламентирующей функционирование системы коллективной безопасности, по гармонизации национального законодательства в вопросах обороны, военного строительства и безопасности.

В системе обеспечения национальной и коллективной безопасности государств — членов ОДКБ защита государственной тайны является одной из важнейших её составляющих, призванных обеспечить гарантии обороноспособности государств, а также сохранение приоритета новейших научных и технологических разработок в ряде отраслей их экономики. Ещё при подписании Договора о коллективной безопасности (1992 г.) его участники обязались обеспечивать защиту сведений, которые в соответствии с национальным законодательством Сторон составляют государственную тайну.

В условиях глобализации одной из основных угроз государственной и общественной безопасности, наносящей ущерб национальным интересам государств, остаётся разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, отдельных лиц. В сообщениях СМИ достаточно фактов, свидетельствующих о повышении разведывательной активности зарубежных спецслужб. Фактором, негативно влияющим на национальную безопасность в области науки и технологий, является несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных научных разработок и технологий. Реалии международной обстановки, новые политические и экономические условия актуализируют задачи совершенствования защиты информации [10].

В рамках ОДКБ ведётся поиск наиболее оптимальной модели обеспечения

национальной и коллективной безопасности, заключено Соглашение о взаимном обеспечении сохранности секретной информации (2004 г.). Парламентской Ассамблеей ОДКБ приняты (2012 г.) совместно разработанные российскими и белорусскими учёными Рекомендации по сближению законодательства государств — членов ОДКБ по вопросам государственной тайны [11, с. 12–19].

Сближение и гармонизация законодательства о государственной тайне в государствах — членах ОДКБ должны преследовать своей целью упрочение и обеспечение национальной и коллективной безопасности посредством осуществления согласованной политики и совместных мер по защите засекречиваемой информации. Этим вызвано включение в план законодотворческой деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ на 2016–2017 гг. разработки проекта модельного закона «О государственной тайне». Такая работа проводится совместно российскими и белорусскими учеными [12, с. 29–34].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. КГБ: вчера, сегодня, завтра. Сборник. М.: Знак-СП; Гендальф, 1993. 224 с.
2. Рубанов В.А. От культа секретности к информационной культуре // Коммунист. 1988. № 13. С. 25–36.
3. Никулин П.С. Конверсия секретности: неразумная недостаточность // Коммунист. 1990. № 9. С. 70–80.
4. Государственная тайна и её защита в Российской Федерации: Учебное пособие / под общ. ред. М.А. Вуса и А.В. Фёдорова. 3-е изд.; предисловие Р.М. Юсупова. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 752 с.
5. Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР. № 52. 26.12.91. Ст. 1865.
6. Юсупов Р.М., Вус М.А. К вопросу о совершенствовании модельного законодательства о государственных секретах в рамках Межпарламентской Ассамблеи СНГ // Власть. 2015. № 7. С. 193–196.

Научные исследования

7. Власов В.А. Совершенствование правового регулирования сведений, составляющих государственную тайну // Организационно-правовые вопросы борьбы с терроризмом: Центр. исслед. проблем безопасности РАН; Науч. совет при Совете Безопасности РФ. М. : Наука, 2006. С. 215–237.

8. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683) // Российская газета. 2015. 31 дек.

9. Комментарий к Модельному закону «О государственных секретах» / М.А. Вус, О.С. Макаров / предисл. чл.-корр. РАН Р.М. Юсупова. СПб. : СПИИ РАН, 2015. 136 с.

10. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // Российская газета. 2016. 6 дек.

11. Глоссарий основных понятий в законодательстве о государственной тайне государств – членов ОДКБ / И.Л. Бачило, М.А. Вус, В.С. Гусев, О.С. Макаров. СПб. : СПИИ РАН, 2011. 79 с.

12. Вус М.А., Кондратьев В.В. К вопросу разработки модельного закона «О государственной тайне» для государств ОДКБ // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). М. : Изд. дом «Буки-Веди», 2016. iv, 98 с.

ФЕРАПОНТ ИВАНОВИЧ СЕДЕНКО (ВИТЯЗЕВ) (1886–1938):

**штрихи к биографии известного революционера,
исследователя, библиографа, библиофила и издателя**

АННОТАЦИЯ

Представляет собой комментированную публикацию документа, хранящегося в РГАЛИ и РГБ ОР — по сути, краткий биографический очерк Ферапонта Ивановича Седенко (Витязева), зарекомендовавшего себя знающим специалистом по творчеству прежде всего П.Л. Лаврова, крупного издательского деятеля 20-х годов XX в. в России, автора книги «Частные издательства в Советской России» (1921).

Ключевые слова: Ферапонт Иванович Седенко (Витязев), биография, партия социалистов-революционеров, российское частное книгоиздание первой трети XX века, кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос» (1918–1927).

**Curriculum vitae
Ф.И. Витязева (1)**

Ферапонт Иванович Витязев-Седенко (род. в 1886 г.) активно вступил в революционное движение в 1904 г. В этом году он написал и отпечатал в г. Аккермане (2) Бессарабской губернии прокламацию против русско-японской войны от имени «Кружка социалистов-революционеров». В 1905 г. он организовал забастовку учащихся г. Аккермана и был председателем коалиционного совета учащихся в этом городе во весь революционный период по декабрь 1905 г., когда был принуждён бежать из Аккермана.

В октябрьские дни Витязев активно выступал на всех рабочих митингах в Аккермане и иногда в Одессе. В октябре 1905 г. Витязев участвовал в еврейской самообороне, защищая с оружием в руках Еврейскую улицу в г. Аккермане и другие кварталы, которые подвергались нападению громил. Летом 1906 г. Витязев организовал в г. Аккермане группу партии социалистов-революционеров, куда вошло довольно много рабочих и учащихся этого города. Витязев вёл регулярные занятия с рабочими и читал

систематические подпольные лекции по теории и практике партии социалистов-революционеров, являясь лидером Аккерманской организации. С октября 1906 г. Витязев переехал на подпольную работу в г. Одессу. Здесь он вступил в Одесский комитет партии социалистов-революционеров под кличкой «Сибиряк». Вошёл затем в качестве представителя этой партии в Стачечный комитет моряков одесского порта во время знаменитой забастовки в этом порту в конце 1906 г. и начале 1907 г. Витязев явился главным организатором этой стачки и был автором целого ряда прокламаций, выпущенных этим комитетом. В этой забастовке партия с<оциалистов>-р<еволюционеров> решила применить экономический террор ввиду того, что стачка приняла явно политический характер. По поручению Комитета партии с<оциалистов>-р<еволюционеров> Витязев организовал взрыв двух пароходов «Русского общества паромства и торговли» (3) — «Николай II-й» и «Аю-Даг». Кроме того, Витязев явился организатором неудавшегося вооружённого нападения на пароход «Григорий Мерк» с целью его взрыва.

В этом акте участвовало несколько человек анархистов-синдикалистов из группы Новомирского (Кирилловского) (4). Витязев в конце 1906 — начале 1907 г. стоял во главе «Боевой организации» при Одесском комитете п<артии> с<оциалистов>-р<еволюционеров>. Им были организованы следующие террористические акты — убийство околоточного надзирателя Снятовского, убийство начальника Боевой дружины Союза русского народа (5) Чернова, покушение на убийство одесского полицеймейстера (так. — С.Б.) полковника фон Гесберга (6). Во время последнего акта была брошена бомба. Гесберг был сильно изранен, но остался жив, Витязев участвовал непосредственно в самом деле, прикрывая участников самого акта, которые благополучно скрылись. Кроме того, Витязев совместно с «Боевой организацией южно-русского областного комитета партии соц<иалистов>-р<еволюционеров>» принимал активное участие в организации целого ряда покушений на жизнь командующего войсками Одесского военного округа генерала барона фон Каульбарса (7). К сожалению, все эти покушения окончились неудачей. Витязев часто выступал на студенческих митингах и сходках в Новороссийском университете. Он входил в коалиционный совет этого университета в конце 1906 г. и начале 1907 г., как представитель партии соц<иалистов>-р<еволюционеров> по поручению Одесского комитета. За это участие был предан Военно-окружному суду по делу так называемых «Преступных организаций Новороссийского университета». В январе 1907 г. Витязев был арестован, попав в засаду на квартире, где провалились бомбы. Допрашивался он знаменитым в Одессе приставом Панашиком (8), для убийства которого и были подготовлены означенные бомбы. Сидел потом в Бульварном участке в камере смертников, ожидая смертного приговора Военно-полевого суда, но приговор не состоялся, и Витязев был переведен в Одесскую тюрьму. С этого момента

начинаются бесконечные тюремные скитания Витязева. Общие результаты этого «тюремного стажа» Витязева таковы. При царском режиме он арестовывался 5 (пять) раз. Сидел в 17 царских тюрьмах общей сложностью 3 1/2 года, два раза был в административной ссылке. Первый раз в Тобольской губернии в г. Таре, где он провёл 3 (три) года с 1907 г. по 1910 г. включительно. Живыми свидетелями этой ссылки являются товарищи коммунисты — Яков Суриц (9), нынешний полпред в Турции, и доктор М.Г. Фальк, живущий в Москве на улице Герцена. Второй раз Витязев находился в ссылке в Вологодской губернии сначала в г. Грязовце, а затем в самой Вологде. Здесь он провёл 2 (два) года с 1912 г. по 1914 г. включительно. В Вологде Витязев был в особенно дружеских отношениях с известным большевиком Иваном Адамовичем Саммером (10), кроме того, он довольно часто встречался в Вологде с трагически погибшим в Лозанне Вацлавом Вацлавовичем Воронским (Орловским) (11), с которым его связывала общая ссылка и довольно близкие отношения. Из других живых свидетелей этой ссылки можно назвать Владимира Павловича Милютина (12) и Марию Ильиничну Ульянову (13), сестру Ленина (14). Зимой 1911 г. и весной 1912 г. Витязев работал в Поволжье в г. Ярославле вместе с Женей Григорович (15), ныне активный член ВКП(б). Осенью 1911 г. Витязев организовал большой транспорт подпольной литературы партии социалистов-революционеров, исполняя поручение Центрального комитета. Литературу он перевёз из Румынии из города Гуш (16) через реку Прут в местечко Леово (17) Бессарабской губернии, причём был открыт румынской полицией и целых 10 дней скрывался в подполье у румынских социал-демократов. Летом и осенью 1911 г. Витязев по поручению ЦК партии социалистов-революционеров восстанавливал организации на юге России в Одессе, Кишинёве, Аккермане, Николаеве, Херсоне, Тирасполе

и других городах. Своей базой Витязев сделал г. Бендеры Бессарабской губернии, где он поддерживал живую связь с местной учащейся молодежью, организуя ряд кружков партии социалистов-революционеров. Из учениц Витязева по Бендерам (18) можно назвать Зинаиду Николаевну Райх (19), ныне артистку, активного члена ВКП(б), жену В.Э. Мейерхольда (20). В конце 1910 г. Витязев переехал в С.-Петербург и поступил на юридический факультет СПб. Университета. Он принимал активное участие в Толстовских днях и был одним из организаторов открытой студенческой демонстрации против смертной казни на Невском проспекте 11 ноября 1910 г. В начале 1911 г. Витязев был арестован в Университете, просидел 1 (один) месяц в «Крестах» и по специальному распоряжению П.А. Столыпина (21) выслан на 5 (пять) лет из С.-Петербурга. Революция 1917 г. дала, наконец, Витязеву свободу и прекратила дальнейшие преследования его царским правительством. Сейчас же после Февральской революции 1917 г. Витязев совместно с В.Н. Фигнер участвовал в создании в Петрограде Музея революции и входил в совет этого музея. Как литературный работник Витязев печатался в следующих органах печати — «Былое» (22), «Голос минувшего» (23), «Северные записки» (24), «Ежемесячный журнал» (В.С. Миролюбова) (25), «Аккерманское слово» (26), «Вологодский листок» (27), «Эхо» (28) (Вологда), «Известия Вологодского общества изучения Северного края» (29), «Народная мысль» (30), «Жизнь для всех» (31) и в целом ряде других. В 1914 г. Витязев сблизился с семьёй известного русского революционера и социалиста Петра Лавровича Лаврова (32) и взял на себя материальную заботу о его дочери — престарелой и больной Марии Петровне Негрескул (33) до самой её смерти в 1919 г. Он же написал её подробную биографию с библиографией, которая напечатана в Словаре, издаваемом «Обществом политкаторжан», под заглавием —

«Деятели русского революционного движения» — 70 годы выпуск III. Там же помещена Витязевым её редкая фотография, относящаяся к 60-м годам. В 1920 г. Витязев печатался в журнале «Книга и революция», издаваемом Ленгизом (34). С 1918 г. по 1925 г. включительно, т.е. целых 8 (восемь) лет Витязев стоял во главе Кооперативного издательства «Колос», являясь Председателем правления и Заведующим редакционным отделом этого издательства (35). В 1919 г. Витязев вопреки протестам некоторых правых социалистов-революционеров выпустил классическую работу П.Л. Лаврова «Парижская коммуна» (36). Книга вышла одновременно двумя изданиями по десять тысяч (10 000) экземпляров каждое. Выпуская эту книгу в свет, Витязев имел в виду определить отношение народничества к Октябрьской революции в положительном смысле. Опыт Парижской коммуны в оценке родоначальника русского народничества П.Л. Лаврова являлся, по мнению Витязева, самым лучшим способом заставить (подчеркнуто автором. — С.Б.) русских народников «принять Октябрь». Книга сыграла огромную роль в ходе Октябрьской революции, ибо она вышла в 1919 г., т.е. в самый разгар гражданской войны. Она получила в советской печати свыше 100 (ста) хвалебных отзывов и статей, среди которых особенно выделяются работы И.И. Скворцова-Степанова (37), Лукина-Антонова (38), Л.Д. Троцкого (39) и Быстрианского (40) (последние две — в «Коммунистическом Интернационале» (41)). Вслед за «Парижской коммуной» Витязев издал ряд других актуальных работ П.Л. Лаврова. Он открыл ряд статей Лаврова, относящихся к истории I Интернационала, и издал их отдельной книгой под заглавием — «Очерки по истории Интернационала» (42). Кроме того, им были выпущены такие знаменитые по своему значению работы П.Л. Лаврова, как «Из истории социальных учений» (43), «Государственный элемент в будущем обществе» (44),

«Социальная революция и задачи нравственности» (45), а также книжка одного из лидеров I Интернационала Цезаря де Папа (46) — «Общественная служба в будущем обществе» с предисловием и примечанием П.Л. Лаврова (47). Актуальное значение всех этих книг было учтено прежде всего Политбюро Ц.К. РКП(б), которое в 1920 г. вынесло постановление — «оказать издательству “Колос” материальную поддержку для продолжения издания сочинений П.Л. Лаврова». Витязев стал главным редактором и организатором этого литературного предприятия, являясь лучшим и единственным в России знатоком Лаврова, над изучением которого он работал 19 (девятнадцать) лет. Витязев опубликовал целый ряд работ о П.Л. Лаврове, открыл свыше 100 (ста) новых его статей и составил полную библиографию, как его работ, так и о нём. Карточка этой работы, оставшейся в рукописи, превышает 5000 (пять тысяч) карточек и является ключом, без которого немислимо изучать П.Л. Лаврова.

В 1922 г. была образована при Совнарком РСФСР под председательством Л.Б. Каменева (48) Комиссия по изданию работ русских классиков, социалистов и мыслителей. Витязев являлся членом этой Комиссии, которая поручила ему редакцию сочинений П.Л. Лаврова. Одновременно с этим эта Комиссия наметила Витязева редактором сочинений Берви-Флеровского (49) и Г.З. Елисеева (50), над изучением которых Витязев работал в течение ряда лет, составляя список их работ. В 1921 г. Витязев принимал деятельное участие в составлении и редактировании проекта Декрета Совнаркома РСФСР о частных издательствах, напечатанном затем в «Известиях» за декабрь месяца того же года. Совместно с представителем Государственного издательства О.Ю. Шмидтом (51) и членом Правления Всероссийского Союза писателей А.М. Эфросом (52) Витязев участвовал в целом ряде совещаний по этому

поводу в Кремле на квартире Наркома по просвещению А.В. Луначарского (53).

В 1927 г. Витязев принуждён был сократить свою библиотеку, которая была известна в Ленинграде своим исключительным подбором и целым рядом русских изданий. Все эти редкие издания Витязев уступил в Музей революции в Москве (54), в библиотеку Красной профессуры (55), Институт К. Маркса и Ф. Энгельса и в особенности в Институт Ленина (56). В этот институт отошёл весь отдел философии (около тысячи томов. — Выделено автором. — С.Б.), социологии (120 т.), экономики (600 т.), отдел подпольных революционных изданий (400 т.) и, наконец, персонала (3000 назв<аний>). Кроме того, туда же поступил целый ряд редкостей, среди которых выделялась рукопись работы Татищева «История революционного движения в России» (60-е годы) (57). Благодаря библиотеке Витязева Институт Ленина пополнил все основные отделы своих книжных собраний и редкостей. В 1929 и 1930 гг. Витязев совместно с И.Ф. Масановым приступил к созданию первого в России «Словаря псевдонимов русских писателей» (58), причём по просьбе И.Ф. Масанова взял на себя редакцию всей этой работы, включающей в себя около пятидесяти тысяч (50 000) псевдонимов. В 1930 г. до самого своего ареста (25 апреля 1930 г.) Витязев совместно с тем же Масановым занимался библиографией А.М. Калмыковой (59), известной издательницы подпольной «Искры» и «Нового словаря», педагога и деятеля по народному образованию. Одновременно с этим Витязев собирал личные воспоминания об А.М. Калмыковой для сборника её памяти. К сожалению, арест оборвал это интересное начинание. Из последних работ Витязева можно назвать две его небольшие статьи в «Большой Советской Энциклопедии», в т. XIII (слово «Вперёд» журнал и газета).

В заключение необходимо отметить роль Витязева в русском книговедении. Именно благодаря ему родился знаменитый «Словарный указатель по

книговедению» А.В. Мезьер (60), 2-й том которого издаёт сейчас Государственное издательство. Книга эта охватывает весь период советского книговедения и представляет собой работу, которой нет даже за границей ни в одной из самых культурных стран. I том этого грандиозного труда издал «Колос» ещё в 1924 г. и этим заложил прочный фундамент для построения русского книговедения. В последнее время Витязев приготавливал к печати свои революционные воспоминания, в частности, касающиеся В.В. Воровского и И.А. Саммера, под заглавием «Тени старых большевиков», имея в виду поместить их в «Пролетарской революции» (61). Об этом ему неоднократно напоминали старые большевики, и в особенности Н.Л. Мещеряков (62), связанный узами тесной дружбы с покойным Воровским. К сожалению, арест Витязева положил конец всем этим намерениям, поставив под удар весь его архив, все рукописи, все его собрания книг по П.Л. Лаврову и целый ряд других ценнейших материалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАЛИ, ф. 106 Витязев Ф.И., оп. 3, ед. хр. 5, л. 1–6; *помета*: Выделено из фонда 1185 Фигнер В.Н.; копия — РГБ ОР, ф. 384, карт. 8, ед. хр. 5, л. 1–6. Машинопись. 2 экз. С разных маш. экз.

Составлено неустановленным лицом, как явствует из записи архивиста. Похоже, что автором выступает сам Ф.И. Седенко, поскольку Curriculum vitae — «путь жизни», хроника жизни, краткая биография; иногда — послужной список (*лат.*), как правило, предполагал авторство самого лица, о котором в нём шла речь; в данном случае материал скорее напоминает краткий очерк жизни и деятельности. После ареста в 1930 г. в связи с так называемым «Академическим делом» бывший эсер Седенко, за которого хлопотали М.И. Ульянова и В.Н. Фигнер, был освобождён за недоказанностью преступления, но ему было запрещено жить в крупных городах (минус 12). Он оказался

сначала в Нижнем Новгороде, затем в Ульяновске. Это могло подвигнуть его на некое подведение итогов. Поскольку документ выделен из фонда Фигнер, есть малая вероятность того, что к его появлению причастна сама Вера Николаевна, в прошлом известная террористка и эсэрка. Впрочем, былое наличие этого документа в её фонде легко объяснимо: предпринимая усилия по освобождению «славного Витязя», как ласково называла в своих письмах Фигнер Феропонта Ивановича, она, по понятным причинам, должна была досконально знать, за кого хлопочет, несмотря на знакомство с ним и сотрудничество по Музею революции. Седенко, как известно, возглавлял в 1918–1927 гг. петроград-московское книгоиздательство «Колос». <1930–1931 гг.>

2. Ныне Белгород-Днестровский в Украине; так он назывался до 1918 и с 1940 по 1941 гг.; с 1918 по 1944 г. контролировался Румынией; в Румынии он назывался Четатя-Албэ (рум. Cetatea Albă), дословно — «Белая крепость».

3. В 1856 г. российские предприниматели, капитан 1-го ранга Николай Аркас и чиновник Николай Новосельский, предложили Министерству финансов Российской империи создать на Чёрном море частное пароходное общество «с целью развития торговли и почтовых сообщений южного края с иностранными и русскими портами». Одной из причин такой активной поддержки инициативы Аркаса и Новосельского стал Парижский мирный договор, подписанный в марте 1856 г. и поставивший точку в Крымской войне. 3 августа того же 1856 г. император Александр II своим указом утвердил устав акционерной компании «Русское общество пароходства и торговли» (РОПиТ). Штаб-квартира новой компании разместилась в Одессе. Руководителем общества стал Н.А. Аркас. Н.А. Новосельский позднее участвовал в слиянии пароходных компаний «Кавказ» (перевозки по Каспийскому морю) с работающими на Волге «Меркурием» и «Русалкой», строил железные дороги,

развивал курорты Кавказских Минеральных Вод, 11 лет был городским главой Одессы, прославившись постройкой в городе водопровода и канализации.

4. *Новомирский Д. (Кирилловский Яков Исаевич)* (1882 — после 1936), политический деятель. С 1904 г. анархист, издатель газеты «Новый мир» (1905, Париж), создатель Южнорусской группы анархосиндикалистов (1906, Одесса). Участник ряда террористических актов и экспроприации. В 1909–1915 гг. на каторге. С 1920 г. член РКП(б).

5. «Союз русского народа» — массовая черносотенная монархическая организация, действовавшая в России с 1905 по 1917 г. Организация была запрещена после Февральской революции 1917 г.

6. *Гесберг Александр Дмитриевич фон* (1861–1915), происходил из екатеринославских дворян. В 1898 г. помощник начальника Одесского жандармского управления; с 1901 г. — ротмистр.

7. *Каульбарс Александр Васильевич фон* (1844–1925) — барон, русский военный деятель и учёный-географ, генерал от кавалерии, в 1904 г. — командующий войсками Одесского военного округа.

8. Пристав Бульварного участка А.И. Панасик был известен жестоким обращением с политическими заключёнными, убит взрывом бомбы 07.05.07.

9. *Суриц Яков Захарович* (1882–1952), советский дипломат. Получил образование в Берлинском университете. С двадцатилетнего возраста в революционном движении, после раскола РСДРП — большевик. Неоднократно подвергался аресту, в 1907–1910 гг. отбывал ссылку в Тобольской губернии.

10. *Саммер Иван Адамович* (1870–1921) — в 90-х гг. был одним из группы марксистов, положивших начало революционной работе среди киевского пролетариата. В 1899 г. был выслан в Вологодскую губернию, где отбывал ссылку в Великом Устюге.

11. *Воровский Вацлав Вацлавович* (Wacław Worowski) (1871–1923), псевд.: П. Орловский, Шварц, Жозефина,

Фавн и др.; российский революционер, публицист, литературный критик; дипломат. В 1919 г. заведующий Госидатом. Убит белоэмигрантом М. Конради в Лозанне.

12. *Милютин Владимир Павлович* (1884–1937) — член РСДРП(б) с 1910 г., до этого с 1903 г. примыкал к меньшевикам, советский государственный деятель, народный комиссар земледелия в первом Советском правительстве.

13. *Ульянова Мария Ильинична* (1878–1937) — участница русского революционного движения, советский партийный и государственный деятель, младшая сестра В.И. Ленина.

14. *Ульянов (Ленин) Владимир Ильич* (1870–1924) — российский революционер, советский политический и государственный деятель, создатель Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 г. в России, первый председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР, создатель первого в мировой истории социалистического государства.

15. Вероятно, речь идёт о Григорович Евгении Александровне (1889–1937), члене ВКП(б), зам. начальника отдела подготовки кадров Управления железной дороги им. Дзержинского, до своего ареста проживавшей в Москве.

16. Гуш или Гузи (*Husch, Husi*) — город в Румынии на правом берегу Прута, основан в XV в. бежавшими гуситами. Здесь 23 июля 1711 г. заключен между турками и Петром Великим Прутский мир.

17. Леова (молд. *Leova, Leovo*) — город в Молдавии, центр Леовского района. Расположен на левом берегу Прута в 22 км к северо-западу от железнодорожной станции Яргара.

18. Бендеры (от перс. гавань, пристань) — город в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике, в пределах официальных границ Молдавии, главный порт на Днестре. В Молдавии и особенно в Румынии часто используется

старое название города — Тигина (рум. *Tighina*).

19. *Райх Зинаида Николаевна* (1894–1939) — российская и советская театральная актриса. С 1913 г. член партии социалистов-революционеров. Заслуженная артистка РСФСР. Первая жена Сергея Есенина, впоследствии ставшая женой Всеволода Мейерхольда.

20. *Мейерхольд Всеволод Эмильевич* (наст. имя — Карл Казимир Теодор Майергольд (нем. *Karl Kasimir Theodor Meyerhold*); 1874–1940) — русский советский театральный режиссёр, актёр и педагог.

21. *Столытин Пётр Аркадьевич* (1862–1911) — государственный деятель Российской империи, министр внутренних дел, Председатель Совета министров России (1906–1911).

Как явствует из письма Ф.И. Седенко дочери П.Л. Лаврова М.П. Негрескул, с которой он сблизился в вологодской ссылке, вернувшись в Петербург, он уже в декабре 1915 г. отбывает на Северный фронт в действующую армию:

«Псков 6/ХП

Дорогая Мария Петровна!

Простите, простите меня за то, что я покинул Петроград, не попрощавшись с Вами. Всё свершилось так быстро, что я, несмотря на всё желание, не успел ни с кем попрощаться. Сейчас еду на Северный фронт. Подробный адрес сообщу потом. Сейчас ещё не знаю, куда назначат. Еду с большим удовольствием и чувствую себя превосходно. Страшно сожалею, что мне не удалось повидаться с Вами. Шлю самый сердечный привет всем Вашим, а также Герману Александровичу. Крепко жму руку. Всего, всего хорошего! Уважающий и преданный Ф. С.» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1762. Оп. 6. № 11. Л. 7 — Письма Витязева Петра Негрескул Марии Петровне). Штемпель: 7.12.15. Валк вокзал.

Валк — по-латышски Walka, по-эстонски Walka-Lin) — уездный город Лифляндской губернии, по Псково-Ряжской

железной дороге, на 391 версте от Петербурга и на 153 от Риги. Расположен на речке Пёдделе, левом притоке верхнего Эмбаха; основан в 1334 г. Эбергардом фон Мангеймом и первоначально назван Пёдделем.

В письме упомянут *Лопатин Герман Александрович* (1845–1918) — русский политический деятель, народоволец-революционер, публицист, первый переводчик на русский язык «Капитала» К. Маркса. Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища в С.-Петербурге.

22. «Былое» — ежемесячный журнал по истории освободительного движения в России, первый легальный журнал такой тематики в стране, издавался под редакцией В.Я. Богучарского и П.Е. Щёголева. Выходил в Петербурге в 1906–1907 и 1917–1926 гг.

23. «Голос минувшего» — русский журнал истории и истории литературы либерально-народнического направления. Издавался в Москве (1913–1923). Основатели — В.И. Семевский и С.П. Мельгунов.

24. «Северные записки» — литературный и общественно-политический журнал. Выходил в Петербурге с января 1913 по январь 1917 г. Издатели — С.Л. Чацкина и Я.Л. Саккер, по своим политическим убеждениям близки эсерам.

25. *Миролюбов Виктор Сергеевич* (1860–1939) — русский литератор, издательский деятель. В 1892–1897 гг. пел на сцене Большого театра в Москве. С 1898 г. возглавлял литературно-научный «Журнал для всех». В 1912–1913 гг. заведовал литературным отделом журнала «Заветы». В 1914–1917 гг. издавал «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни», в дальнейшем сотрудник Центрального кооперативного издательства, редактировал журнал «Артельное дело».

26. «Аккерманское слово» — газета ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая, ред. К.А. Румянцева (1911–1917).

27. «Вологодский листок» (1909–1918); в 1909–1911 гг. — «Вологодский справочный листок», выходил 3 р. в неделю. Редактор-издатель А.А. Галкин, с 1917 г. — Н.А. Осокин. В газете печатался П.А. Сорокин.

28. «Эхо» — газета, выходила 3 р. в неделю в Вологде с 1913 по 1918 г. Редактор и издатель И.П. Пошешулин.

29. С 1914 г. Вологодское общество изучения Северного края (1909) выпускало собственное периодическое издание — «Известия Вологодского общества изучения Северного края». В нём публиковались научные статьи, хроника деятельности общества, библиография работ по Северу России. Издание было ежегодным и до 1917 г. было выпущено 4 номера «Известий». Пятый номер был подготовлен к печати в 1918 г., но из-за сложившейся ситуации в стране, прошедших двух революций и гражданской войны не вышел в свет. Лишь в 1921 г. его материалы были напечатаны в журнале общества «Северный край».

30. «Народная мысль» (1915–1916) — литературный, общественно-политический двухнедельник, в котором сотрудничали Ф.И. Седенко (под псевд. П. Витязев), П.А. Сорокин (псевд. В.В., Вадим Вьюгов, П.С., Римус), Н.Д. Кондратьев, А.А. Гизетти и ряд других эсеровских публицистов.

31. «Жизнь для всех» (1908–1918) — ежемесячный литературный и публицистический журнал толстовско-народнического направления. Редактор-издатель В.А. Поссе (1864–1940) — журналист, прозаик, эссеист, переводчик, деятель революционного движения.

32. *Лавров Пётр Лаврович* (псевд. Миртов, Арнольди и др.; 1823–1900) — русский социолог, философ, публицист и революционер, историк. Один из идеологов народничества.

33. *Негрескул Мария Петровна* (1851–1919) — революционерка, переводчица, дочь П.Л. Лаврова. Похоронена на Волковом кладбище (Литераторские мостки) в С.-Петербурге.

34. «Книгаиреволюция» — ежемесячный критико-библиографический журнал. Выходил в петроградском Госиздате в 1920–1923 гг. В редколлегию первоначально входили М. Лемке (фактический главный редактор), В. Быстрянский, И. Ионов, а после ухода Лемке в 1921 К. Федин. *Ленгиз* — Ленинградское отделение Государственного издательства.

35. Здесь автором допущена неточность. Закрытие издательства окончательно произошло в 1927 г. См.: Государственный архив Ленинградской области (ГАЛО, г. Выборг). Ф. Р-3959. Оп. 13. Д. 392. Л. 248–250 (Протокол общего собрания пайщиков кооперативного книгоиздательского товарищества «Колос» от 10/VI 27 г.). На этом собрании Ф.И. Седенко сообщил, что главными причинами закрытия является неудачная типизация Товарищества «Колос», проведенная Главлитом в 1926 г. За «Колосом» были оставлены мемуарная литература, библиография и история — «экономически убыточная литературная программа»; выпуском подобных изданий «Колосу» «...существовать было нельзя. Не было экономической базы, т.е. коммерчески выгодного дела (как, например, беллетристики, сельского хозяйства, техники, шахмат и т.д.)». Переговоры Седенко дважды в течение 1926 г. с заведующим Главлитом П.И. Лебедевым-Полянским об изменении неудачной типизации успехом не увенчались. Постановлением Главлита от 22/III 26 г. Товарищество «Колос» закрывалось как издательство в Москве, а постановлением Ленинградского гублита от 22/XI 26 г. оно закрывалось и в Ленинграде. «Основанием этого закрытия “Колоса” была его вынужденная бездеятельность, которая давала право Главлиту те издательства, которые в течение 4 месяцев не дают ни одного издания, считать их закрытыми». В итоге Общее собрание постановило: «1) считать издательство “Колос” с 10 июня 1927 г. ликвидированным. Обязанности, согласно § 69 Устава Ликвидационной комиссии возложить на Правление Товарищества

последнего состава, а именно — Ф.И. Седенко-Витязева, А.И. Доброхоту и Л.В. Кудрявцеву (принято единогласно). 2) срок для ликвидации установить в 3 месяца...». *Лебедев-Полянский Павел Иванович* (наст. фамилия Лебедев; псевд. Валериан Полянский) (1882—1948) — большевик, один из видных функционеров идеологической цензуры 1920—1940-х годов, критик, литературовед. С 1937 г. директор Института литературы в Ленинграде. Чл.-корр. АН СССР (1939). Академик АН СССР (1946).

Воспроизводим также ещё один документ из этого дела:

«30 марта 1927 г.

№ 90223

В Мосполиграф

Москва, Кузнецкий мост, 20

На запрос Ваш от 22/III с/г № 90223 Отдел местной промышленности Ленинградского > Г<ородского> И<сполнительного комитета> сообщает следующее:

Книгоиздательское Товарищество «Колос» имеет около 48 членов и вело нормальную издательскую деятельность до февраля 1926 г. Контора и магазин изд<ательского> Товарищества ликвидированы. На 20-е апреля с/г предположен созыв Общего собрания для избрания Ликвидкома и принятия заключительного баланса.

Финансовое состояние Товарищества сводится, приблизительно, с дефицитом в 15—20 тысяч рублей.

Главными кредиторами Товарищества являются Госбанк и Центробумтрест в Москве.

Контора Правления Товарищества помещается в Ленинграде, по проспекту Володарского, № 21 кв. 14 <...>

Заведующий отделом местной промышленности

/Гебер/

Управляющий делами

/Яковлев/»

(л. 252).

Этот документ не противоречит предыдущему, только Общее собрание пайщиков состоялось не 20 апреля, а 10 июня.

36. Как явствует из Краткого каталога книг кооперативного издательского товарищества «Колос» (Пг., 1923. 4 с.), работа П.Л. Лаврова «Парижская коммуна» в 1919 г. была выпущена 2 изданиями: 1 изд. 232 с. (распродано); 2 изд. 278 с. (распродано).

37. *Скворцов-Степанов Иван Иванович* (наст. фамилия — Скворцов, литературный псевд. — И. Степанов, 1870—1928) — советский государственный и партийный деятель, историк, экономист, в 1917 г. — первый народный комиссар финансов РСФСР.

38. *Лукин-Антонов Николай Михайлович* (псевд. — Н. Антонов; 1885—1940) — советский историк-марксист, публицист.

39. *Троцкий Лев Давидович* (псевд., также: Перо, Антид Ото, Л. Седов, Старик и др.; имя при рождении Лейба Давидович Бронштейн, 1879—1940) — революционный деятель XX в., идеолог троцкизма — одного из течений марксизма.

40. *Быстрянский Вадим Александрович* (наст. фамилия Ватин; 1886—1940) — участник революционного движения в России, российский и советский публицист, историк. Являлся членом Истпарта.

41. «Коммунистический Интернационал» — орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, издавался в 1919—1943 гг., первые годы в Петрограде и Москве, а затем в Москве.

42. Как явствует из Краткого каталога книг кооперативного издательского товарищества «Колос» (Пг., 1923. 4 с.), работа П.Л. Лаврова «Очерки по истории Интернационала» (с предисловием Ф. Витязева) была выпущена в 1919 г. (168 с., распродана).

43. Как явствует из Краткого каталога книг кооперативного издательского товарищества «Колос» (Пг., 1923. 4 с.), работа П.Л. Лаврова «Из истории социальных учений» была выпущена в том же 1919 г. (134 с., распродана).

44. Как явствует из Краткого каталога книг кооперативного издательского товарищества «Колос» (Пг., 1923. 4 с.), работа П.Л. Лаврова «Государственный элемент в будущем обществе» была издана в 1920 г.: *Лавров П.Л.* Собр. соч. Статьи социально-политические. Вып. VII. Государственный элемент в будущем обществе. 244 с. (распродана).

45. Как явствует из Краткого каталога книг кооперативного издательского товарищества «Колос» (Пг., 1923. 4 с.), работа П.Л. Лаврова «Социальная революция и задачи нравственности» была выпущена в 1921 г. (149 с.)

46. *Пан Сезар* де (1841–1890) — бельгийский врач и политик, социалист и синдикалист, деятель рабочего движения, публицист.

47. Как явствует из Краткого каталога книг кооперативного издательского товарищества «Колос» (Пг., 1923. 4 с.), работа де Папа «Общественная служба в будущем обществе» в переводе, с предисловием и примечаниями П.Л. Лаврова была выпущена в 1919 г. (136 с., распродана).

48. *Каменев Лев Борисович* (наст. фамилия Розенфельд; 1883–1936) — российский революционер, советский партийный и государственный деятель. Видный большевик, соратник В.И. Ленина.

49. *Берви-Флеровский Василий Васильевич* (наст. имя Вильгельм Вильгельмович Берви, псевд. Н. Флеровский; 1829–1918) — российский социолог, публицист, экономист и беллетрист, идеолог народничества, видный участник общественного движения 1860–1890-х годов.

50. *Елисеев Григорий Захарович* (1821–1891) — русский журналист и публицист. Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища в С.-Петербурге.

51. *Шмидт Отто Юльевич* (1891–1956) — советский математик, географ, геофизик, астроном; исследователь Памира и Севера, академик АН СССР (1935), Герой Советского Союза (1937).

52. *Эфрос Абрам Маркович* (1888–1954) — русский советский искусствовед,

литературовед, театровед, поэт и переводчик. Всероссийский Союз писателей — профессиональная писательская организация для литераторов «старой» (дореволюционной) формации, организованная в 1920 г. и существовавшая до 1932 г.

53. *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875–1933) — российский революционер, советский государственный деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед. С октября 1917 г. по сентябрь 1929 г. — первый нарком просвещения РСФСР.

54. Современный адрес: ул. Тверская, 21. Памятник московского классицизма конца XVIII в., архитекторы Адам Менелас и Доменико Жилярди. Некогда — Английский (Аглицкий) клуб, вальяжный политический салон Первопрестольной. В 1924 г. здесь открылся Музей революции, ныне Государственный центральный музей современной истории России.

55. Институт красной профессуры — специальное высшее учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в вузах. Образован в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. В 1938 г. вместо ИКП создана Высшая партийная школа марксизма-ленинизма ЦК ВКП(б), в 1946 г. преобразована в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Располагался в здании Страстного монастыря в Москве.

56. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса — Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1921) и Институт Ленина (1923). С 1931 г. институты объединены и создан Институт Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ). В 1956–1991 гг. — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ныне ликвидирован.

57. Имеется в виду *Татищев Сергей Спиридонович* (1846–1906) — российский дипломат, историк и публицист. Книга под названием «Обзор социально-революционного движения в России» опубликована в 1880 г.

58. *Масанов Иван Филиппович* (1874–1945) — русский советский историк, библиограф. В окончательном виде Словарь имеет название: Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей / подг. к печати Ю.И. Масанов ; ред. Б.П. Козьмин. М. : Всесоюзная книжная палата, 1956–1960. Т. I–IV.

59. *Калмыкова Александра Михайловна* (1849–1926) — русская прогрессивная общественная деятельница становления и развития российского народного образования, библиотечного дела.

60. *Мезьер Августа Владимировна* (1869–1935) — русский советский

библиограф, переводчик, писатель. «Словарный указатель по книговедению» впервые увидел свет в 1924 г. в издательстве «Колос»; затем, жёстко цензурированный, ч. 1–3. Л. ; М., 1931–1934.

61. «Пролетарская революция» — советский исторический журнал, издававшийся в Москве в 1921–1941 гг.

62. *Мещеряков Николай Леонидович* (1865–1942) — российский и советский историк литературы и общественного движения, критик, публицист, деятель советской печати. Чл.-корр. АН СССР (1939) по отд-нию общественных наук (литературоведение).

ПРИЛОЖЕНИЕ

[Анкета Критико-биографического словаря русских писателей и ученых] (1)

Фамилия	Седенко (Петр Витязев)
Имя	Ферапонт
Отчество	Иванович
Когда родился (день, месяц, год)	27 мая 1886 г.
Где родился	г. Аккерман Бессараб<ской> губ<ернии>
Кто были родители	отец — моряк (вольный штурман)
Вероисповедание	православный
Где получил образование	Аккерманская гимназия (до 8 класса) и Одеская III-я гимназия (кончал)
Звание, должность или занятие	студент СПб. университета
Особенно замечательные события жизни	Два раза был в административной ссылке. Первый раз был сослан на 3 года в Тобольскую губернию г. Тара (1907–1910 гг.). Во второй раз на 2 года в Вологодскую губ<ернию> (1912–1914). Привлекался к военно-окружному суду по делу Центрального Органа Новороссийского университета 1906/9
В каких периодических изданиях, по преимуществу, участвовал и по какому отделу	В журналах: 1) «Голос минувшего»: 2) «Ежемесячный журнал» 3) «Известия Вологодского общества изучения Северного края» и «Северный хозяин» (2) . (г. Вологда) В газетах: «Аккерманское слово», «Эхо», «Вологодский листок» и <других провинциальных> Литературные характеристики, вопросы средней школы, публицистика. В последнее время специализировался на изучении П.Л. Лаврова (мировоззрение, биография, библиография)
Перечень отдельно изданных книг (желательно указать год, место издания, формат, число страниц)	Нет

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РО ИРЛИ, ф. 377 Венгеров Семен Афанасьевич. Собрание второе. Витязев Петр (псевд. Седенко Ферапонта Ивановича) <После 1914 г.> 1 л. [Печатный бланк] <№ 844 — номер вставлен от руки> Помещая анкету П. Витязева из фонда С.А. Венгерова, мы руководствовались единственным соображением — прокомментировать сколько возможно полно первый документ вторым. Так, выясняются новые «штрихи» биографического характера: дата рождения —

27 мая 1886 г., сведения об отце — моряке («вольный штурман»), сотрудничество в вологодском журнале «Северный хозяин».

2. «Северный хозяин» — двухнедельный научно-популярный, экономический, сельскохозяйственный и кооперативный журнал. Выходил с 1910 по 1919 г. в Вологде. Выпускался Вологодским обществом сельского хозяйства. Редактор — Н.Н. Румянцев, председатель Общества; с № 10 за 1912 г. — П.П. Котов; с № 17 за 1916 г. — Д.И. Деларов.

**РИММА ДМИТРИЕВНА МАСЛОВЕЦ
(1932–1995)**

АННОТАЦИЯ

Работа является продолжением серии очерков, посвящённых сотрудникам Отдела научной систематизации литературы Библиотеки Российской академии наук — участникам разработки и совершенствования Библиотечно-библиографической классификации (ББК). Основой для её написания послужили воспоминания родственников и коллег, хранящиеся в архиве БАН документы и печатные источники.

Ключевые слова: сотрудники Библиотеки Российской академии наук, Отдел научной систематизации литературы, Библиотечно-библиографическая классификация, история библиотечных классификаций.

Римма Дмитриевна Масловец родилась 1 июня 1932 г. в г. Кушка Туркменской АССР. Недалеко от города на тот момент находилась самая южная точка СССР. Как семья оказалась в этих краях и кто были её родители, а также о многих обстоятельствах их жизни, мы узнаём из воспоминаний родной сестры Риммы Дмитриевны — Виктории Дмитриевны, которые она написала и опубликовала в Интернете на сайте МемоКлуб.ру [1].

Отец Риммы, которая была старшей из трёх дочерей, средней Алины и младшей Виктории, Дмитрий Фёдорович Масловец — поляк по национальности, 1907 г. рожд., воспитывался в детских домах, сначала в Вильно (Вильнюс), а затем в Костромской области. С 13 лет в детском доме он работал учеником слесаря, затем поступил учиться в агропромышленный техникум, который располагался в здании бывшей мужской гимназии. Готовили там педагогов школ I ступени и техников-животноводов. Дмитрий Фёдорович выбрал педагогическое направление. После окончания обучения он был направлен в Башкирию, работал в Уфе помощником машиниста паровой машины на пивоваренном заводе, затем — корреспондентом в газете. В дальнейшем

в анкетах он писал: «специальность по образованию — учитель, по работе — фоторепортёр газеты “Красная Башкирия» [1]. Летом 1929 г. Дмитрий Фёдорович был откомандирован газетой в качестве корреспондента и фотографа в фольклорно-этнографическую экспедицию, где познакомился со своей будущей женой — Зинаидой Васильевной Егоровой, которая тогда училась в Приуральском чувашском педагогическом техникуме.

Несколько позднее Дмитрий Фёдорович был призван на военную службу и направлен во 2-й Туркестанский горнострелковый Краснознамённый полк, который входил в состав 1-й Туркестанской горной стрелковой дивизии и дислоцировался в г. Кушка. Он был назначен командиром роты, позднее переведён политруком. Знакомство его с Зинаидой Васильевной продолжалось, в своих письмах в далёкую Кушку она рассказывала о работе по ликвидации неграмотности, о том, что по окончании техникума была направлена в деревню Пуносово на должность заведующей школы I ступени.

В 1931 г. Дмитрий Фёдорович получил отпуск, забрал Зинаиду Васильевну из деревни и 22 июня в городском загсе Уфы они зарегистрировали свой брак.

Молодая семья сначала устроилась жить в Кушке, а в 1936 г. переехала в Ашхабад, куда в 3-й Горнострелковый полк был переведён Дмитрий Фёдорович. Родившаяся в Кушке, Римма Дмитриевна (по свидетельству сестры, она всегда подчёркивала это) переехала вместе с родителями. Из воспоминаний детства у неё сохранились яркие впечатления, связанные со Средней Азией и родиной — Кушкой, которые часто возникали в разговоре и оказывали сильное воздействие на воображение слушателей: крепостные стены с бастиями и контрфорсами, огромные казармы — каждая на батальон, 14-метровый крест, установленный на самой высокой сопке в честь 300-летия Дома Романовых. Позднее, в 1978 г., будучи в экспедиции от Зоологического института в Бадхызском заповеднике, Римма Дмитриевна привезла из Кушки суккулент — растение, по мнению сестры Виктории, не имеющее никакого изящества. Однако оно до сих пор живёт в её семье, а отrostки его раздаются друзьям.

В Ашхабаде Зинаида Васильевна работала в школе учительницей начальных классов, Дмитрий Фёдорович после демобилизации в 1938 г. служил сначала инспектором школ для взрослых, затем заведовал домом партийного просвещения при Горкоме Компартии Туркменистана. Семья жила в одном из традиционных глинобитных домов, объединённых общим двором. Дом стоял недалеко от Туркменского государственного музея краеведения, в заброшенный сад которого дети попадали через дырку в заборе. Возможно, это определило интерес Риммы Дмитриевны к путешествиям, истории, археологии. Ведь именно этим предметам, а также биологии, она отдавала предпочтение в школе.

В 1948 г. Римма Дмитриевна вместе со своей семьёй пережила страшное ашхабадское землетрясение, которое в ночь с 5-го на 6-е октября практически полностью разрушило город и привело к множественным жертвам — почти 85% населения города. Лишь случайность

позволила ей выжить, поскольку уже после первых толчков раскладушка, на которой она обычно спала, была «буквально расплющена и завалена громадным шкафом и вывалившимися из него при падении книгами» [1]. Римма и бабушка находились в это время во дворе. К счастью, в семье никто не пострадал.

После этого ужасного события женская часть семьи уехала в Ленинград, где жила младшая сестра матери. Римма Дмитриевна в Ашхабад уже не вернулась, в 1950 г. она окончила в Ленинграде среднюю школу и поступила в Ленинградский государственный университет на биолого-почвенный факультет. В 1955 г., завершив образование по кафедре генетики и селекции, была направлена на работу в Казахстан, в отделение Гурьевской противочумной станции, которое располагалось в п. Кульсары. По воспоминаниям известного эпидемиолога, доктора медицинских наук В.Л. Семиотрочева, с 1954 г. работавшего на той же станции, но в Ганюшкинском отделении, «в обязанности противочумных работников входят непрерывные наблюдения за природно-очаговыми участками, исследование на чуму грызунов и блох; выявление, клиническое и лабораторное обследование подозрительных на чуму заболеваний людей и верблюдов; в случае необходимости организация лечения больных; истребление диких и домашних грызунов и блох, вакцинация против чумы “угрожаемых контингентов”, активная санитарно-просветительская работа среди местного населения, подготовка к проведению противочумных мероприятий местной медицинской сети. Идентичные наблюдения противочумная служба ведёт и за другими особо опасными инфекциями — сибирской язвой, бруцеллёзом, холерой» [2]. И всё это предполагает постоянное участие в экспедициях в степи и пустыни, что от молодой девушки требует крепкого здоровья, большой силы воли и характера. По свидетельству коллег, Римма Дмитриевна была доброжелательной,

обладала мягким чувством юмора, но в нужные моменты могла проявить и свой крутой нрав. Чтобы несколько облегчить сложный экспедиционный быт, отец Риммы Дмитриевны, будучи страстным радиолюбителем, собирал для неё компактные радиоприёмники. По рассказам Виктории Дмитриевны, из каждого отпуска, проведённого в Ашхабаде, Римма привозила новую модель.

Работая в Казахстане, Римма Дмитриевна начала собирать материал для диссертации. В 1960 г. она вернулась в Ленинград и поступила в аспирантуру Зоологического института АН СССР, в лабораторию наземных позвоночных. Учась в аспирантуре, как и в последующие годы, уже будучи сотрудником БАН, она продолжала выезжать в экспедиции в Среднюю Азию.

В своих поездках Римме Дмитриевне приходилось сталкиваться с различными неожиданными обстоятельствами. Например, однажды вместе с другими участниками экспедиции глубокой ночью она наблюдала появление яркого светящегося объекта, который заставил всех выйти из палаток. Они с изумлением провожали глазами его полёт, пока он не скрылся за горизонтом. По мнению проводников — местных жителей и членов экспедиции, это был НЛО. Возможно, загадка решалась просто: члены экспедиции стали свидетелями запуска искусственного спутника. Но хотелось верить в тайну. Об этом случае Римма Дмитриевна часто рассказывала, уже работая в БАН.

В 1965 г. она защитила диссертацию на тему «Формирование фауны грызунов в голоцене в связи с историей природной очаговости чумы на территории Северо-Восточного Прикаспия» и получила степень кандидата биологических наук [прил., 4]. В ходе своих исследований она опубликовала несколько научных статей [прил., 1–3].

Сразу после окончания аспирантуры Римма Дмитриевна поступила на работу в Ленинградский зоопарк, где

руководила юннатским кружком. В июле 1967 г. она перешла в БАН, в Отдел систематизации литературы. Здесь ей была поручена работа по систематизации литературы и формированию таких разделов Центрального систематического каталога, как «Биология» (общая биология, палеонтология, морфология, анатомия и гистология животных, зоология, эмбриология человека), «Сельское хозяйство» (общее и специальное животноводство, охотничье и рыбное хозяйство), «Ветеринария». Это был период, когда сотрудники отдела активно участвовали в разработке советской Библиотечно-библиографической классификации (ББК), занимались её усовершенствованием. В отделе велась работа по переводу Центрального систематического каталога на схемы ББК. Римма Дмитриевна стала активной участницей всех этих процессов.

В октябре 1968 г. она была избрана на должность младшего научного сотрудника. В ходе обсуждения её кандидатуры на заседании научно-методического (НМС) совета отдела на вопрос «Вам нравится работа у нас?» она ответила: «Да, если бы было иначе, то я бы ушла после первого месяца работы» [3, л. 1]. Тогда же Римма Дмитриевна была утверждена секретарем НМС. Эти обязанности она выполняла до 1971 г. За это время были подготовлены и утверждены положение об отделе, о ЦСК, инструкция, определяющая основной технологический процесс, выполняемый отделом, — классифицирование и перевод ЦСК на схемы ББК.

Свой опыт работы в НМС отдела Римма Дмитриевна обобщила в статье «О работе научно-методического совета: из опыта работы Отдела научной систематизации литературы БАН СССР», которую она подготовила в 1971 г. [4, л. 60–67]. В ней она отмечала, что от активной деятельности НМС «зависит уровень научной и научно-методической работы отделов. В свою очередь, активность самого научно-методического совета обеспечивается дееспособностью

и активностью его состава и значимостью планируемых для рассмотрения вопросов» [4, л. 60].

В этой своей работе она особо оставалась на дискуссионном на тот момент вопросе — глубине индексации. Римма Дмитриевна высказывалась в пользу того, что «в библиотеках академических учреждений содержится преимущественно специальная литература, поэтому глубокая индексация с дробным индексом, отражающим главное содержание книги, монографии, статьи, является необходимостью», поскольку позволяет читателю получить максимально полный и точный ответ на поставленный вопрос [4, л. 64].

Ещё с 1930-х гг. в отделе сложился порядок сдачи законченных разделов каталога и передача их в отделы, сотрудники которых организовывали обслуживание ими. В 1960–1970-х гг. «ввод каталога в эксплуатацию» уже не предполагал его физическую передачу в другой отдел, а подразумевал оценку его качества специалистами. Для выхода на обсуждение требовались два отзыва: первый — от специалистов-отраслевиков из Ленинградского государственного университета, Физиологического, Ботанического, Зоологического и других институтов и второй — от опытных систематизаторов отдела. На заседании НМС специалист-систематизатор докладывал о результатах проделанной им работы, а также представлял имеющиеся отзывы. По результатам обсуждения раздел каталога мог быть одобрен и представлен для пользования читателям или же мог быть возвращён на доработку.

В апреле 1973 г. Римма Дмитриевна в первый раз представила на утверждение НМС (к этому моменту обязанности секретаря НМС уже исполняла И.П. Рафес) раздел каталога «Е169.33 Ископаемые позвоночные», который включал порядка 3800 карточек, из которых 3400 были на иностранные издания. В ходе работы над разделом Римма Дмитриевна составила АПУ из 1000 карточек,

на которые были занесены названия ископаемых животных, а также подготовила картотеку методических решений. Представляя свою работу, она рассказала, что ей пришлось столкнуться с большим количеством сложностей, связанных с тем, что в таблицах ББК для некоторых групп вымерших животных не были предусмотрены самостоятельные индексы [5, л. 13]. В ходе обсуждения сотрудник отдела Л.Н. Ловчикова отметила, что, по её мнению, «это первый каталог, который сдаётся с предъявлением АПУ, а это поднимает качество работы специалиста» [5, л. 14]. Привлечённые для рецензирования каталога специалисты из ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и Зоологического института АН СССР, а также сотрудники отдела высоко оценили выполненную работу, по результатам её с целью обобщения полученного опыта Римме Дмитриевне было предложено написать статью, что и вылилось в публикацию [прил., 10].

В 1976 г. Римма Дмитриевна «сдала» раздел каталога «Е15 Палеоботаника» [6, л. 65], который состоял из более чем 4000 карточек, большей частью на иностранную литературу. К нему, как и в предыдущий раз, был составлен АПУ (280 карточек) и сформирована картотека методических решений. В 1980 г. была завершена работа по нескольким разделам, составившим массив по палеонтологии беспозвоночных (3000 карточек, из них 2000 — на иностранных языках).

После завершения работы над ББК сотрудники отдела, в их числе и Римма Дмитриевна, взялись за подготовку дополнений и исправлений к таблицам ББК [прил., 8, 9, 18, 21], определению границ размежевания между отделами ББК и внутри отделов.

Совместно с коллегами по группе — М.В. Колоярцевым, Б.В. Некрасовым и К.Н. Юрашевской — Римма Дмитриевна занималась разработкой частной методики систематизации биологической литературы, которая была закреплена в пособии для сотрудников отдела

[прил., 17]. Составители его стремились создать пособие, которое обеспечивало бы возможно большее единообразие при систематизации биологической литературы библиотечарем-систематизатором независимо от его квалификации и опыта.

Под руководством старшего научного сотрудника отдела Е.Г. Сухманевой участвовала Римма Дмитриевна и в экспериментальной работе по фасетизации ББК [7, л. 32; 8]. Она занималась анализом терминологии разделов «Зоология», «Палеонтология», «Антропология», «Систематика животных» [6, л. 27]. Совместно с М.В. Колоярцевым переработала разделы по современным и ископаемым млекопитающим «в соответствии с современными представлениями о системе класса млекопитающих. Таблицы по ископаемым зверям были существенно пополнены и согласованы индексационно и по формулировкам рубрик с таблицами по современным» [9, л. 14]. Кроме того, вместе с В.Б. Некрасовым и В.Б. Лазуркиной Римма Дмитриевна проводила сравнительный анализ ББК и УДК по биологическим наукам. Результаты этой работы были представлены в статье [прил., 19]. Авторы её отмечали как положительные, так и отрицательные стороны обеих классификаций. В то же время было отмечено преимущество ББК, как классификации, завершающей собой ряд созданных в мире классификаций и впитавшей в себя все положительные качества предыдущих.

Все эти работы послужили толчком для разработки новых переработанных таблиц ББК по биологическим наукам, дополненное и исправленное издание которых вышло в 1988 г. [прил., 25]. Ответственными редакторами их выступили Р.Д. Масловец, В.Б. Лазуркина, Б.В. Некрасов и Е.Г. Сухманева. В этой работе также принимали участие учёные-биологи — сотрудники ряда институтов и библиотек Москвы, Ленинграда и Свердловска.

С 1984 г. совместно с сотрудниками Научно-исследовательского отдела автоматизации Римма Дмитриевна участвовала также в разработке вопросов информационного обслуживания сотрудников Зоологического института в рамках информационно-библиографического обслуживания учёных академических институтов.

Буквально с первых лет работы в БАН Римма Дмитриевна привлекалась к работе по выпуску сборников, которые готовились и издавались отделом. Она занималась редакцией сданных статей и их издательской подготовкой [прил., 7, 12–16, 20, 22–24].

Также Римма Дмитриевна принимала участие в библиографических работах, выполняемых сотрудниками отдела: систематизировала материалы для библиографических указателей «Доклады Академии наук СССР. Новая серия», «Новая литература по вопросам эволюции органического мира», «Сводный каталог библиографических работ, выполненных библиотеками Советского Союза: естественные и физико-математические науки».

Выполняя большую научную и производственную работу в Отделе систематизации БАН, Римма Дмитриевна в повседневной жизни оставалась зоологом, подтверждением чему служит постоянное присутствие в её однокомнатной квартире животных. В разные годы у неё жили пудели Черри и Флер, персидские кошки, многочисленные канарейки, белая крыса, два попугая (один из которых был говорящим, называл хозяйку по имени и зачастую не стеснялся в выражениях), аквариум с лягушками редких видов. Римма Дмитриевна также помогала в уходе за редкими животными, которые обитали у доктора биологических наук, сотрудника Зоологического института Марины Николаевны Мейер, с которой её связывала многолетняя дружба. На время отпусков питомцы Марины Николаевны, в частности, лемуры — мама Кенгу и младенец Ру — переезжали к Римме Дмитриевне.

Гостеприимство было неотъемлемой чертой Риммы Дмитриевны. Друзья и коллеги по работе собирались у неё дома не только для того, чтобы пообщаться с ней и её питомцами, но и отведать удивительные блюда восточной кухни, в приготовлении которых она была большой мастерицей.

Тяжёлая болезнь прервала жизнь этого удивительного человека. Римма Дмитриевна скончалась 11 февраля 1995 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список публикаций Р.Д. Масловца

По зоологии

1. О формировании фауны грызунов пустынь северо-восточного Прикаспия в связи с современной регрессией Каспийского моря // Зоол. журн. 1964. Т. 43, вып. 5. С. 744–748.

2. Сравнительная оценка некоторых методов фаунистического исследования мелких млекопитающих в условиях зоны пустынь (Северо-Восточный Прикаспий) // Зоол. журн. 1964. Т. 43, вып. 10. С. 1530–1538 : табл.

3. К характеристике природного очага чумы в Северо-Восточном Прикаспии с позднего плейстоцена до современности по данным истории формирования фауны грызунов-носителей // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1965. Т. 35. С. 349–363.

4. Формирование фауны грызунов в голоцене в связи с историей природной очаговости чумы на территории Северо-Восточного Прикаспия : автореф. дис. ... канд. биол. наук / Зоол. ин-т АН СССР; науч. рук. И.М. Громов. Л., 1965. 32 с.

5. По пустыням Прикаспия и Устюрта // Земля и люди. М., 1966. С. 74–75. В соавт. с М.Н. Мейер.

По вопросам

Библиотечно-библиографической классификации

6. Библиотечно-библиографическая классификация : табл. для науч. б-к: сокращ. вариант / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка

АН СССР, ВКП, Сектор сети спец. б-к АН СССР. М. : Книга, 1970. Вып. 2: Б Естественные науки в целом. В Физико-математические науки. Г Химические науки. Д Науки о Земле. Е Биологические науки. М., 1970. 190 с.

7. Алфавитный указатель основных научных (латинских) родовых названий современных пресмыкающихся : справ. пособие для систематизации литературы по разделу «Е693.34 Reptilia. Пресмыкающиеся. Герпетология» (Библиотечно-библиографическая классификация, вып. 6) // Библиотечно-библиографическая классификация и практика перевода систематического каталога на схему ББК : (из опыта работы Б-ки АН СССР) / АН СССР. Б-ка АН СССР. Л., 1971. С. 230–248. В соавт. с М.В. Колляревым, Б.В. Некрасовым; под рук. И.С. Даревского.

8. Дополнения и исправления к библиотечно-библиографической классификации : табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР, ВКП, Сектор сети спец. б-к АН СССР. М., 1973. Вып. 6 : Е Биологические науки: [инструктив.-метод. письмо № 1]. 43 с.

9. Дополнения и исправления к библиотечно-библиографической классификации : табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР, ВКП, Сектор сети спец. б-к АН СССР. М., 1973. Инструктив.-метод. письмо № 2. 77 с.

10. Некоторые вопросы усовершенствования и развития раздела «Е1 Палеонтология» выпуска VI ББК // Проблемы оптимизации традиционных информационно-поисковых систем в библиотеках : сб. тр. 11 Науч. конф. Б-ки АН СССР (Ленинград, 30 мая – 2 июня 1972 г.) / Б-ка АН СССР. Л., 1974. С. 177–185.

11. Первые итоги оптимизации ББК по биологическим наукам в Библиотеке АН СССР // Проблемы оптимизации традиционных информационно-поисковых систем в библиотеках : сб. тр. 11 Науч. конф. Б-ки АН СССР (Ленинград,

30 мая — 2 июня 1972 г.) / Б-ка АН СССР. Л., 1974. С. 136–152. В соавт. с М.В. Колоярцевым, И.В. Ломачинской, Б.В. Некрасовым и др.

12. Алфавитный указатель основных научных (латинских) родовых названий современных неворобьиных птиц : справочное пособие для систематизации литературы по подразделениям ББК вып. 6 от «Е693.351.1 Struthioniformes Страусообразные» до «Е693.354.3 Piciformes Дятлообразные» // Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической классификации: из опыта работы отд. науч. систематизации лит. БАН СССР : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. Л., 1976. С. 176–200. В соавт. с М.В. Колоярцевым, Б.В. Некрасовым.

13. Алфавитный указатель основных научных (латинских) родовых названий современных млекопитающих : справочное пособие для систематизации литературы по подразделению «Е693.36 Mammalia Млекопитающие. Териология «Маммалиология» (Библиотечно-библиографическая классификация, вып. 6) // Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической классификации : из опыта работы отд. науч. систематизации лит. БАН СССР : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. Л., 1976. С. 201–223. В соавт. с М.В. Колоярцевым, Б.В. Некрасовым.

14. Унификация палеонтологических и зоологических разделов ББК и альтернатива для специальных научных библиотек : на примере териол. подразделений // Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической классификации : из опыта работы отд. науч. систематизации лит. БАН СССР : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. Л., 1976. С. 126–137. В соавт. с М.В. Колоярцевым.

15. Об отражении таксономического классификационного признака в основном варианте ББК по биологическим наукам // Оптимизация Библиотечно-библиографической классификации и концепция её второго издания : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. Л., 1977. С. 128–139. В соавт.

с М.В. Колоярцевым, В.Б. Лазуркиной, Б.В. Некрасовым, К.Н. Юрашевской.

16. Об усовершенствовании ББК по биологическим наукам в Библиотеке Академии наук в последнее пятилетие // Усовершенствование и применение Библиотечно-библиографической классификации : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. Л., 1978. С. 52–60. В соавт. с М.В. Колоярцевым, Б.В. Некрасовым.

17. Рекомендации по методике классифицирования литературы / Б-ка АН СССР; под ред. А.А. Панова, А.А. Стрелкова; БАН СССР. Л. : БАН, 1978. Вып. 1 : Биологические науки. 147 с.

18. Дополнения и исправления к библиотечно-библиографической классификации : табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР, ВКП, Сектор сети спец. б-к АН СССР. М., 1979. Инструктив.-метод. письмо № 5. 128 с.

19. Сравнительный анализ Библиотечно-библиографической классификации и Универсальной десятичной классификации по разделам биологических наук // Каталогизация и научная систематизация литературы : сб. науч. тр. / БЕН АН СССР, Б-ка АН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. М., 1979. С. 27–41. (Сер.: Б-ки Акад. наук СССР и акад. наук союз. респ.; вып. 2). В соавт. с В.Б. Лазуркиной, Б.В. Некрасовым.

20. Анализ разделов ББК по палеонтологии и анатомии для составления фазетизированного варианта // Методы усовершенствования Библиотечно-библиографической классификации и её применение в Библиотеке АН СССР : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. Л., 1980. С. 148–156.

21. Дополнения и исправления к библиотечно-библиографической классификации : табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР, ВКП, Сектор сети спец. б-к АН СССР. М., 1982. Вып. 12 : П Сельское и лесное хозяйство.

Сельскохозяйственные и лесохозяйственные науки: инструктив.-метод. рекоменд. № 2. 40 с.

22. Привлечение экспертов к совершенствованию ББК : на примере выпуска VI «Е Биологические науки» // Научная конференция «Основные направления и методы совершенствования ББК» : тез. докл. (Ленинград, 13–15 апр. 1982 г.) / Б-ка АН СССР. Л., 1982. С. 8–9. В соавт. с Б.В. Некрасовым.

23. Привлечение экспертов к усовершенствованию ББК : на примере вып. 6 «Е Биологические науки» // Основные направления и методы развития Библиотечно-библиографической классификации : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. Л., 1982. С. 32–38. В соавт. с Б.В. Некрасовым.

24. К вопросу об отражении проблем экологии человека в ББК : переиздание выпуска VI «Е Биологические науки» // Проблемы совершенствования и применения Библиотечно-библиографической классификации : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. Л., 1987. С. 40–46.

25. Библиотечно-библиографическая классификация : табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР, ВКП. М., 1988. 347 с. Вып. 6: Е Биологические науки. Доп. и испр. изд.

26. Библиотечно-библиографическая классификация : табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР, ВКП. М., 1990. 416 с. Вып. 6: Е Биологические науки : алф.-предм. указ.

27. Оптимизация библиотечно-библиографической классификации как одно из направлений совершенствования информационного поиска: (на примере переизд. таблиц по биол. наукам) // Информационное обеспечение научных исследований : сб. науч. тр. / под ред. Л.П. Крайзера; Б-ка АН СССР. Л., 1990. С. 92–102. В соавт. с В.Б. Лазуркиной.

28. Пути преобразования ББК // Библиотековедение. 1993. № 5–6. С. 98–103. В соавт. с В.Б. Лазуркиной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Масловец В.Д.* 1) «Заяц зайца не ест...», или Чему учили мою сестру на кафедре генетики в 50-е годы [Электронный ресурс] // МемоКлуб.ру. 2014. 13 авг. Режим доступа: <http://memoclub.ru/2014/08/4600/> (дата обращения: 15.04.2016); 2) Моя Туркмения [Электронный ресурс] // МемоКлуб.ру. 2013. 5 марта. Режим доступа: <http://memoclub.ru/2013/03/moya-turkmeniya/> (дата обращения: 15.04.2016); 3) Моя Туркмения (Продолжение 1-е) [Электронный ресурс] // МемоКлуб.ру. 2013. 6 марта. Режим доступа: <http://memoclub.ru/2013/03/moya-turkmeniya-prodolzhenie-1-e/> (дата обращения: 15.04.2016); 4) Моя Туркмения (Продолжение 2-е) [Электронный ресурс] // МемоКлуб.ру. 2014. 7 февр. Режим доступа: <http://memoclub.ru/2014/02/moya-turkmeniya-prodolzhenie-2/> (дата обращения: 15.04.2016).

2. *Ривкус Ю.* А дело было так... [Электронный ресурс] // Проза.ру / Рос. союз писателей; рук. портала Д. Кравчук. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2013/06/27/1365> (дата обращения: 20.09.2016).

3. Протоколы заседаний НМС Отдела научной систематизации литературы и материалы к ним, 10 янв. — 10 дек. 1968 г. // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 970. 153 л.

4. Протоколы заседаний НМС Отдела научной систематизации литературы и материалы к ним, 10 марта — 27 дек. 1971 г. // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1085. 100 л.

5. Протоколы заседаний НМС Отдела научной систематизации литературы и материалы к ним, 16 янв. — 25 дек. 1973 г. // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1184. 103 л.

6. Протоколы заседаний НМС и производственных совещаний Отдела научной систематизации литературы и материалы к ним, 12 февр. — 26 дек. 1976 г. // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1409. 193 л.

7. Протоколы производственных совещаний и НМС Отдела научной

Люди и книги

систематизации литературы и материалы к ним, 27 февр. — 30 дек. 1974 г. // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1241. 102 л.

8. Фасетизированная библиотечно-библиографическая классификация по отделу «Е Биологические науки» / В.Б. Лазуркина, И.В. Ломачинская, Р.Д. Масловец, Б.В. Некрасов, Е.Г. Сухманева;

АН СССР. БАН. ОНСЛ. Л., 1983. 485 л. // Архив ОНСЛ.

9. Протоколы заседаний НМС и производственных совещаний Отдела научной систематизации литературы и материалы к ним, 13 февр. — 28 дек. 1978 г. // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1516. 198 л.

РОЛЬ С.Ф. ПЛАТОНОВА В ФОРМИРОВАНИИ Е.В. ГОГЕЛЬ КАК КРУПНОГО БИБЛИОТЕЧНОГО РАБОТНИКА

АННОТАЦИЯ

На примере судьбы Е.В. Гогель, которая начала активную библиотечную деятельность под руководством С.Ф. Платонова в Женском педагогическом институте, можно проследить, как из рядового библиотекаря она превратилась в крупного библиотечного деятеля России в первые годы советского периода. Наиболее ярко талант организатора и высокий профессионализм Е.В. Гогель проявила в Вятке в областной библиотеке, затем в ряде московских библиотек.

Ключевые слова: Сергей Фёдорович Платонов, Елена Владимировна Гогель, библиотека, библиотечные курсы, Женский педагогический институт, Вятская библиотека, переписка.

Признанием заслуг Сергея Фёдоровича Платонова (1860–1933) в сфере организации российского образования следует считать приглашение его великим князем Константином Константиновичем в 1903 г. возглавить новое высшее учебное заведение — Женский педагогический институт [1; 2].

Большая работа проводилась директором Института по созданию библиотеки и пополнению книжного фонда. Много времени проводя в библиотеках страны, С.Ф. Платонов был прекрасно знаком с их работой. Об этом свидетельствует и его желание занять пост директора Публичной библиотеки [3, с. 19–28]. Уже в советский период он будет назначен директором Библиотеки Академии наук, где проявится его организаторский талант в библиотечном деле [4]. Известно и масштабное сотрудничество С.Ф. Платонова с губернскими учёными архивными комиссиями [5].

В качестве основного источника для написания статьи мы взяли большой массив писем Елены Владимировны Гогель (1864, по другим данным 1867–1955), адресованных С.Ф. Платонову. Они хранятся в архиве учёного в двух папках: первая насчитывает 34 листа и датируется 1903–1916 гг. [6], письма из второй папки

объёмом 28 листов, датируемые 1918–1921 гг., недавно опубликованы [7].

С 1 сентября 1903 г. рядом с С.Ф. Платоновым начала работу приглашённая на должность библиотекаря увлечённая книгами Е.В. Гогель. Она вспоминала: «С половины 1903 года начинается новая эра. Во главе преобразованного учебного заведения, новым планом отнесённого в разряд высших, ставится профессор С.Ф. Платонов, вырабатываются новые штаты, учреждаются новые должности, между прочим — особая должность библиотекаря» [8]. Институт преображается, расширяются площади, создается Константиновская гимназия, а библиотека в 1905 г. получает отдельное помещение.

На протяжении 15 лет, отдавая все силы, набираясь опыта и знаний, один — как директор и крупный организатор высшего образования в России, другая — как признанный организатор библиотечного дела России, они шли рядом.

По сведениям Е.Н. Груздевой, «ежегодно её (библиотеки. — *В.М.*) фонд увеличивался в среднем на 3 тысячи изданий» [1, с. 32–33]. Объём работы возрастал, приходилось искать новые формы распределения книг, рос профессионализм Е.В. Гогель, но необходимо было, кроме практических знаний,

иметь и фундаментальную теоретическую подготовку.

На этом этапе представляется важным её письменное обращение к директору с обоснованием командировки для этой цели (документ целиком публикуется впервые).

«Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Желая, насколько возможно правильное поставить дело в библиотеке, обращаюсь к Вам за содействием.

Наши академические библиотеки не представляют образцового устройства, отвечающего требованиям теоретиков библиотековедения. К тому же в Петербурге отсутствует какой-либо систематический курс по библиотековедению и библиографии.

Между тем, при постепенном развитии и разрастании библиотеки, возникает много разнообразных вопросов. Решать их, пользуясь одними теоретическими указаниями, значит зачастую идти на ошибку, которая в дальнейшем движении может чрезвычайно усложнить дело.

Мне представляется крайне важным лично познакомиться с постановкой дела в университетских библиотеках Западной Европы.

Лучше других организован курс при Геттингенском университете, но там чтение лекций начинается с марта.

Более подходящим является Париж, где, кроме чтения курса библиографии при университете, имеются самые разнообразные и прекрасно организованные библиотеки. Заведующая библиотекой Гогель. 2 марта 1910 г.» [6, л. 32–32 об.].

Вскоре, 12 марта, С.Ф. Платонов обращается к почётному попечителю института в. кн. Константину Константиновичу:

«Ваше императорское высочество, прилагая при сем письмо библиотекаря института Е.В. Гогель, почтительнейше ходатайствую об увольнении её в заграничный отпуск на лето 1910 г. с сохранением содержания и с оказанием ей пособия из соответствующего кредита в сумме до 300 руб. Точный размер пособия разрешите... определить позднее по соображению с общим состоянием наградной суммы по § 11 ст. 4 к лету 1910 г.». На этом документе читаем резолюцию: «Согласен» [6, ф. 585, оп.1, ч. 2, д. 1811, л. 11].

Эта командировка явилась переломным и важным событием на пути превращения Е.В. Гогель в авторитетного знатока

библиотечного дела, способствовала установлению контактов с известными библиотечными работниками в Европе.

О целенаправленной многолетней работе по совершенствованию работы институтской библиотеки и пополнению её фондов свидетельствует письмо от 9 июня 1904 г. В нём Е.В. Гогель с восторгом обращалась к С.Ф. Платонову: «Хороший же “фундамент” закладываете Вы созидаемому Вами институту» [6, ф. 585, оп. 1, ч. 2, д. 2669, л. 4]. А в 1908 г. Е.В. Гогель писала, что библиотека при ЖПИ создавалась его «просвещёнными заботами...» [6, ф. 585, оп. 1, ч. 2, д. 2669, л. 27]. Скромную брошюру [9], подаренную директору, она подписала:

«Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович! Много забот и внимания уделили Вы Библиотеке за время 13-летней деятельности Вашей как директора института. Ваш всегда мудрый совет в затруднении, живое слово одобрения в минуты неудач, отклик на каждую выдвигавшуюся жизнью потребность в книге или каком-нибудь новшестве можно с благодарностью сказать созидали самую благоприятную для библиотечного дела обстановку, и библиотека желала бы в своей коллективной работе в этом издании по мере сил подойти ко дню чествования Вас институтом. 27 11 16» [6, ф. 585, оп. 1, ч. 1, д. 342, л. 2].

Но в работе бывали и конфликтные ситуации, которые неоднократно приходилось разбирать С.Ф. Платонову. На это указывают ряд писем, написанных в 1905 г. «Прошу извинить меня за все эти маленькие дела, которые Вам, вероятно, очень надоели»; «Возможно, что будет выходить какое-то недоразумение, надеюсь легко разъяснимое»; «Опять принуждена обратиться к Вам с вздорным, по-видимому, делом»; «По всей вероятности, на меня направлена какая-то атака». Иногда до С.Ф. Платонова доходили и некоторые жалобы на изменение графика работы библиотеки, по одному сигналу, например, Е.В. Гогель, давая объяснения, высказывает недоумение: «...я была искренне удивлена, получив Вашу записочку» [6, ф. 585, оп. 1, ч. 2, д. 2669, л. 13, 15 об., 18, 19].

Е.В. Гогель набиралась опыта, совершенствовались её профессиональные навыки, росло мастерство, и творческая работа по организации работы библиотеки получила заслуженную оценку. Об этом узнаём из письма от 10 июля 1914 г.:

«Не нахожу слов, чтобы достаточно поблагодарить Вас за всё хорошее, что Вы говорите о моей работе в библиотеке и за ту лестную оценку её деятельности в полном составе, которая теперь официально устанавливается. Поверьте, многоуважаемый Сергей Фёдорович, что я глубоко чувствую всю затруднительность доброго желательного отношения ко мне (и к библиотеке) при существующем воинствующем настроении, и тем более ценны для меня Ваше дружеское содействие и помощь, а теперь — даже не вполне заслуженный отзыв» [6, ф. 585, оп. 1, ч. 2, д. 2669, л. 42–42 об.].

Штат библиотеки в 1908 г. состоял уже из 5 сотрудников: Гогель, Смирнова, Синявская, Чекстер, Головушкина. Они подписали поздравление, направленное С.Ф. Платонову 1 марта, в честь 25-летия выхода его первого печатного труда.

Содержание письма от 8 декабря 1914 г., написанное Е.В. Гогель, позволяет установить весь штат библиотеки и сотрудников, которых привлекали для выполнения конкретных работ. Этот документ важен и как источник сведений о материальном вознаграждении, и как свидетельство заботливости, можно сказать, человеческого отношения к нуждам своих сотрудников:

«1. А.В. Паллизен на службе с 1904 г. ...
2. Н.И. Чекстер — занимается в библиотеке складом (в настоящее время работает в лазарете).
3. А.Н. Густенева на службе с 1911 года. Кроме того, в библиотеке занимается по найму С.А. Рыдина, получающая вознаграждение (из кредита на библиотеку) по 30 руб[лей] в месяц (360 в год) и Д.И. Васильева, получающая из того же кредита 500 р[ублей] в год.

Что касается С.А. Рыдиной, то если нельзя выдать ей какое-нибудь награждение к Рождеству, я очень бы просила об увеличении её вознаграждения с января 1915 г. до 35 р[ублей] в месяц, чем можно было бы

несколько улучшить материальное положение этой усердной и полезной работницы библиотеки. С истинным уважением, Е. Гогель» [6, ф. 585, оп. 1, ч. 2, д. 2669, л. 44–45].

Аналогичное письмо Е.В. Гогель направляет С.Ф. Платонову и 5 ноября 1915 г., где сообщается:

«В мае текущего года помощник библиотекаря Н.И. Чекстер была призвана общиною св. Евгении в качестве сестры милосердия. С 1 сентября для замещения Н.И. Чекстер была приглашена окончившая педагогический институт О.С. Тихонова (подчеркивания красным карандашом С.Ф. Платонова. — В.М.), которая и продолжает исполнять обязанности помощницы библиотекаря» [6, ф. 585, оп. 1, ч. 2, д. 2669, л. 46–46 об.].

Сложившиеся семейные обстоятельства и голод в Петрограде способствовали отъезду Е.В. Гогель в декабре 1917 г. в Вятку.

Начавшаяся переписка из Вятки продолжается на протяжении 1918–1921 гг. Письма представляют важный исторический источник по библиотечному строительству, состоянию провинциальных культурных учреждений, положению в стране. Е.В. Гогель продолжает советоваться с С.Ф. Платоновым, при этом информирует его о важных процессах культурного строительства в провинции, состоянии библиотеки и работе по её преобразованию.

Как свидетельствуют архивные документы, 28 февраля 1918 г. на Совете директоров библиотеки рассматривался вопрос о приглашении на работу Е.В. Гогель и А.В. Паллизен. В постановляющей части протокола записано:

«Пригласить для работы в Вятской публичной библиотеке библиотекаря Петроградского педагогического института Е.В. Гогель и помощника библиотекаря того же института А.В. Паллизен. Установить оклад 250 руб. в месяц для Е.В. Гогель и 200 руб. в месяц для А.В. Паллизен, считая с 28 февраля 1918 года» [10].

В письме от 29 апреля 1918 г. Е.В. Гогель информирует своего бывшего руководителя о предложенной ей работе и первых впечатлениях о состоянии губернской публичной библиотеки. Здесь же

обращается к нему за советами. А 24 мая 1918 г. обращается с просьбой написать отзыв о её библиотечной работе: «Ваши слова как бывшего директора, а, главное, конечно, как Сергея Фёдоровича Платонова, профессора и учёного, будут учтены здесь по высокой цене» [7, с. 31].

Дело было в следующем. Несмотря на своё признание в профессиональном сообществе, являясь до революции активным членом Русского библиологического общества, Е.В. Гогель не имела аттестата высшего учебного заведения, и в этом заключалось, как она выразилась, её «горе». Поэтому Е.В. Гогель обращается к С.Ф. Платонову с просьбой «устроить» ей «свидетельство, которое бы заменило аттестат» [7, с. 28].

Этот отзыв небольшой, всего на одной странице, имеет непреходящую историографическую ценность. Опубликованный на одном из сайтов, он имеет некоторые разночтения с подлинником, который мы и публикуем. Он написан С.Ф. Платоновым в мае 1918 г. на бланке:

«Сергей Фёдорович Платонов, Каменноостровский, 75, Петроград.

В Совет директоров Вятской Губернской Публичной Библиотеки

Как *бывший* (1) директор Женского Педагогического Института, я с 1903 г. по 1916 год *близко* наблюдал деятельность Елены Владимировны Гогель на посту начальницы библиотеки Института и могу свидетельствовать, что Е.В. Гогель обладает широким общим образованием, тонким знакомством с техникой библиотечного дела и знанием учащейся среды высших и средних учебных заведений. Поэтому, при живом и сердечном отношении к своему делу, она всегда являлась не только серьёзной и добросовестной служащей, но и сознательной деятельницей на поприще просвещения, могущей руководить чтением лиц, работающих и читающих, в библиотеке, ей порученной.

Заслуженный профессор (подписал) Платонов. С подлинным верно: за делопроизводителя старший библиотечный работник Т. Ма <далее нрзб.>. V / 1918» [10, ф. Р-2483, оп. 1, д. 314, л. 6.

А уже 20 июня 1918 г. Е.В. Гогель писала о получении отзыва:

«Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович, спасибо Вам глубочайшее за присланный Вами отзыв, такой лестный и так тонко составленный, а также за пожелания. Бумага передана мною в Совет, где ей отведено почётное место» [7, с. 32].

27 августа 1918 г. на официальном бланке Публичной Библиотеки им. Герцена за № 1920 Е.В. Гогель информирует С.Ф. Платонова, что она «несколько неожиданно очутилась на верхушке административной лестницы» и это назначение «произошло не без Вашего благоговения — очень уж мне дало смелости Ваше ободряющее письмо и такой хороший отзыв в Совет — постоянно мысленно обращаюсь к Вам за мудрым советом» [7, с. 35].

О важности такой поддержки со стороны выдающегося просветителя российской провинции свидетельствует сама Е.В. Гогель: «Вы знаете, как ценны для меня всегда были Ваши указания, Ваше мнение, как глубоко благодарна я Вам за всё, что видела в Вашем отношении ко мне, как представительница библиотеки, книги, книжного дела, для котор[ой] Вы были всегда таким просвещённым другом» [7, с. 26]. Сознывая интерес С.Ф. Платонова к культурному строительству в провинции, в том числе и развитию библиотечного строительства, Е.В. Гогель сообщает об «организации губернских курсов по внешкольному образованию, главное направление которых — библиотечное», просит «просмотреть» новое положение о библиотеке, надеется на помощь «приобщить нашу библиотеку к учёным обществам и их литературным работам» [7, с. 35].

Таким образом, С.Ф. Платонов, понимая роль библиотек в культурном просвещении провинции, выступает в роли организатора библиотечного дела. 1 августа 1918 г. Е.В. Гогель сообщает: «Здесь в библиотеке очень много работы, что говорится “непочатый угол”, работы продуктивной, увлекающей. Но, признаюсь, мысль остаться здесь совсем меня немного мучает. Очень уж

чувствуется отсутствие культурности на провинциальных читателях и их взаимоотношениях не достает именно культурной обстановки работы» [7, с. 33].

В письме, датированным 1920 г. (без указания даты), Е.В. Гогель информирует С.Ф. Платонова: «О своей новой работе могу сказать, что она меня очень интересует, хотя и приводит иногда в уныние запущенность и беспорядок, которые царили в здешней библиотеке многие годы» [7, с. 29].

Но целенаправленная скоординированная деятельность, формирующий коллектив, отдававший себя любимому делу, стали приносить замечательные результаты, хотя оставались и нерешённые проблемы. Об этом узнаем из письма от 27 марта 1921 г., где читаем: «Хотя наша библиотека включена в число 24-х учреждений, получающих обязательный экземпляр выходящих в России изданий, осуществление этого далеко» [7, с. 37].

Все, кто работал рядом с Е.В. Гогель, хорошо знавшие её, давали высокие оценки ее профессиональной деятельности и организаторским способностям. Так, Г.Ф. Чудова характеризует её «как умного и энергичного директора» [11]; Е.П. Луппова называет её «большим знатоком библиотечного дела» [12]; К.В. Дрягин, сменивший Е.В. Гогель на посту директора Вятской губернской публичной библиотеки им. А.И. Герцена, назвал её «как бы второй основательницей библиотеки» [13, с. 26]; первый управляющий библиотекой А.Н. Луппов в своих воспоминаниях говорит о ней как о «не заурядном работнике, а крупном организаторе, способном заглядывать далеко вперед...» [13, с. 11].

Надо отметить, что деятельность С.Ф. Платонова по формированию деятелей регионального масштаба, а иногда и общегосударственного прослеживается и на других примерах. Так, окончив ВЖ(Б)К, М.А. Александрова (Постникова) при непосредственном участии С.Ф. Платонова стала начальницей

Рязанского педагогического института (1915–1918 гг.) [14]. В.Д. Андреевская-Прозоровская сыграла значимую роль в развитии высшего образования в Вологодской губернии в первые годы советского периода [15].

Следовательно, можно говорить о новом направлении в деятельности С.Ф. Платонова; он на протяжении десятков лет оказывал помощь бывшим своим ученицам по ВЖ(Б)К, университету и особенно «педагогичкам», как ласково он называл слушательниц ЖПИ, способствуя им вырасти до крупных, авторитетных организаторов в сфере образования, просвещения, библиотековедения и в других сферах культуры.

При этом следует назвать два важнейших события, ставших судьбоносными в жизни Е.В. Гогель, как библиотечного работника, да и её жизни в целом, к которым непосредственно причастен С.Ф. Платонов: командировка в Европу в 1910 г. для изучения опыта работы библиотек и отзыв 1918 г. в Совет директоров Вятской библиотеки. К этому следует добавить многолетний, повседневный, кропотливый труд в ЖПИ.

Таким образом, С.Ф. Платонов продолжал участвовать в судьбе Е.В. Гогель и в «вятский» период. Он всегда был рядом как наставник, как руководитель, как советник, как помощник, как знаток библиотечной работы, как соратник, начиная со времени ее учебы, а особенно активно плодотворное участие проявилось в 1903–1921 гг. К сожалению, об их связях после переезда Е.В. Гогель в Москву пока не известно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Курсивом выделены слова, пропущенные в электронной публикации отзыва, осуществленной А. Рашковским. И датируется отзыв не июнем, а маем (в документе четко читается V). К сожалению, в копии, присланной из архива, дата не скопировалась из-за глубокой подшивки листа в архивном деле.

Установить точную дату не представляется возможным, необходимо расширять папку, а это особая процедура, тем более необходимо соблюсти многие формальности, требуемые законодательством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Груздева Е.Н.* Академическое интервью: Очерки истории Санкт-Петербургского Императорского Женского педагогического института. СПб., 2009. 192 с.

2. *Митрофанов В.В.* Деятельность С.Ф. Платонова во главе Женского педагогического института // Клио. 2006. № 4 (35). С. 212–224.

3. *Митрофанов В.В.* С.Ф. Платонов в «битве» за пост директора Публичной библиотеки // Научные труды Западно-Сибирского института финансов и права. 2010. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та. С. 19–28.

4. Записка С.Ф. Платонова о передаче дел в связи с отсутствием его на работе в Правлении АН — Ф.И. Успенскому, а в Библиотеке, Пушкинском доме и Постоянной Историко-археографической комиссии — Н.П. Лихачёву. 20 мая 1926 г. // СПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 139. Л. 102; Ф. 800. Оп. 3. Д. 754. Л. 5–5 об., 6.

5. *Митрофанов В.В.* Библиотеку, которую «и организовал и создал»: дело всей жизни Н.И. Драницына // Библиотекведение. 2013. № 2. С. 71–78.

6. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2669.

7. *Митрофанов В.В.* «...прибегать к Вам в трудных случаях библиотечной жизни» :

Письма Е.В. Гогель С.Ф. Платонову / предисл., подг. текста и примеч. В.В. Митрофанова) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2016. Вып. 29. С. 13–40.

8. *Гогель Е.В.* Великий князь Константин Константинович как попечитель Библиотеки императорского Женского педагогического института // Материалы по истории библиотекведения в России. Библиологический сборник. Т. II. Вып. 1. Пг., 1916. С. 1–19.

9. Библиотека Императорского Женского педагогического института и ее работа за 1903–1916. Пг., 1916. 28 с.

10. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-2483. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

11. *Чудова Г.Ф.* Николай Аполлонович Чарушин (1861–1937) // Герценка : Вятские записки. Киров, 2007. Вып. 24. С. 73–96.

12. *Луптова Е.* Благодарностью вспоминаю эту страницу моей биографии // Герценка : Вятские записки. Киров. 2014. Вып. 25. С. 8.

13. *Луптов А.Н.* О Вятской публичной библиотеке // Герценка : Вятские записки. Киров, 2006. Вып. 10. С. 3–13.

14. *Митрофанов В.В.* М.А. Александрова во главе учительского института в Рязани (1915–1918 гг.) // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. 2016. Т. 16. № 2. С. 33–39. (Серия «Социально-гуманитарные науки»).

15. *Митрофанов В.В.* Вологжане очень помнят Вас : Письма Л.И. Андреевского и В.Д. Андреевской-Прозоровской С.Ф. Платонову // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2013. № 4 (52). Т. 2. С. 48–60.

РУКОВОДИТЕЛИ КАБИНЕТА БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ БАН (1955–2015)

АННОТАЦИЯ

Освещена деятельность руководителей Кабинета библиотековедения Библиотеки Академии наук (БАН) с момента образования Кабинета по настоящее время.

Ключевые слова: Библиотека РАН, Кабинет библиотековедения (КБ), история сектора библиотековедения, руководители КБ.

Повседневная жизнь постоянно заставляет обращаться к итогам деятельности прежних поколений. Отсюда осознаваемая преемственность своего дела, продолжение трудов тех, кто работал ранее в Кабинете библиотековедения (КБ) БАН. Усилившийся в последние годы в обществе интерес к своей истории ещё более активизировал желание глубже и полнее осознать исторический путь КБ БАН. Во многом этому способствует исполнившийся в 2015 г. 60-летний юбилей основания КБ как самостоятельного структурного подразделения.

Его работой в разные годы руководили специалисты библиотечного дела: Татьяна Иннокентьевна Скрипкина, Ия Анатольевна Скороход, Николай Александрович Ласкеев, Галина Викторовна Головки, Татьяна Николаевна Данченко, Мария Георгиевна Бокан. Каждый из них внёс свою лепту в деятельность Кабинета.

Впервые вопрос об организации Кабинета библиотековедения в БАН был поставлен 16 марта 1954 г. по предложению Т.И. Скрипкиной в связи с обсуждением дирекцией БАН состава Отдела ленинградской сети [1].

Татьяна Иннокентьевна Скрипкина (14.05.1921–13.11.2008) родилась в Ленинграде в семье служащего. Отец преподавал в Ленинградском университете,

мать была актрисой. В 1947 г. Татьяна Иннокентьевна окончила английское отделение филологического факультета ЛГУ им. А.А. Жданова. В БАН работала с 1951 г. ст. библиотекарем в читальном зале отдела обслуживания и, т.к. свободно владела западноевропейскими языками — английским, французским, немецким, «была рекомендована быть использована на методической работе» [2]. В 1951 г. окончила аспирантуру при Библиотеке АН СССР. В 1953 г. защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата педагогических наук на тему «Библиотеки филиалов АН СССР, вопросы организации и перспективы развития». С 1953 по 1960 г. была зав. Отделом сети ленинградских академических библиотек БАН и осуществляла методическое и научное руководство работой 38 библиотек при академических учреждениях г. Ленинграда.

10 июня 1955 г. было утверждено Положение об отделе библиотек ленинградских академических учреждений АН СССР. «Структура: 1. В состав Отдела входит Кабинет библиотековедения, который собирает, систематизирует, хранит и популяризирует литературу, рукописные материалы, положения, инструкции по библиотечному делу и организует обслуживание этой литературой сотрудников библиотек Ленинградских

Академических Учреждений. 2. При отделе функционирует НМС, в который входят представители наиболее крупных библиотек и представители отделов библиотеки АН СССР» [3].

В то же время Татьяна Иннокентьевна является членом Учёного совета Библиотеки АН СССР и председателем научно-методического совета (НМС) Отдела ленинградских академических библиотек.

Татьяна Иннокентьевна принимала активное участие в научной жизни библиотек, где она неоднократно выступала с докладами на научных конференциях БАН и на заседаниях НМС. Как председатель НМС Отдела ленинградской сети, Татьяна Иннокентьевна принимала участие в составлении инструкций и положений. Она являлась автором ряда научных работ, таких как: «Научные библиотеки ленинградских учреждений АН СССР», «Сеть библиотек ленинградских академических институтов и учреждений», «Состояние работы и задачи библиотечных советов специальных библиотек ленинградских академических учреждений», «Вопросы организации сети специальных библиотек в АН союзных республик» и др. Подготовила в соавторстве ряд путеводителей: «Справочник-путеводитель по БАН СССР» (1959), «Путеводитель по каталогам Библиотеки АН СССР» (1960). В 1957 г. разработала и составила курс лекций «Библиотечное дело в зарубежных странах», который читался в ЛГБИ им. Н.К. Крупской и на библиотечных курсах БАН, и сделала доклад по библиотечному делу в зарубежных странах на кафедре ЛГБИ. Была редактором «Сводного систематического каталога иностранных книг по библиотековедению за 1917–1945 и 1946–1956 гг.», т.к. возникла необходимость получать представление о новейших работах по библиотечному делу, вышедших за рубежом. Была членом Комитета по библиотековедению и библиографии при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. В 1960 г. перешла на работу в ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В 1960 г. КБ становится самостоятельным структурным подразделением [4, с. 465]. 3 июля 1961 г. было утверждено Положение о Научно-методическом кабинете библиотековедения Библиотеки АН СССР [5].

С 1960 по 1978 г. заведующей КБ была Ия Анатольевна Скороход (21.08.1923–25.07.2006). Родилась в г. Грязовец Вологодской области. В 1954 г. окончила ЛГБИ им. Н.К. Крупской. Деловые и организаторские качества позволили создать творческий коллектив единомышленников и организовать работу КБ.

Ия Анатольевна целенаправленно и обдуманно создавала фонд библиотековедения. Основой фонда послужили отечественные и зарубежные книги и периодические издания по библиотековедению и библиографоведению, полученные из Справочно-библиографического отдела (СБО) в количестве более 8 тыс. печатных единиц. Эта богатейшая коллекция как ядро специализированного фонда сформировалась в 30-е гг. в справочном отделе. Ия Анатольевна организовывала работу с сетевыми библиотеками АН, разрабатывала основы научной и научно-методической работы в БАН. Большой вклад внесла в разработку основных методических инструкций, положений, памяток, путеводителей, квалификационных характеристик сотрудников КБ и в целом БАН.

Квалификационные характеристики явились результатом исследования, в ходе которого были разработаны анкета и методика проведения анкетирования сотрудников БАН СССР и её отделений. Параллельно со сбором фактического материала методом анкетирования проводился анализ документации, регламентирующей деятельность Библиотеки и её отдельных подразделений. Квалификационные характеристики послужили основой для разработки индивидуальных должностных инструкций.

В Библиотеке АН СССР, в составе которой много лет функционирует Центральная Библиотечная сеть

академических библиотек, постоянно разрабатывались методические вопросы, связанные с централизацией. Примером этой работы явилась инструкция, составленная И.А. Скороход и П.Ф. Семёновой: «Организация и технология работы отделений БАН СССР, функционирующих в условиях централизованной библиотечной системы: инструкция» (1975). Инструкция отражала специфику работы отделений БАН СССР, вносила максимально возможную унификацию в организацию основных библиотечно-библиографических процессов, рекомендовала рациональные формы и методы труда, проверенные библиотечной практикой, прослеживала взаимосвязи отделений БАН СССР при ленинградских учреждениях с ЦБ. В приложении к инструкции были даны различные формы документов.

В методической работе БАН СССР значительное место отводилось совершенствованию библиотечных производственных циклов. Это проявилось в разработке инструкции «Учёт фондов в библиотеках АН СССР и АН союзных республик: Инструкция и учётные формы» (1972). Это второе переработанное и дополненное издание инструкции «Учёт фондов в библиотеках научно-исследовательских учреждений АН СССР» (М., 1962). Она содержала указания по всем основным вопросам поступлений и выбытия литературы. Переиздание было вызвано необходимостью дальнейшего совершенствования учёта книжных фондов библиотек, приведение его в соответствие с современными, более прогрессивными формами учёта.

Одним из обязательных условий улучшения библиотечного обслуживания являлась разработка методических материалов, предназначенных для читателей. Разного рода памятки, правила, руководства знакомили читателей с БАН СССР, например: «Библиотека АН СССР: памятка читателю» (сост.: А.Я. Кривенко, И.А. Скороход. Л., 1964. 71 с.). Рецензии на английском, немецком и французском

языках давали сведения из истории создания БАН СССР, её структуре, фондах, каталогах, читальных залах, абонементах, а также приводился перечень отделений БАН СССР при ленинградских академических учреждениях с краткой характеристикой тематики фондов.

Библиотекой регулярно проводились научные конференции по отдельным проблемам библиотековедения и библиографоведения. Ия Анатольевна неоднократно принимала в них участие, осуществляла подготовку докладов, выступления на совещаниях: на 9–10-м совещаниях директоров библиотек АН СССР и АН союзных республик (1967; 1969), «Участие БАН СССР в развитии теории советского библиотековедения и библиографии» (1970), в Материалах X научной конференции БАН СССР, доклад к юбилейной научной конференции 25–26 ноября 1964 г. «Библиография печатных работ БАН СССР и литературы о ней за 1964 г.»; доклад на 12-м совещании директоров БАН СССР и АН союзных республик г. Ереван, сентябрь 1972 г. «Оптимальные формы организации системы академических библиотек и её место в общегосударственной системе НТИ» (в соавт.). Эти выступления способствовали популяризации КБ, раскрытию его состава и оптимальных возможностей его использования, перспектив его развития.

Важным вопросом методической работы являлась организация повышения квалификации сотрудников, отмечала Ия Анатольевна в статье «Повышение квалификации сотрудников Библиотеки» (1970), в которой освещалась структура этой системы и её использование в зависимости от образования и опыта работы сотрудников. Время диктовало направления работы. В целом научные работы И.А. Скороход были посвящены методической работе в БАН, работе сети АН, основным направлениям централизации библиотечно-библиографической работы в БАН, традиционным и нетрадиционным ИПС по библиотековедению.

Ия Анатольевна являлась составителем многих библиографических указателей и членом редколлегии таких библиографических пособий и сборников трудов, как: «Механизация и автоматизация библиотечно-библиографических процессов: аннотированный указатель отечественной и иностранной литературы за 1960–1969 гг.», «Сводный СК иностранных книг по библиотековедению: издания, поступившие в БАН СССР и ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина», «Библиотечно-библиографическая классификация и СК: указатель литературы на русском языке за 1966–1971 гг.», «Библиотека АН СССР (1714–1964): библиографический указатель», «Библиография печатных работ БАН СССР за 1959–1961 гг.: хронологический указатель», «Библиотеки АН СССР и АН союзных республик: сб. науч. тр.», «Библиотечно-библиографическая информация библиотек АН СССР и АН союзных республик» и др.

Ия Анатольевна регулярно принимала участие в НМС, где на заседаниях рассматривались все аспекты методической деятельности отделов, методические пособия, инструкции и документы, заслушивались доклады и сообщения по отдельным вопросам. Ия Анатольевна возглавляла КБ 18 лет. В 1965 г. Кабинет библиотековедения, в соответствии с требованиями времени, был преобразован в Научно-методический отдел (НМО) библиотековедения в соответствии со структурой, утверждённой приказом по АН СССР от 16 июня 1966 г. [6]. В 1978 г. И.А. Скороход ушла на пенсию.

Следующим руководителем КБ стал Николай Александрович Ласкеев (22.02.1926–23.09.2005). Родился в д. Турская Горка Новгородской области. В 1951 г. окончил ЛГБИ им. Н.К. Крупской. В БАН работал с 1955 по 1989 г. в КБ вначале старшим редактором, затем старшим научным сотрудником и с 1979 по 1986 г. руководил КБ при Научно-методическом отделе. В 1979 г. в результате реорганизации НМО библиотековедения стал

именоваться НМО, в котором КБ получил статус сектора [7]. В 1968 г. Николай Александрович защитил кандидатскую диссертацию на соискание учёной степени кандидата педагогических наук на тему «Библиотека Болгарской АН и сеть её специальных библиотек». Активно работал по проблемам библиотечного дела Болгарии, ГДР, ВНР и других социалистических стран. В совершенстве владел болгарским языком. Большинство публикаций посвящено библиотечному делу Болгарии: «Ценный вклад в социалистическое библиотековедение (проф. Т. Боров и проф. Г.Г. Фирсов)» (1984), «Четыре сборника от поредицата “Проблеми на специалните библиотеки” (1981–1983)» (1984). Постоянная исследовательская работа с фондами по библиотековедению зарубежных стран, преподавательская работа в ЛГИКе позволили Н.А. Ласкееву внести большой вклад в дело подготовки библиотечных кадров в БАН. В течение многих лет он руководил библиотечными курсами БАН СССР и лекторием БАН по повышению квалификации сотрудников. Статья «Библиотечные курсы при БАН СССР» (1985) подробно освещала историю создания и развития курсов. Именно опыт БАН СССР был положен в основу «Положения о системе повышения квалификации кадров библиотек АН СССР и АН союзных республик», разработанного совместно с Библиотечным советом при Президиуме АН СССР и утверждённого Бюро Совета в сентябре 1974 г. Работая в проблемной комиссии НИР, при Библиотечном совете по естественным наукам Президиума АН СССР, Николай Александрович участвовал в разработке регламентирующих документов для академических библиотек, составлял отзывы, замечания и предложения на документы общегосударственного, ведомственного и международного характера, а также на диссертации и книги. Он являлся автором и составителем ряда учебных и справочных пособий, многих библиографических указателей. Составленный им «Справочник-путеводитель по сети

специальных библиотек ленинградских научных учреждений» (1983) знакомит со специальными библиотеками академических учреждений Ленинграда. Это был первый справочник, специально посвящённый 39 библиотекам ЦБС АН СССР. Путеводитель освещал справочно-библиографическую и информационную работу библиотек и характеризовал их СПА. Николай Александрович являлся составителем двух сводных систематических каталогов — «Сводный СК иностранных книг по библиотековедению: издания, поступившие в БАН СССР и ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина» (1982, 1984), библиографического указателя «БАН СССР: указ лит. 1975–1984 гг.» (1986), ответственным редактором библиографического указателя «БАН СССР: указ лит. за 1964–1974 гг.» (1981), автором «Положения о библиотечных курсах» (1984), множества рецензий. По разрабатываемой им теме «Организация централизованной сети академических библиотек», посвящённой работе библиотек социалистических стран, опубликованы три работы: «Разработка библиотековедческих проблем в системе АН соц. стран» (1981), «Основные тенденции развития библиотек АН соц. стран» (1983), «Библиотеки системы АН соц. стран: проблемы централизации и основные направления их решения» (1984). В 1989 г. Н.А. Ласкеев перешёл на должность ст. научного сотрудника Научно-библиографического отдела (НБО) БАН.

Галина Викторовна Головки (26.10.1947) родилась в Мурманске. В 1971 г. окончила ЛГИК Н.К. Крупской, в 1985 г. окончила аспирантуру, защитив кандидатскую диссертацию на соискание учёной степени кандидата педагогических наук по теме «Современное состояние и проблемы совершенствования библиографического обеспечения специалистов изобразительного искусства». В БАН работала в должности зав. сектором КБ и зав. НМО с февраля 1986 по 1989 г. В период её руководства КБ в нём сформировались производственное, научно-методическое и

научно-исследовательское направления деятельности.

В производственном направлении были осуществлены: документальная проверка фонда, учёт и отчётность, номенклатура документов по организации работы КБ (профиль комплектования фонда, инструкция по приёму, обработке документов, инструкция по комплектованию фонда), списание документов.

Научно-методическое направление было представлено разработкой проектов планово-отчётной документации, составлением сводных планов повышения квалификации сотрудников, проекта положения «Система повышения квалификации кадров в БАН СССР»; организацией работы высших библиотечных курсов, в том числе переработкой программ, проведением лекционных и практических занятий; руководством производственной практикой студентов ЛГИК им. Н.К. Крупской, разработкой положения «О БАН СССР как базе практики студентов ЛГИК», проведением экскурсий по Библиотеке.

Научно-исследовательское направление включало в себя участие в разработке научно-исследовательской темы «Научно-технический прогресс, научно-исследовательская и научно-методическая работа в библиотечном деле». В рамках исследования в КБ были самостоятельно разработаны программа и методика для изучения эффективности использования методических пособий БАН СССР, подготовлены справки по анализу состояния научно-исследовательской и научно-методической работы в Научно-библиографическом отделе (НБО) и Отделе ретроспективного комплектования и обменно-резервного фонда (ОРКОР-Фа), организована картотека по теме исследования. Написаны ряд рецензий на диссертации, учебные пособия и дипломные работы. За время работы в КБ с 1986 по 1989 г. было опубликовано 5 работ и 2 доклада. Доклады шли в ногу со временем, так как были посвящены итогам развития библиотечно-библиографической

деятельности за два с половиной года работы Библиотеки в условиях перестройки. Статьи были посвящены анализу потока цитируемой литературы по библиографоведению и научно-методической работе. В статье «Анализ потока цитированной литературы по библиографоведению» (1988) было описано исследование, которое позволило создать предпосылки и базу для составления отраслевого указателя цитированной литературы, который окажет влияние на формирующуюся систему библиографического обеспечения библиографоведения.

В статье «Статистический анализ документального потока по научно-методической работе в библиотечном деле» (1990) представлены результаты анализа публикаций по научно-методической работе в библиотечном деле за 1980–1987 гг., проведённого БАН СССР в рамках исследования «НТП, научно-исследовательская и научно-методическая работа в библиотечном деле».

С 1 января 1988 г. сектор библиотековедения вошёл в состав Организационно-технологического отдела (ОТО) [8]. С декабря 1989 г. Галина Викторовна Головки перешла работать в Справочно-библиографический отдел (СБО).

Татьяна Николаевна Данченко (08.12.1927–30.11.1999) родилась в Ленинграде. В 1950 г. закончила филологический факультет ЛГУ им. А.А. Жданова по специальности «Испанский язык и литература». В БАН работала с 1951 по 1999 г. В 1970 г. ею защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук на тему «Сводные печатные каталоги в СССР. Теория, история, методика составления». В секторе библиотековедения работала с 1985 г. старшим научным сотрудником, а с 1989 по 1992 г. после очередной реорганизации Организационно-технологического отдела — зав. сектором КБ Отдела методического обслуживания (ОМО). Реорганизация была осуществлена 17 октября 1989 г., когда на базе НМО и ОТО был образован Отдел методического

обслуживания (ОМО). КБ входит в состав (ОМО) [9].

Список научных трудов Татьяны Николаевны за весь период работы в БАН насчитывает более 100 наименований. Она являлась автором многочисленных отзывов на диссертационные работы. Была активным участником международных и российских научных конференций. Выполняла все виды производственной работы по формированию фонда КБ, ведению СБА, принимала участие в научно-исследовательской и научно-методической работе сектора и отдела, являлась редактором и составителем многих библиографических указателей. Участвовала в работе Учёного совета БАН и вела протоколы заседаний, в работе НМС отдела, производственных собраний. Проводила экскурсии по БАН для специалистов из США. За годы работы зав. сектором КБ она активно занималась производственной работой: комплектованием фонда (текущее и ретроспективное), работой с издательскими планами, с лакунами; осуществлении аналитическую роспись отечественных периодических и продолжающихся изданий, сборников статей для картотеки сектора и абонентов ИРИ; систематизацией изданий для СК; вливанием карточек в каталоги и картотеки. Научно-библиографическая работа состояла в подготовке материала для очередного выпуска тематического библиографического указателя «Сводный систематический каталог иностранных работ по библиотековедению, библиографоведению и информатике»; составлении библиографического указателя «БАН: указатель литературы за 1989–1994 гг.».

Её участие в НИР в КБ включало составление аналитического обзора по теме «Библиографическое обеспечение фундаментальных научных исследований»; работу в группе «Энциклопедия БАН» (участие в разработке концепции Энциклопедии БАН, подготовка раздела Энциклопедии — «Летопись БАН»).

В составе рабочей группы принимала участие в разработке концепции

«Энциклопедии БАН» и её макета. Вела большую работу по формированию авторского коллектива. За период 1989–1992 гг. были подготовлены работы по «Энциклопедии БАН», комплектованию фондов иностранной литературой академических библиотек, информационному обеспечению научных исследований в области библиотековедения, библиографоведения и информатики, информационной деятельности научных библиотек, персоналии. В 1992 г. была проведена очередная реорганизация в структуре БАН России [10]. С 15 июня 1992 г. ОМО был упразднён. Сектор библиотековедения с 1 апреля 1992 г. был объединён с НБО и образован Научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения (НАОБиБ).

Зав. сектором библиотековедения стала кандидат педагогических наук М.Г. Бокан. С этого времени началась новая страница в работе сектора (кабинета) библиотековедения НАОБиБ.

Мария Георгиевна Бокан (16.02.1942) после окончания аспирантуры ЛГИК в 1974 г. защитила диссертацию на тему «Рекомендательная библиография в библиотечно-библиографической периодике 20-х гг.». Работала в научно-технической библиотеке завода «Красная Заря», в СБО Библиотеки АН, 15 лет возглавляла службу научно-медицинской информации Института акушерства и гинекологии им. Д.О. Отта, а в апреле 1992 г. Марию Георгиевну пригласили в БАН на должность зав. сектором библиотековедения Научно-исследовательского отдела библиотековедения и библиографии (НАОБиБ).

Судьба иногда удивительно переплетает события: интерес Марии Георгиевны не только к библиографии, но и архивной деятельности совпал с возможностью заниматься любимым делом в БАН. В 1992 г. по инициативе дирекции БАН и заведующей НАОБиБ к.п.н. Н.К. Леликовой был приобретён личный архив выдающегося русского библиографа Н.В. Здобнова. Архив был передан на хранение

и обработку в КБ. С этого времени открывается новая страница научно-исследовательской работы сектора. Впервые в БАН архивные документы были переданы не в рукописный отдел, а в специализированный фонд библиотековедения. В июне 1994 г. Учёный совет БАН утвердил программу исследования «Архивные материалы как составная часть специализированного фонда» на примере личного архива Н.В. Здобнова. Планировалось научно-техническое описание Архива, предполагалось выявление неопубликованных работ Н.В. Здобнова, которые интересны не только как исторические сведения, но и актуальны своим научным содержанием. Работа с архивными документами потребовала организации и совершенствования Справочно-поискового аппарата КБ, в частности создания ИПС для архива. Была составлена опись и проведено научное описание архива Н.В. Здобнова, на основе которых составлена справочная картотека. При работе по научному описанию архива Н.В. Здобнова М.Г. Бокан был обнаружен полный текст рукописи главного труда Н.В. Здобнова — «История русской библиографии до начала XX в.». Кроме рукописного имеется машинописный вариант текста. Богатство выявленного материала и его значение для историков библиографии определили подход к подготовке первого оригинального комментированного издания «Истории русской библиографии до начала XX в.». В ходе изучения архивных материалов были выявлены разночтения с опубликованными изданиями «Истории русской библиографии» Н.В. Здобнова, т.к. труд издавался не самим Здобновым, а редакторы вносили необходимые с их точки зрения поправки. Коллективом учёных из БАН, РНБ, СПбГИК был подготовлен проект комментированного издания «Истории русской библиографии», вышедшего в 2012 г. Издание впервые представляет текст монографии в авторской интерпретации — в том виде, как его написал сам Н.В. Здобнов, без редакторского вмешательства,

но с подробным комментарием. Комментарии состоят из текстологической части, размещённой после каждого параграфа, и реальной части, находящейся в конце издания, раскрывающие современные представления о рассматриваемых Н.В. Здобновым проблемах.

Архив Н.В. Здобнова в БАН насчитывает 640 единиц хранения и широко используется специалистами, книговедами и библиографоведами, являясь самым крупным в РФ личным архивом учёного.

Работа с архивными фондами российских библиографов была продолжена. В 2006 г. в фонд КБ поступил архив Александра Владимировича Ратнера (1948–1991), историка, библиографа, книговеда, редактора журнала «Советская библиография» (с 1980 г.). В его архиве, поступившем в фонд библиотековедения БАН, — письма, дневники, подлинные документы, воспоминания, неопубликованные работы, библиографические карточки, фотографии. Под руководством Марии Георгиевны была сформирована опись работ А.В. Ратнера и его эпистолярного наследия, которое включает переписку со многими книговедами, литературоведами, библиографами, в том числе с духовным учителем А.В. Ратнера А.В. Храбровицким (1912–1989), а также архивные материалы купцов Рогожиных. Эти материалы ещё ждут своих исследователей.

В 2008 г. БАН был приобретён архив библиографа, книговеда, педагога, доктора педагогических наук, проф. Э.К. Беспаловой (1930–2007). Архив приняли на учёт и обработку в сектор библиотековедения. Важное место в научном наследии Э.К. Беспаловой занимают воспоминания, библиографические материалы, научные труды, деловая и научная переписка, материалы из архива Русского библиографического общества, часть документов известного книговеда и библиографа Б.С. Боднарского (1874–1968) и др. Предварительный анализ М.Г. Бокан архива Э.К. Беспаловой даёт возможность понять его значимость для

изучения. Описание личных архивов учёных библиографов позволит сделать их научное наследие доступным для изучения специалистами. Сохранности архивных материалов способствует их хранение в микроклиматических контейнерах, а полноценному их использованию — создание в перспективе БД и разработка ИПС, позволяющих пользоваться электронной версией архивных материалов.

Мария Георгиевна проводит исследования в области библиографоведения и архивоведения, является руководителем и ответственным исполнителем ряда библиографических указателей, научных сборников и трудов. Среди них указатели: «Путеводитель по изданиям текущей отечественной библиографической информации. Естественные науки», «Сводный систематический каталог иностранных книг по библиотековедению, библиографоведению, книговедению и информатике» (1990–1991 гг.), «В.П. Леонов» и «Библиотечное дело и библиография в мире советской науки» — указатели публикаций В.П. Леонова, «Библиография: указатель содержания журнала “Библиография”, 1992–2008 гг.», «Библиотека РАН: указатель трудов сотрудников» (1989–1999, 2000–2009) и др. Многообразие материала характеризует Марию Георгиевну как библиографа, который всегда творчески подходит к любой работе. С её участием вышел ряд научных сборников: «Б.В. Банк. Избранное» (2011), «Чтения памяти К.И. Шафрановского (1900–1973): сб. тр. межд. науч. конф.» (2011, 2014).

Многогранная научно-практическая деятельность М.Г. Бокан отражена в более чем 80 её трудах. Это статьи, опубликованные в отечественных и зарубежных периодических изданиях и сборниках, посвящённые актуальным проблемам современного библиотековедения и библиографии. Значительная часть публикаций посвящена архивным материалам: «Архив Н.В. Здобнова в фондах БРАН» (1994), «Возращённое научное наследие» (2014), «Весомый вклад в историю

отечественной библиографии: к выходу в свет комментированного издания «История русской библиографии» Н.В. Здобнова» (2014), «Личные архивы библиографов в Библиотеке РАН», «Личный архив А.В. Ратнера в специализированном фонде Библиотеки РАН» (2012), «Научное и архивное наследие Э.К. Беспаловой в фондах Библиотеки РАН» (2014) и др. Эти работы, в частности, освещают историю, организацию, научное описание архивов, перспективы использования их в научной деятельности.

С уважением и благодарностью относятся Мария Георгиевна к своим учителям и коллегам, что отражено в её статьях: «Воспоминания учителя (к 90-летию со дня рождения Н.Г. Чагиной)» (2010); «Одна, но пламенная страсть...: [штрихи к портрету Н.К. Леликовой]» (2004); «Известный библиотековед и любимый педагог Р.Ф. Гринина» (2014), «А.Н. Маслова в Библиотеке РАН» (2014). Как у большинства научных сотрудников, у неё есть и рецензии: «Коммуникативная сущность книги» (2002), «Библиография русской библиографии: указ. библиографии» (2014), «Научно-информационный альманах о библиотеках, издательствах, вузах» (2010) и др.

Особого внимания заслуживает участие Марии Георгиевны в работе конференций. Так, к 300-летию юбилею Библиотеки РАН ею опубликованы статьи «БАН и международные научные проекты» (2014), «Концепция Библиотеки РАН: конец XX — нач. XXI вв.» (2015).

В своих докладах она не только информировала о деятельности КБ БАН, но и затрагивала проблемы непрерывного библиотечного образования. «Необходимость в библиотечных курсах в КБ БАН ощущается и в настоящее время», — считает М.Г. Бокан в статье «Проблемы непрерывного библиотечного образования в крупной научной библиотеке» (2015). В библиотеки академических учреждений приходят специалисты с гуманитарным и техническим образованием. Специалисты КБ постоянно

оказываются перед необходимостью проводить консультации для сотрудников БАН и библиотекарей сети академических учреждений по библиографическому описанию, систематизации статей по ББК и УДК, другим проблемам. Необходимость курсов в БАН — это возможность для сотрудников Библиотеки получить профильное библиотечное образование в её стенах.

Для сотрудников НИОБиБ и аспирантов БАН М.Г. Бокан на протяжении ряда лет проводила обзоры новой литературы, поступившей в фонд библиотековедения, для студентов и гостей БАН ведёт экскурсии в КБ, является оппонентом и рецензентом диссертационных исследований и авторефератов, рецензентом учебных пособий, программ, где показывает высокий профессиональный уровень. Живя и работая в современном быстро меняющемся мире, Мария Георгиевна стремится соответствовать его требованиям, внедрять все новые технологии в библиотечную работу. Именно в период её руководства КБ в нём были внедрены электронная подготовка «Бюллетеня новых поступлений в КБ БАН», создание ЭК КБ, БД статей по библиотековедению, библиографоведению, книговедению и информатике из периодических изданий, поступивших в КБ.

Организационно-управленческая деятельность проявляется в введении М.Г. Бокан новшеств в секторе. Это введение нового раздела «Библиографические указатели» в фонде КБ, детализированная система учёта ежедневной работы КБ, современный учёт открытого доступа, квалифицированная методическая помощь сотрудникам библиотеки и студентам СПбГИК, работающим в БАН, и др.

Одной из составляющих производственной работы подразделения является текущее и ретроспективное комплектование, которому Мария Георгиевна уделяет большое внимание. Расширен профиль комплектования КБ. В фонд стали поступать книги, отражающие многообразие библиотечной жизни России и

зарубежья. Сектор стал комплектоваться диссертациями, расширено комплектование по книговедению, книжному делу, библиофильству. Из подсобного фонда ОМО фонд КБ под руководством М.Г. Бокан трансформировался в единый документально-архивный комплекс по четырём основным профилирующим наукам: библиотековедению, библиографоведению, книговедению и информатике.

Панорамное видение проблемы, педагогический талант позволяют и сегодня Марии Георгиевне положительно влиять на работу КБ, передавая свой опыт руководителю КБ д.п.н. Т.Б. Марковой.

Все руководители КБ с момента его образования передавали свой профессиональный опыт и талант в развитие Кабинета, и каждый из них по-своему открывал новые грани развития КБ БАН.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Протокол заседания дирекции Библиотеки Академии наук СССР от 16 марта 1954 г. // Архив Библиотеки Российской АН. № 158. Оп. 3. Д. 2. Л. 68–69.
2. Личное дело сотрудников, работающих ранее в БАН СССР / Архив Библиотеки Российской АН. № 158. Оп. 2 л. Индекс 350. Л. 142–168.
3. Положение об отделе библиотек ленинградских академических учреждений АН СССР // Архив Библиотеки Российской АН. Оп. 3. Д. 448. Л. 55–56.
4. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964 / Акад. наук СССР, Библиотека; [авт. кол. : С.П. Луппов и др.; отв. ред. М.С. Филиппов]. М.; Л. : Наука, 1964. 596 с.
5. Положение о Научно-методическом кабинете библиотековедения Библиотеки АН СССР // Архив Библиотеки Российской АН. Оп. 3. Д. 668. Л. 1–3.
6. Приказ АН СССР № 53 от 30 июня 1966 г. // Архив Библиотеки Российской АН. Оп. 1 л. Д. 46. Л. 195.
7. Приказ АН СССР от 28.03.1979 г. // Архив Библиотеки Российской АН. Оп. 3. Д. 1555. Л. 87.
8. Приказ № 132 ок от 30.12.1987 // Архив Библиотеки Российской АН. Оп. 1 лд. Л. 335–356.
9. Приказ № 58 к от 17.10.1989 // Архив Библиотеки Российской АН. Оп. 1 лд. Л. 33–35.
10. Приказ 30к от 14.04.1992 // Архив Библиотеки Российской АН. Оп. 1 лз. Д. 134. Л. 228–229.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ КНИГИ НА ИНДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ XVI–XVII ВЕКОВ

АННОТАЦИЯ

Распространение христианства Обществом Иисуса в Индии дало уникальный результат в виде первопечатной христианской книги на индийских языках.

На основе изучения различных документов, а также каталогов и указателей составителем была проделана работа по составлению ретроспективного указателя христианской книги на индийских языках XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Португальская Индия — Гоа; Общество Иисуса; Христианские книги на индийских языках — Ретроспективный указатель.

Взаимодействие культур Востока и Запада, вызванное активной миссионерской деятельностью Общества Иисуса в Португальской Индии, дало уникальный результат в виде оригинальной книжной продукции — первопечатной христианской книги на индийских языках.

Раннепечатная христианская книга на индийских языках до сих пор не была предметом специального научного изучения и ретроспективного библиографического учёта. Составитель считает важным и необходимым выделение первопечатной христианской книги на индийских языках в единый книжный массив и самостоятельный объект ретроспективной библиографии.

На основе изучения различных источников, прежде всего документов и писем Общества Иисуса, а также библиотечных каталогов и библиографических указателей первопечатной книги в Индии составителем была проделана работа по выявлению библиографических сведений об индийских христианских книгах и составлению ретроспективного библиографического указателя «Христианская книга на индийских языках XVI–XVII веков» [1–20].

Таким образом библиографическими средствами удалось в значительной

степени воссоздать раннепечатный книжный репертуар на индийских языках на всей территории Португальской Индии.

Основная задача данного ретроспективного указателя состояла в выявлении помимо библиографических данных исторических и культурных сведений об индийских христианских книгах и представлении общей картины развития раннего христианского книгопечатания в Португальской Индии на индийских языках.

Указатель состоит из основной ретроспективной части, дополненной тремя вспомогательными указателями: именованным, заглавий и предметным; приведены названия библиотек, в которых книги хранятся, а также каталоги и указатели, в которых они учтены.

Полное библиографическое описание каждой книги дается в основной ретроспективной части, в хронологическом порядке с указанием года и места издания: от 1557 — Гоа до 1678 — Амбалакатты.

Помимо даты и места издания библиографическая запись каждой книги содержит следующие элементы описания:

- Основное заглавие / Сведения об ответственности. — Выходные данные. — Количественная характеристика.

- Примечания
- Литература о книге (Лит.)
- Источники (Ист.)
- Место хранения (М. хр.)

Описание дается на заглавие книги с указанием авторов, издателей и переводчиков в сведениях об ответственности. Это связано с тем, что христианские книги Индии, прежде всего традиционные, более известны под названиями.

В примечаниях приводятся сведения о различных аспектах книги: ее авторах, содержании, языке, истории, иллюстрациях, титульных листах, библиографических деталях и др. Полные сведения даются только при описании первого издания книги с последующей к нему отсылкой.

В литературе о книге указаны выявленные источники и специальная литература о данной книге.

В источниках в алфавитном порядке указаны известные библиотечные каталоги и библиографические указатели, в которых данная книга учтена. В этой части дается только краткое описание. Полное же библиографическое описание всех каталогов и указателей приводится в конце Указателя.

В разделе Место хранения отмечены библиотеки и книжные коллекции (в том числе и частные), в фондах которых хранится данная книга.

Данный ретроспективный указатель может использоваться также в качестве сводного каталога библиотек и книжных коллекций первопечатной христианской книги на индийских языках XVI–XVII вв.

В случае если книга не сохранилась до настоящего времени или не выявлена до сих пор, но известна по документальным и библиографическим источникам, то её описание сопровождается примечанием: Издание не обнаружено.

Пример:

1580 — Кочин

14. Confessionairo = Kompeciyonayaru / Henriques, Henrique. — Kocciyilaka: Kocciyu te matere te tevucu, 1580. — 107 p.

Руководство по исповеди на тамильском языке, составленное известным португальским миссионером в Южной Азии Энрике Энрикешем. Заглавие на португальском языке, параллельное заглавие на тамильском языке. Библиографические сведения из колофона. На шмуцтитуле эмблема Общества Иисуса — монограмма ИHS внутри солнечного диска.

Лит.: Shaw G. A lost work of Henrique Henriques : the Tamil confessionary of 1580 // Bodleian Library Record. — 1982. — № 11. — P. 26 — 34.

Ист.: Muller and Ryth 2; Shaw P. 32.

М. хр.: Oxford, Bodleian Library.

Основной целью книгоиздательской деятельности Общества Иисуса в Индии было распространение христианства, и, естественно, первопечатная книга на индийских языках играла важную роль в евангелизации местного населения.

Исторически христианская книгоиздательская деятельность на территории Португальской Индии зародилась в Гоа — административной и духовной столице португальцев на западном побережье Индии. 6 сентября 1556 г. корабль из Лиссабона, на борту которого было 14 членов Общества Иисуса, с печатным станком для миссионерской деятельности прибыл в Гоа. Именно с этого события начинается история книгопечатания на всей территории Индийского субконтинента [1, с. 27].

Об этом свидетельствуют письма членов Ордена, написанные в 1556 г. из Индии в Португалию и Рим. В том числе и письмо отца Родриго Гонсало Игнатию Лойоле — основателю Общества Иисуса [1, с. 31].

Первой печатной книгой, изданной в Гоа Обществом Иисуса на португальском языке в 1557 г., стала «Doutrina Christãa» (Христианское Вероучение), написанная католическим святым Франциском Ксаверием (1506–1552) [1, с. 14; 2, с. 567–568; 3, с. 20; 4, с. 29].

Печатная книга «Doutrina Christãa» 1557 г. до настоящего времени не сохранилась, но в библиотеках и архивах

Португалии хранятся рукописные копии на португальском и испанском языках.

«Doutrina Christãa» была написана Франциском Ксаверием сразу после его прибытия в Гоа в 1542 г. В период миссионерской деятельности Франциска Ксаверия на юге Индии (1542–1545) «Doutrina Christãa» была переведена им с помощью индийцев на тамильский язык и активно использовалась в проповеди христианства среди местного населения. На основе этой книги печатались первые католические катехизисы на тамильском, маратхи и конкани.

В Индии Франциск Ксаверий был специальным представителем Святого Престола и португальского короля. Период с 1542 по 1759 г. был временем активной миссионерской и книгоиздательской деятельности Общества Иисуса на всей территории Португальской Индии.

Апостол Индии и Японии, святой Франциск Ксаверий считается в Римско-Католической Церкви самым успешным миссионером в истории христианства после апостола Павла. Он является небесным покровителем не только Гоа, но и всей Индии, а также Китая, Японии, Борнео, Новой Зеландии и Австралии. Многие католические храмы, университеты, школы, братства и конгрегации по всему миру названы в его честь. Его мощи находятся в усыпальнице кафедрального собора Bom Jesus (Милосердного Иисуса) в Гоа и выставляются раз в 10 лет для всеобщего поклонения.

Правая рука святого Франциска Ксаверия, которой он крестил местное население Индии и написал христианские книги, в том числе и на индийских языках, хранится в специальном реликварии главного храма Общества Иисуса в Риме — Иль-Джезу (Святого Имени Иисуса).

Святой Франциск Ксаверий вместе со святым Игнатием Лойолой (1491–1556) (канонизированный с ним в один день) является сооснователем Общества Иисуса, которое сыграло огромную роль в распространении христианства во всём мире. Ещё при жизни святого Игнатия Лойолы

Орден иезуитов развернул широкую миссионерскую деятельность от Бразилии до Японии.

С самого начала Общество Иисуса поставило перед собой глобальную задачу фундаментального изучения местных языков, традиций и обычаев и перевода основной христианской литературы на национальные языки. Орден иезуитов распространял христианство, прежде всего, с учётом и пониманием культуры и традиций различных стран и народов мира.

Помимо сугубо евангелической литературы, члены Ордена издавали первые словари и грамматики индийских языков и сыграли важную роль в развитии и становлении современных индийских языков и литератур на маратхи, конкани и тамильском языках.

«Doutrina Christãa» представляет собой католический катехизис, содержащий основные христианские заповеди, догматы и молитвы. В катехизисе в краткой и легко запоминаемой форме излагаются доктринальные положения христианского учения, которые католические миссионеры распространяли по всему миру среди местного населения перед его крещением. Структура «Doutrina Christãa» в различных её вариантах и объёмах обычно включала следующие разделы католической доктрины, касающиеся Крестного знамения и Святой Троицы, Символа Веры — Credo in Deum, Молитвы Господней — Pater Noster (Отче наш), Ангельского приветствия — Ave, Maria (Радуйся, Мария), Молитвы Ангела Господня — Angelus (Ангел Господень возвестил Марии), Salve Regina (Славься, Царица Небесная), Декалога — десяти Божьих заповедей, заповедей Католической церкви, семи церковных таинств и девяти заповедей блаженств, божественных добродетелей, дел милосердия, смертных грехов и др.

На конгрегации Общества Иисуса в Гоа в 1575 г. было принято решение о печатании книг на индийских языках для обращения и катехизации

местного населения: 1) «Doutrina Christãa» (Христианского Вероучения) — Катехизиса Католической церкви, 2) «Confessionario» — Руководства по исповеди и 3) «Flos Sanctorum» (Цвет святых) — Агиографического памятника западной средневековой литературы. Известный итальянский иезуит Алессандро Валиньяно, визитатор Индии и Японии (1573–1583) и провинциал Индии (1583–1587), поручил эту работу Энрике Энрикешу — португальскому священнику-иезуиту.

Энрике Энрикеш (1520–1600) — ученик святого Франциска Ксаверия — 50 лет своей жизни посвятил проповеди христианства на юге Индии. Он в совершенстве овладел тамильским языком и написал несколько книг, включая тамильско-португальский словарь и грамматику тамильского языка. Энрике Энрикеш — первый европейский исследователь индийских языков, а также основатель тамильского книгопечатания.

В 1578 г. Энрике Энрикешом была издана на тамильском языке переработанная «Doutrina Christãa» Франциска Ксаверия. Это первая печатная книга, изданная в Индии на индийских языках с использованием тамильского шрифта и самая ранняя печатная книга на Востоке, изданная за пределами Европы не латинским шрифтом (рис. 1).

Рис. 1. «Doutrina Christãa» Энрике Энрикеша на тамильском языке 1578 г.

Заглавия были на португальском и тамильском языках. На титульном листе изображение во славе Пресвятой Троицы в окружении избранных святых. Книга представляет собой краткий катехизис на 16 страницах, напечатанный на розовой китайской бумаге. Единственный сохранившийся экземпляр в настоящее время хранится в библиотеке Гарвардского университета в США.

В 1579 г. Энрике Энрикеш издает большой катехизис «Doutrina Christãa» Маркоса Йорге в Кочине, а в 1580 г. там же «Confessionario» — Руководство по исповеди. На шмуцтитулах обоих изданий эмблема Общества Иисуса — монограмма IHS внутри солнечного диска.

В 1586 г. было опубликовано самое значительное и объёмное произведение Энрике Энрикеша на 660 страницах — «Flos Sanctorum» (Цвет святых) на тамильском языке. Фундаментальный труд Энрике Энрикеша сохранился только в двух экземплярах: один в библиотеке Ватикана, а другой в Королевской библиотеке Копенгагена. После его смерти христианское книгопечатание на тамильском языке было прекращено почти на 70 лет [1, с. 14; 2, с. 24–25; 4, с. 32; 5, с. 147–160].

Возрождение христианского книгопечатания в Южной Индии на тамильском языке связано с активной миссионерской деятельностью другого известного итальянского иезуита Роберто де Нобили. Роберто де Нобили (1557–1656) — предтеча христианско-индуистского диалога и инкультурации — первым в истории Церкви попытался адаптировать христианство к традициям индуизма. Он считал миссионерский метод португальцев при обращении местного населения в христианство в принципе неправильным. Роберто де Нобили последовательно осуждал метод инкультурации — вхождения христианского учения и церковной практики в традиционную культуру народов Индии. Миссионерская деятельность Роберто де Нобили намного опередила своё время и

предвосхитила многие идеи и начинания Второго Ватиканского Собора (1961–1965) о диалоге Католической Церкви с другими религиями и культурами.

Роберто де Нобили первым из европейцев с помощью брахманов в совершенстве изучил санскрит и смог прочесть священные книги индуизма — Веды. Он написал также около 40 христианских книг на тамильском, телугу и санскрите (некоторые из них в поэтической форме), но напечатан был только его большой катехизис на тамильском языке в 5 частях в Амбалакатте в 1677–1678 гг. — «Napaupatecam = Catechismus P. Roberti Nobili, Tamulico idioma scriptus» [4, с. 40–41].

В XVII в. основным центром книгопечатания Общества Иисуса в Португальской Индии на индийских языках стал Рачол, расположенный южнее Гоа. Именно здесь берёт своё начало традиция использования латинского шрифта для печатания книг на языке конкани [2, с. 27–28].

Наивысший расцвет раннепечатной евангелической литературы в Индии был связан с миссионерской деятельностью английского иезуита Томаса Стефенса (1549–1619), которого по праву называют «отцом христианской литературы в Индии» на маратхи и конкани. Томас Стефенс внёс значительный вклад в распространение христианства в Индии и создание оригинальных христианских произведений на индийских языках.

Современник Шекспира, Томас Стефенс получил образование в Оксфорде. В период гонений на католиков в Англии он покинул страну и эмигрировал в Европу. После вступления в Орден в 1579 г. прибыл в Гоа. Некоторые ученые, в том числе известный британский индолог Моньер-Уильямс, считают Томаса Стефенса первым англичанином, который вступил на индийскую землю.

Томас Стефенс прожил в Индии 40 лет и работал ректором иезуитской коллегии имени Св. Игнатия Лойолы в Рачоле. За это время он в совершенстве изучил

маратхи и конкани и на поэтическом литературном маратхи создал свой бессмертный *Magnum Opus* — «Purana Christão» (Жизнь Иисуса Христа).

Христианское произведение Томаса Стефенса «Purana Christão» было написано в традиционной индийской форме на маратхи и выдержало три издания в 1616, 1649 и 1654 гг. К сожалению, не сохранился ни один печатный экземпляр этой книги. В настоящее время имеются только рукописные варианты книги, на основе которых «Purana Christão» была издана в печатном виде в Мангалоре (Индия) в 1907 г.

«Purana Christão» представляет собой библейский эпос в форме индуистских пуран, в котором в поэтической форме излагается вся история Ветхого и Нового Заветов. Книга является своеобразным синтезом теологии Тридентского Собора Католической Церкви (1545–1563) и индуистской традиции Вайшнава.

Для христиан Гоа «Purana Christão» стала настоящей индийской Библией и использовалась в литургической практике католических церквей Гоа вплоть до XX в [1, с. 17–21; 2, с. 27–33; 4, с. 33–36].

В современной Индии «Purana Christão» издавалась четыре раза, причём три раза шрифтом деванагари и один раз латинским шрифтом. Готовится перевод книги на английский язык. Потребовалось четыре века для признания «Purana Christão» также и литературным шедевром на маратхи.

В 1622 г. Томас Стефенс издаёт «Doutrina Christa em lingoa Brahmana Canarim» (Христианское вероучение на языке брахмана канарим) — первую печатную книгу на конкани латинским шрифтом, ему принадлежит первенство и в издании первой печатной грамматики на индийских языках (конкани) — «Arte da lingoa Canarim» (1640 г.).

Помимо Томаса Стефенса христианскую литературу на конкани и маратхи создавали и другие представители Общества Иисуса в Индии: Диего Рибейро —

«Declaracam da Doutrina Christam» (Изложение христианского вероучения) — Rachol, 1632 г.; Этьен де ла Круа — «Discursos sobre a vida do Apostolo Sam Pedro» (Проповеди о жизни Апостола Петра) — Goa, 1629–1634 гг.; Антонио де Сальданха — «Padva mhallalea харantuelea Sancto Antonichy Zivitua Catha» (Жизнь Святого Антония Падуанского) — Goa, 1655 г.; Мигуэль де Альмейда — «Jardim dos Pastores» (Сад Пастырей) — Goa, 1658–1659 гг.; Жуан де Педроз — «Soliloquios Divinos» (Божественные диалоги) — Goa, 1660 г. и др. [1, с. 17–23].

В 1684 г. под давлением португальцев было принято специальное законодательное постановление вице-губернатора Индии графа Альвара, предписывавшее всем жителям Гоа перейти в течение трёх лет на официальное и церковное использование португальского языка вместо местных языков. По этому закону христианское книгопечатание, в том числе и на местных языках, в Португальской Индии было прекращено, а вся книгоиздательская деятельность в Гоа была приостановлена до 1820 г.

Таким образом, история первопечатной христианской книги Общества Иисуса в Португальской Индии на индийских языках охватывает период с 1557 по 1678 г. За это время было напечатано 28 книг (по историческим и библиографическим источникам), которые стали объектом ретроспективного библиографического учёта в подготовленном составителем указателе. Раннепечатные христианские книги на индийских языках XVI–XVII вв. — печатные свидетельства уникального диалога традиционных культур Запада и Востока.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Priolkar A.K.* The printing press in India. Its beginnings and early development. Bombay : Marathi Samshodhana Mandala, 1958. 364 p.

2. *Boxer C.R.* A tentative check-list of Indo-Portuguese imprints // Arquivos do

Centro Cultural Portugues. 1975. № 9. P. 567–599.

3. *Boxer C.R.* A tentative check-list of Indo-Portuguese imprints, 1556–1674 // Boletim do Instituto Vasco da Gama. 1956. № 73. P. 19–42.

4. *Shaw G.* The South Asia and Burma Retrospective Bibliography (SABREB). Stage 1 : 1556–1800 / Compiled by Graham Shaw. London: The British Library, 1987. 554 p.

5. *Schurhammer G., Cottrell G.W.* The First Printing in Indic Characters // Harvard Library Bulletin. 1952. Vol. VI, № 2. P. 147–160.

6. *Cunha Rivara J.H.* Ensaio Historico da Lingua Concanim. Goa, 1858.

7. *Garcia A.* O IV Centenario da Imprensa em Goa // Boletim do Instituto Vasco da Gama. 1956. № 73. P. 115–139.

8. *Gracias A.* Os Portuguezes e o Estabelecimento da Imprensa na India. Bastorá (Goa), 1938.

9. *Gracias I.* A Imprensa em Goa nos seculos XVI, XVII e XVIII. Apontamentos historic-bibliograficos. Nova-Goa, 1880.

10. *Gusmao A.* Da imprensa em Goa // Arquivo de Bibliografia Portuguesa. 1957. № 3. P. 179–184.

11. *Panduronga S.S.* A Proposito dos Primeiros Livros Maratas Impressos em Goa // Boletim do Instituto Vasco da Gama. 1956. № 73. P. 55–80.

12. *Primrose J.B.* The first press in India and its printers // The Library 4th Series — 1939. Vol. XX, № 3. P. 241–265.

13. *Rodeles C.G.* Early Jesuit Printing in India // The Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1913. Vol. IX, № 4, April. P. 154–155.

14. *Saldanha J.L.* The Christian Puranna of Father Thomas Stephens, S.J. Mangalore, 1907.

15. *Saldanha M.* A Primeira Imprensa em Goa // Boletim do Instituto Vasco da Gama. 1956. № 73. P. 80–107.

Восток и книга

16. *Saldanha M.* Doutrina Christãa em Lingua Concani por Thomas Estevão, S.J. Impressa em Rachol (Goa) em 1622. Segunda edição facsimilada, com Introdução, Notas y Glossario. Lisboa: Agência Geral do Ultramar, 1945.

17. *Schurhammer G.* Thomas Stephens, 1549–1619 // *The Month.* 1915. April. P. 197–210.

18. *Schurhammer G., Wicki J.* Ephistolae S. Francisci Xavierii. Rome, 1944–1945. 2 vols.

19. *Shaw G.* A lost work of Henrique Henriques: the Tamil confessionary of 1580 // *Bodleian Library Record.* 1982. № 11. P. 26–34.

20. *Wicki J.* Documenta Indica. Rome, 1948–1968. 18 vols.

СРАВНЕНИЕ ЧАСТОТНОЙ ЛЕКСИКИ ПОЭЗИИ МАЦУО БАСЁ И АНТОЛОГИИ «СТО СТИХОТВОРЕНИЙ СТА ПОЭТОВ»

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена сравнению двух поэтических частотных словарей. Один из них базируется на стихах Мацуо Басё, а другой — на антологии «Сто стихов ста поэтов». Верхние части этих частотных словарей значительно различаются. Их сравнение приближает к постижению «поэтических картин мира».

Ключевые слова: поэзия, словарь, частота, ранг, лексема, хайку, танка.

Целью данной работы является сопоставление верхних частей частотных поэтических словарей поэзии Мацуо Басё [1] и древнеяпонской поэтической антологии «Сто стихотворений ста поэтов» [2] (далее — Антологии), выполненное автором.

Частотный словарь, как правило, определяет ранг и частоту входящих в исследуемый текст единиц. Иными словами, он «позволяет установить некоторую иерархию словаря в зависимости от употребительности его единиц» [3]. В качестве единиц текста чаще всего берутся слова. Возникающие при составлении частотного словаря сложности обычно связаны с морфологическими и лексическими признаками: «единицей будущего словаря может быть не только словоформа безотносительно к её морфологическим и семантическим признакам в тексте: тогда придётся учитывать лексико-грамматическую (части речи) и грамматическую (грамматические категории) омонимию (омографию)» [3].

При составлении стандартного частотного словаря учитываются все исследуемые единицы, к числу которых относятся и служебные слова. Однако в данной работе не принимаются во внимание не только частицы, послелогои и столь украшающие японские стихи экспрессивные междометия, но и личные

местоимения, несущие в поэзии незначительную нагрузку. В японской поэзии, представленной жанрами хайку и танка, ограниченность длины строки (5 или 7 слогов) накладывает свой отпечаток на структуру стиха. В большей степени это относится к морфологии: глагольные формы обычно употребляются с минимальным числом аффиксов (при богатой глагольной морфологии — в особенности, в классическом и древнем языках), а частицы и послелогои часто опускаются. Поскольку в трёх (в хайку) или в пяти (в танка) строках стиха необходимо «прочертить» целостную для восприятия «картину», некоторые подразумеваемые слова как бы опускаются, что порой создаёт ощущение какой-то недосказанности. Кроме того, иногда в стихе употребляются омонимы (часто различающиеся в иероглифическом написании!), создающие двойной (или тройной) смысл стихотворения.

При сравнении поэтических частотных словарей обычно только их верхняя часть — наиболее частотные слова. Этому принципу следует и данная работа, сравнивающая 50 слов у Мацуо Басё с 20 словами из Антологии. Выбранное количество слов соотносится с общим объёмом поэтических текстов.

Поскольку число сравниваемых высокочастотных слов очень невелико,

особое внимание уделяется значениям исследуемых слов. Кроме упомянутых выше проблем выделения части речи и омонимии, возникает и проблема интерпретации сложных слов. Строго говоря, эти слова являются самостоятельными лексемами и потому должны рассматриваться наравне с другими лексемами. Однако для получения полной картины при минимальном количестве сравниваемых слов в некоторых случаях можно выделять значимые части сложных слов. Например, в поэзии Басё значение «лист» выделяется не только в слове 葉 *ha* «лист», но и в композите 紅葉 *tomiji* «кленовые листья». Оба этих слова можно объединить в данном случае в единое семантическое поле «листа», а частоты этих лексем суммировать. Если же этого не сделать, то может оказаться, что одна или даже обе лексем не попадут в верхнюю часть частотного списка, что может привести к искажению изучаемой «языковой картины». В то же время в случае высокой частотности простой и сложной лексем со схожей семантикой можно не прибегать к их суммированию: так, в верхнюю часть частотного списка поэзии Басё попала как лексема 雨 *ame* «дождь», так и лексема 時雨 *shigure* «осенний дождь».

Кроме того, нужно отметить, что в обоих частотных списках имеются слова с одинаковой частотой, ранг которых принадлежит определённом интервалу. Подобное распределение частот с тремя параметрами (рангом слова, его частотой и количеством слов с одинаковой частотой) приведено, к примеру, в табл. 9 [3]. Однако в такой таблице не находится места значениям самих слов, поэтому в данной работе приводятся стандартные частотные распределения, в которых ранги некоторых слов принимают условные значения, по сути принадлежа определённом интервалу.

Ниже приводятся верхняя часть частотного словаря поэзии Мацуо Басё (табл. 1).

Как известно, важнейшее место в содержании хайку (в частности, хайку

Мацуо Басё) занимает природа. Поэтому вполне естественно, что первые одиннадцать лексем составляют объекты природы («цветок», «гора», «дерево», «луна»), явления природы («дождь», «снег», «ветер»), указатели времени (времени описания природы!) («ночь», «день», «осень») и один глагол созерцания («видеть»). Возглавляет же список лексема «цветок», за которой следуют «луна» и «осень» (отмечу, что в верхней части частного словаря встречаются лексем всех четырёх времён года). Лексема «человек», чьи переживания в японской лирике часто переплетены с явлениями природы, занимает лишь скромное двенадцатое место. Лексема «вселенная» представляет собой обобщение концепта «природы», лексема для которой в явном виде почти не встречается. Наличие лексем «путешествие» легко объяснить тем, что человек, как и природа, находится в постоянном движении. Сакура и хризантема давно уже стали символами Японии, их наличие в верхней части частотного словаря выглядит очевидным! Лексем «голос» и «слышать» тоже часто ассоциируются с природой: например, человек блуждает по лесу и слышит голос летящей по небу птицы. Лексема «начало» может означать и начало года, и начало намеченного пути. Из цветов чаще всего встречается белый: ведь это — цвет и облаков, и снега на вершине горы Фудзи (лексем «белый», «облако», «снег» и «гора» входят в представленный список!) Указанные в верхней части частотного словаря лексем прекрасно описывают не только хайку Мацуо Басё, но и классическую японскую поэзию в целом. Глядя на эти слова, даже хочется что-то сочинить самому!

Ниже приводится верхняя часть частотного словаря Антологии (табл. 2).

Стихи, входящие в Антологию, принадлежат ста различным авторам, тем не менее многие из них близки друг к другу по тематике. Кроме стихов о природе, в Антологии встречается немало любовных стихов, в которых чувства героя (речь почти всегда идёт от первого

лица) окутаны дымкой меланхолии и завуалированы описаниями явлений природы. Поэтому здесь верхнюю строчку занимает лексема «человек». Да и второй ранг отдан не одному из явлений природы, а глаголу восприятия окружающего мира — «полагать, думать, считать» (помимо этого, встречаются лексемы «знать» и «видеть», выражающие отношение человека как к природе, так и к своим чувствам). И лишь на третьем природа возникает в виде лексемы «гора». Многие

явления и объекты природы присущи верхним частям обоих частотных словарей: к ним относятся «гора», «ветер», «река», «лист» и «цветок», но при этом в поэзии Басё подобных лексем значительно больше. В словаре Антологии, в отличие от поэзии Басё, в верхнюю часть входят лексемы, выражающие романтические чувства: «любовь», «сердце», «встречать» (прежде всего — возлюбленную, но лексема для самой возлюбленной, Прекрасной Дамы, в поэзии почти не встречается).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Верхняя часть частотного словаря поэзии Басё

Rank (Ранг)	Word (Слово)	Frequency (Частота)	Русский	English
1	花	133	цветок	flower
2	月	116	луна	moon
3	秋	73	осень	autumn
4	日	72	день	day
5	雪	53	снег	snow
6	山	49	гора	mountain
7	見る	47	видеть	to see
8	夜	47	ночь	night
9	木	42	дерево	tree
10	雨	43	дождь	rain
11	風	43	ветер	wind
12	人	43	человек	man
13	梅	39	слива	plum
14	春	38	весна	spring
15	初	35	начало	beginning
16	菊	34	хризантема	chrysantems
17	声	33	голос	voice
18	葉	33	лист	leaf
19	夏	30	лето	summer
20	桜	30	сакура	cherry
21	寝る	30	спать	to sleep
22	朝	29	утро	morning

Rank (Ранг)	Word (Слово)	Frequency (Частота)	Русский	English
23	宿	29	дом	house
24	涼しい	28	прохладный	cool
25	ほととぎす	26	кукушка	cuckoo
26	雲	25	облако	cloud
27	水	24	вода	water
28	旅	24	путешествие	travel
29	行く	24	идти	to go
30	柳	23	ива	willow
31	白い	22	белый	white
32	世	22	вселенная	world
33	出る	22	выходить	to leave
34	松	21	сосна	pine
35	露	20	роса	dew
36	時雨	20	осенний дождь	autumn rain
37	寒い	20	холодный	cold
38	吹く	16	дуть	to blow
39	庭	16	сад	garden
40	川	16	река	river
41	霜	16	иней	hoar-frost
42	古い	16	старый	old
43	天、空	15	небо	sky
44	海	14	море	sea
45	冬	14	зима	winter
46	瓜	14	дыня	melon
47	散る	14	осыпаться	to drop
48	折る	14	гнуть	to bend
49	青い	13	синий	blue
50	聞く	13	слышать	to hear

Таблица 2

Верхняя часть частотного словаря Антологии

Rank (Ранг)	Word (Слово)	Frequency (Частота)	Русский	English
1	人	23	человек	man
2	思ふ	22	полагать	to think
3	山	21	гора	mountain
4	夜	13	ночь	night

Rank (Ранг)	Word (Слово)	Frequency (Частота)	Русский	English
5	見る	13	видеть	to see
6	知	12	знать	to know
7	秋	12	осень	autumn
8	月	12	луна	moon
9	恋	10	любовь	love
10	世	10	вселенная	world
11	風	10	ветер	wind
12	逢ふ	10	встречать	to meet
13	川	8	река	river
14	心	7	сердце	heart
15	葉	7	лист	leaf
16	白い	6	белый	white
17	花	6	цветок	flower
18	原	6	равнина	plane
19	野	6	поле	field
20	衣	5	одежда	clothes

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Terebess Gábor*. 松尾芭蕉 俳句全集
Matsuo Bashō's Complete Haiku in Japanese. 176 с.

2. Сто стихотворений ста поэтов / под ред. В.Н. Марковой. М. ; СПб., 1998. 288 с.

3. *Алексеев П.М.* Частотные словари. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. 43 с.

БУДДИЗМ И РАННИЕ ВЬЕТНАМСКИЕ БИБЛИОТЕКИ

АННОТАЦИЯ

Буддизм оказал сильное влияние на формирование всех аспектов вьетнамской культуры. Популярными были классические буддийские книги, пришедшие из Китая. Появились экземпляры «Трипитаки». По распоряжению императоров династии Ли (1010–1225) с них снимались рукописные копии, которые вместе с оригиналом хранились в специально построенных библиотеках. При каждом новом поступлении буддийских классических книг создавалось новое книгохранилище. Монастырское подвижничество предполагало изучение буддийской доктрины, буддийских текстов, чтение сутр, практику созерцания.

Ключевые слова: буддизм, Вьетнам, библиотеки, культура, книжное собрание.

Во Вьетнаме, как и в других странах Дальневосточного культурного региона (Китае, Корее, Японии), традиционно с уважением относятся к письменному слову, любят и оберегают книги.

Так, еще в XI в. известный китайский историк Сыма Гуан (1019–1086) наставлял своего сына: «Торгаш накапливает монеты, учёный — только это (т.е. книги. — Е.К.). Однако и книги надо уметь беречь и ценить. Каждый год между днём летнего солнцестояния и девятым днём 9-го месяца я дожидаюсь наступления ясной погоды и на следующий день выставляю на солнце стол, на который ставлю книги ребром, чтобы просушить их страницы. Благодаря этому книги сохраняются очень долго и не портятся даже через много лет. Прежде чем приступить к чтению, я смотрю, чист ли стол, кладу на него циновку и уже после этого усаживаюсь прямо и начинаю читать. При чтении во время путешествия я не держу книгу в руках, а кладу её на дощечку, для того, чтобы не прикасаться лотными руками и не причинять вред листам. Прочитав страницу до конца, я подкладываю под ее край большой палец правой руки и, придерживая сверху указательным пальцем, переворачиваю страницу. Благодаря этому мне удастся не мять бумаги. Я часто

вижу, как вы перелистываете книгу ногтями. Это мне очень не нравится. Беречь и ценить свои книги умеют даже буддисты и даосы. Допустимо ли, чтобы наши учёные в этом уступали им? Об этом следует помнить» [1, с. 287].

Для предохранения от жучков использовалась бумага, пропитанная настойкой из перца и обладавшая, по наблюдению библиофилов, стойкостью в отношении книжных червей. Другой способ состоял в окрашивании или пропитывании листов бумаги особым составом, главной частью которого служил сок бархатного дерева (*Phellodendron amurense* Rupr.). При династии Сун (960–1279) окраска бумаги для её предохранения от вредителей стала применяться всё меньше и сохранилась лишь в буддийских монастырях [1, с. 36].

Начиная с династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) для уничтожения книжной моли и отпугивания насекомых использовались листья душистого растения руты (кит. *юнь*, вьет. *ван*) [2, с. 27]. В переносном значении *юнь* — «рута» стала обозначать книги, литературу, сочетание *юньтай* — книгохранилище, кабинет. Эти два иероглифа входят в название энциклопедического труда Ле Куи Дона (1726–1784) «Ван дай лоай нгы» — «Записи

с разделением на главы из Кабинета руты». Н.И. Никулин переводит название сочинения как «Записи с разделением на главы из Нетленного хранилища» [3, с. 217].

К.К. Флуг полагал, что в старом Китае не существовало специального библиотечного образования. Оно заменялось практическими навыками, передававшимися по традиции из поколения в поколение, а также изучением и разработкой вопросов библиотечного дела отдельными заинтересованными в этом лицами по их собственной инициативе [1, с. 289–290].

Нгунг Тхи Донг отмечает, что проблема подготовки библиотечных кадров во Вьетнаме появилась после того, как возникли первые библиотеки. Долгое время подготовка осуществлялась в стенах самих библиотек. Лишь в XIX в. возникла потребность в специальной системе библиотечного образования, до этого времени обучение основам профессионального мастерства во всем мире и во Вьетнаме осуществлялось на базе библиотек методом ученичества на рабочем месте. Наиболее опытный библиотекарь передавал своему младшему коллеге накопленные знания, умения, навыки библиотечной работы [4, с. 185].

Вьетнамцы освоили китайскую иероглифическую письменность уже в эпоху своей зависимости от Китая (207 г. до н.э. — 939 г. н.э.), однако первые из дошедших до нас письменных памятников Вьетнама относятся к X в. Они были написаны на *ханване*, так назывался во Вьетнаме *вэньянь*, дальневосточная латынь, общий, «международный», язык стран Дальнего Востока. Существовала также во Вьетнаме письменность *ном*, созданная на базе китайских иероглифов. *Ном* был создан в VIII в., но настоящей системой письма стал только в XIII в., и хотя им были записаны шедевры вьетнамской литературы, область применения *нома* ограничивалась развлекательной литературой. Во Вьетнаме буддийские монахи уже с XI в. активно пользовались *номом*,

чтобы приспособить буддийские тексты, написанные по-китайски, к преподаванию на вьетнамском языке [5, с. 272–273].

Как отмечает Н.И. Никулин, вьетнамские исследователи считают, что во Вьетнаме развитая письменная традиция существовала ранее X в. Еще в VIII–IX вв. молодые вьетнамцы ездили в Китай учиться конфуцианской премудрости, неотделимой от сочинительства. В китайских антологиях сохранились, например, экзаменационные сочинения вьетнамца Кхыонг Конг Фу (VIII в.). Примерно в это же время усилилось и буддийское духовенство, деятельность которого была связана с комментированием священных текстов, проповедями. Известно, что в VIII в. в Сиане, столице танского Китая (618–907), вьетнамские буддийские монахи Во Нгай, Фунг Динь, Зюй Зиам обменивались стихами с китайским поэтом и художником Ван Вэем (699–759). Таким образом, традиционные сетования на плохую сохранность памятников, ставшие общим местом многих работ, отнюдь не являются безосновательными [3, с. 18–19].

По словам К.К. Флуга, знакомство с историей крупнейших книжных собраний старого Китая убеждает в наличии известной периодической повторяемости в их постепенном накоплении — расцвете и последующем упадке [1, с. 247]. Говоря о «книжных катастрофах» в Китае, принято считать, что первой из них было сожжение книг, произведенное при императоре Цинь Ши-хуанди в 213 г. до н.э. Это событие печально отразилось на судьбе китайской литературы, многие произведения которой исчезли с того времени бесследно. Однако нельзя сказать, что книжные богатства этого времени были полностью уничтожены, некоторые отделы литературы не были включены в список книг, подлежащих сожжению, и потому не пострадали. Значительно большие потери были нанесены китайской литературе внутренними войнами, сопровождавшимися обычно перемены династий и почти неизменно

гибельно отражавшимися на состоянии императорских, в те времена крупнейших книжных собраний Китая [1, с. 247]. Помимо «книжных катастроф», причиной гибели книжных богатств старого Китая явились и стихийные бедствия: наводнения, пожары, жучки-вредители, сырость, от которой книги гнивали, и т.д. [1, с. 251].

П. Пельо в предисловие к «Первому исследованию аннамских источников по истории Аннама» отмечал, что исторические книги редки в стране аннамитов: климат и войны способствовали их уничтожению. Некоторые аннамские произведения были изданы один раз, отпечатано мало экземпляров; большая же часть сочинений осталась в рукописном виде, и влажность, насекомые, пожары, смуты быстро взяли над ними верх [6, с. 618].

Помимо смут внутри страны, негативное влияние на книжные собрания Вьетнама оказали вторжения иноземных захватчиков: монголов в XIII в., тямов в XIV в., китайцев в начале XV в.

Буддизм (махаяна) сыграл большую роль в культурном развитии Вьетнама. Видный исследователь вьетнамского буддизма Чан Ван Зяп называет ранний период — с начала III до конца VI в. — триумфом индийского буддизма. В конце VI в. во Вьетнаме получила распространение одна из буддийских школ — *дхьяна* (вьет. тхиен). Впоследствии возникали как новые направления в рамках *тхиен*, так и другие школы. К XI в. буддизм во Вьетнаме достиг расцвета; школа *тхиен* имела большое значение для Вьетнама, отмечается её тесная связь с *дхьяной* китайского толка — школой *чань* [7, с. 256].

Центры буддийской религии во Вьетнаме — тхиенские монастыри — в целом воспроизводят китайские образцы. Монастырское подвижничество (прежде всего в крупных монастырях) предполагало изучение буддийской доктрины, буддийских текстов, чтение сутр, практику созерцания [8, с. 103–105].

Как отмечает К.К. Флуг, значение деятельности даосов, и в особенности буддистов, в возникновении и развитии книгопечатания в Китае очень велико [1, с. 26]. Как известно, распространение религиозных текстов путём их переписки считалось у буддистов богоугодным делом, и книгопечатание, возникшее, вероятно, в одном из буддийских монастырей и открывшее широкие возможности для массового распространения буддийских сочинений, нашло широкое применение в этих монастырях. Точная дата появления книгопечатания в Китае неизвестна. Однако уже в IX в. техника книгопечатания достигла значительного совершенства, о чём свидетельствуют наиболее ранние образцы буддийских печатных изданий, дошедших до нашего времени [1, с. 28].

Наиболее важным следствием буддийского книгопечатания было его распространение за пределы Китая. Как известно, подавляющая часть печатной литературы, найденной в Средней Азии, состоит из буддийских произведений. Хорошо известно о проникновении буддийского книгопечатания из Китая в Японию и Корею. Буддийское книгопечатание распространилось в стране тангутов, или Си Ся. Первые вполне определённые исторические данные о существовании буддийской литературы в стране тангутов относятся к XI в. Так, в 1058–1059 гг. тангуты, сообщая китайскому императору о постройке монастыря в своей стране, просили прислать им «Трипитаку» на китайском языке, что и было исполнено. Правители Си Ся просили о присылке «Трипитаки» четыре раза. В следующем XII в. буддийская литература в большом количестве печаталась уже в самом Си Ся [9, с. 74–75].

«Трипитака» (санскр. Tripitaka — «Три корзины [текстов]», кит. «Да цзан цзин», вьет. «Дай танг кинь») — собрание текстов Палийского канона, хранимое школой тхеравада и включающее Виная-питаку — «Корзину дисциплинарных правил», Сутта-питаку — «Корзину наставлений» и Абхидхамму-питаку — «Корзину доктрин». Трипитаку можно

назвать целой библиотекой буддийской литературы. Китайская Трипитака в своей минимальной версии содержит 100 томов, а в максимальной в три раза больше — в расширенном понимании канонического собрания буддийских текстов, в которое включалась практически вся буддийская и даже не только буддийская литература. Тексты «трёх корзин» являются важнейшими составляющими в буддийских литературах Центральной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока [9, с. 684–685].

Во Вьетнаме в X в. популярными и широко распространёнными были классические буддийские книги, пришедшие из Китая в эпоху Тан. В 1009 г. при императоре Ле Нгоа-чьеу появились экземпляры «Трипитаки». В летописном своде сказано: «(1007 г.) ...Весна. Направили младшего брата [императора Ле] Минь Сьонга и главного секретаря-тьёнгтхыки Хоанг Тхань Ня преподнести Сунам белого носорога и попросить текст великой Трипитаки... (1009 г.) Весна. [Ле] Минь Сьонг вернулся от Сунов. Добыл текст великой Трипитаки...» [10, с. 107].

Ксилографическое издание Большой «Трипитаки» неоднократно ввозилось из Китая во Вьетнам во времена династии Ли (1010–1225). По распоряжению императоров династии Ли с ксилографов снимались рукописные копии, которые вместе с оригиналом хранились в специально построенных библиотеках [11, с. 910]. При каждом новом поступлении буддийских классических книг создавалось новое книгохранилище [5, с. 278].

В исторических сочинениях присутствуют сведения о строительстве хранилищ для буддийских каноников:

«(1011 г.) ...Внутри города слева поставили палаты Дайтхань, справа возвели пагоду Вантуэ. Построили хранилище Чанфук...» [10, с. 120].

«(1018 г.) ...Лето. Шестая луна. Виенгвайланг Нгуен Дао Тхань и Фам Хак посланы к Сунам просить Трипитаку...».

«(1020 г.) Осень. Девятая луна. Посольство Нгуен Дао Тханя возвратилось.

Сумели обрести Трипитаку...» [10, с. 124–125].

«1021 г. Заложили восьмиугольное хранилище каноников» [10, с. 125].

«(1023 г.) ...Осень. Девятая луна. Отдали приказ переписать Трипитаку и поместить ее в хранилище Дайхынг...» [10, с. 126].

«(1027 г.) ...Осень. Восьмая луна. Издали указ переписать Трипитаку...» [10, с. 127].

«(1034 г.) Осень. Восьмая луна. Император почтил своим присутствием пагоду Чунгкуанг на горе Тиензу. Издали указ заложить сокровищницу Чунгхынг...».

«(1036 г.) Весна... Вторая луна. Издали указ переписать Трипитаку и поместить ее в сокровищницу Чунгхынг» [10, с. 143, 145].

Гора Тиензу (другие названия — гора Фаттить («След Будды»), Ланкха, Шайшон), упоминающаяся в тексте, находится на территории современной общины Фаттить уезда Тиензу провинции Бакнинь [10, с. 319]. Это один из знаменитых старинных буддийских центров, который и сегодня играет важную роль в буддийской культуре севера Вьетнама.

При династии Ли буддийские храмы были не только центрами религиозных упражнений для монахов и обычных людей, но и местами культурной деятельности, а также школами. Многие большие пагоды играли роль семинарий для обучения бонз и светских школ для детей. Базовое образование получали только дети: они выучивали наизусть молитвы, не понимая их [5, с. 278].

Кроме буддизма, во Вьетнаме получило распространение конфуцианство. В летописном своде сказано: «(1126 г.) ...Третья луна. Устроили церемонию пожалования пяти каноников в пагоде Тхотхань...» [10, с. 194]. Вероятно, речь идёт о конфуцианском «Пятикнижии», состоявшем из «Книги перемен» (Ицзин), «Книги песен» (Шицзин), «Книги документов» (Шуцзин), «Книги ритуалов» (Лицзи), хроники «Весны и осени» (Чуньцю).

Учёные, переведившие летописный свод на русский язык, так комментируют это сообщение: «Чрезвычайно интересная информация, свидетельствующая о тесном переплетении и взаимопроникновении буддизма и конфуцианства в период Поздних Ли: конфуцианские каноны “презентуют” в буддийской пагоде...» [10, с. 356].

А.Л. Федорин отмечает, что «все вьетнамские императоры, по крайней мере двух первых полноценных династий (Поздние Ли (1010–1225) и Чан (1225–1400)), безусловно, были убеждёнными приверженцами буддизма и глубоко верующими людьми, как и подавляющее большинство населения страны, представляющего самые разные сословия. Поэтому борьба при Ли Тхань-тонге (годы правления: 1054–1072) велась отнюдь не с буддизмом как таковым, а церковной организацией, пронизавшей всё вьетнамское общество, с самостоятельными и независимыми буддийскими школами, которые, как показали события начала XI в., могли играть важную политическую роль, оказывать влияние на умонастроения в обществе и даже быть основой для заговоров и мятежей» [12, с. 25–26]. «Длительное правление императора Ли Нян-тонга (годы правления: 1072–1128) ознаменовало собой пик могущества династии Поздние Ли. Страна приобрела черты централизованной дальневосточной деспотии, основанной на имперско-конфуцианских принципах создания и функционирования государства, в котором все процессы были строго централизованы. Адепты буддийского и даосского культа были вписаны в общую систему (патриархами буддистов становились сами императоры), а те, кто с этим не соглашался, подвергались жестокому гонению, которые не прекращались на протяжении всего правления Ли Нян-тонга. Причём проходило всё это на фоне массового строительства буддийских культовых сооружений (прежде всего от имени матери императора — известной раньше как супруга Илан), активного участия

императорского двора в буддийских ритуалах (создание собственноручных надписей на стелах и колоколах, молебны о ниспослании дождя или сухой погоды и т.п.)» [12, с. 35–36].

В результате трёх нашествий монгольских армий Вьетнам был разорён и опустошён. Погибли и все книжные собрания страны. После установления мира с династией Юань (1271–1368) только что вступивший на престол Чан Ань-тонг (годы правления: 1293–1314) в 1295 г. просил прислать экземпляр Большой «Трипитаки» [11, с. 910].

Не имеющая китайского аналога новая школа *тхиен — чук-лам* — была создана в середине XIII в. Основателем школы *чук-лам* является император Чан Нян-тонг (годы правления: 1279–1293), принявший в монашестве имя Чук-лам дай ши («Великий муж из бамбукового леса»), однако все основы школы были заложены выдающимся представителем средневекового вьетнамского *тхиен*, сыном знаменитого полководца и национального героя Вьетнама Чан Куок Туана, принцем Хынг Нионгом (фамильное имя Куок Танг, почётный титул Туе-чунг тхыонг ши («Высший муж мудрости и преданности»)) [8, с. 89].

В 1293 г. Чан Нян-тонг отрекся от престола, в 1299 г. принял постриг и удалился на гору Иенты (на территории современной провинции Куангнинь). Находившаяся там обитель была одним из центров вьетнамского буддизма. Будучи активным проповедником, Чан Нян-тонг в 1304 г. предпринял поездку по стране с целью распространения моральных предписаний буддизма [11, с. 910].

С расцветом школы *чуклам* было построено множество храмов и пагод. В 1329 г. два больших ансамбля пагод были построены в Баоане и Куиньламе: пять башен, двести учебных классов и залов собраний монахов. Только при пагоде Баоан в Тханглонге в 1314 г. было выстроено 33 сооружения, в том числе алтари, библиотеки, учебные классы и залы собраний. Все пагоды наделялись обширными

земельными владениями. Кроме того, всякий раз, когда строилась пагода или воздвигалась статуя, император и сановники подносили ей дары деньгами и натурой. Для ознакомления с буддийскими книгами устраивались праздники, а многие буддийские тексты и документы были напечатаны [5, с. 247–248].

С созданием школы *чуклам* различные течения буддизма *тхиен* были объединены, однако преемственность наставников в её рамках продлилась лишь три поколения. Вторым патриархом школы *чуклам* стал ученик Чан Нян-тонга — Фап Лоа (1284–1330), которому в 1308 г., незадолго до своей смерти, Чан Нян-тонг подарил 100 коробок книг «внешнего» учения (т.е. небуддийских книг), среди которых были конфуцианская классика и исторические сочинения, а также 20 коробок книг Большой «Трипитаки», переписанных его кровью. Подарок был сделан, как свидетельствует хроника, с тем, чтобы новоиспечённый патриарх развивал свой кругозор и учёность как во внешних науках, так и во «внутреннем» учении [11, с. 910].

В конце XIV в. во Вьетнаме усилилось неоконфуцианство. Буддизм не исчез из культурной жизни страны, имелись периоды его усиления и увеличения негативного отношения властей. Как отмечают исследователи, в настоящее время буддисты представляют наиболее многочисленную религиозную общину СРВ: до половины населения страны в той или иной степени разделяют учение буддизма махаяны [11, с. 913].

По словам Е.А. Торчинова, влияние буддизма на традиционную культуру Вьетнама было несомненным и постоянным фактором, без ясного осознания которого невозможно плодотворное изучение вьетнамской классической культуры. Прежде всего через буддизм Вьетнам ознакомился с достижениями культур Индии и Китая, внесших огромный вклад в становление его собственной культурной традиции [8, с. 107].

Ранние вьетнамские библиотеки были связаны с буддизмом. В дальнейшем,

как отмечает Нгуен Тхи Донг, определённым этапом в подготовке библиотекарей во Вьетнаме становятся первые курсы помощников библиотекарей из местных жителей, которые были организованы французскими колонизаторами (почти целое столетие (1858–1945) Вьетнам был колонией Франции). В области культуры и образования французские колонизаторы вели политику обскурантизма и порабощения. Поэтому на весь Вьетнам было всего три публичные библиотеки. Право пользования библиотеками имели французские служащие, офицеры и солдаты колониальных войск, а из вьетнамцев лишь местные помещики и представители интеллигенции. Для народа не было ни одной библиотеки. Квалифицированные библиотекари, работавшие в этих библиотеках, были лишь французы. Библиотекари-аборигены были ограничены в количестве, выполняли лишь функции помощников библиотекарей, ибо они проходили только краткосрочные библиотечные курсы. Всё же в период с 1931 по 1945 г. было подготовлено на 13 краткосрочных курсах обучения примерно 220 библиотекарей и архивистов, главным образом специализировавшихся на расстановке книг, классификации и описании произведений печати. Однако эти курсы внесли большой вклад в создание первых групп профессиональных библиотекарей Вьетнама, которые играли важную роль в управлении библиотечным делом после победы Августовской народно-демократической революции [4, с. 20–21].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. М.; Л., 1959.
2. *Gaspardone E.* Bibliographie annamite // BEFEO (Hanoi). 1934. Т. 34.
3. *Никулин Н.И.* Вьетнамская литература. X–XIX вв. М., 1977.
4. *Нгуен Тхи Донг.* Подготовка библиотечно-информационных кадров во Вьетнаме. М., 2006.

5. Швейер А.-В. Древний Вьетнам. М., 2014.
6. Cadiere L., Pelliot P. Premier etude sur les sources annamites de l'histoire d'Annam // BEFEO (Hanoi). 1904. Т. 4.
7. Tran Van Giap. Le bouddhisme en Annam des origines au XIII siècle // BEFEO (Hanoi). 1932. Т. 32.
8. Торчинов Е.А. Буддийская школа тхиен : Становление и история развития // Кунсткамера : Этнографические тетради. СПб., 1993. Вып. 2–3.
9. Философия буддизма : Энциклопедия. М., 2011.
10. Полное собрание исторических записок Дайвьета / пер. с ханвьета и коммент. К.Ю. Леонова и А.Л. Федорина при участии М.Ю. Ульянова ; предисл., вступ. ст. и прил. А.Л. Федорина. М., 2012. Т. 3.
11. Благов С.А., Никитин А.В. Буддизм во Вьетнаме // Философия буддизма. С. 906–914.
12. Федорин А.Л. Некоторые проблемы истории Вьетнама X–XIII вв. // Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. 3. С. 11–38.

ОБЗОР МОНОГРАФИИ «ЯПОНСКИЕ КНИГИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ФОН ЗИБОЛЬДА. КАТАЛОГ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

АННОТАЦИЯ

Данная статья является обзором вышедшей в Японии в 2014 г. монографии «Японские книги из коллекции фон Зибольда. Каталог и дальнейшие исследования». Эта монография состоит из двух частей (каталога книг из коллекции знаменитого немецкого учёного и исследовательской части) и является результатом работы многочисленных исследовательских центров при университетах, библиотеках и институтах Америки, Европы и Азии.

Ключевые слова: Филипп Франц фон Зибольд, Япония, Библиотека Российской академии наук, коллекционирование, японские книги, Лейден, каталог.

В 2016 г. в Отдел литературы стран Азии и Африки (ОЛСАА) Российской Академии наук поступила монография на японском языке «Японские книги из коллекции фон Зибольда. Каталог и дальнейшие исследования» («Си:боруто нихон сёсэки корэкусён гэндзон сёмокуроку то кэнкю:») [1]. Монография была издана в 2014 г. Национальным институтом японской литературы в сотрудничестве с Национальным институтом гуманитарных наук (издательство «Бэнсэй сьюппан»). В предисловии говорится о том, что данный каталог является результатом работы многочисленных исследовательских центров при университетах, библиотеках и институтах Америки, Европы и Азии.

Немецкий учёный Филипп Франц фон Зибольд (1796–1866) — один из главных исследователей Японии в XIX в., до сих пор пользующийся большим авторитетом. Зибольд в качестве врача пребывал в Нагасаки, на острове Дэсима, где жили голландцы, с 1823 по 1829 г., в то время, когда Япония была закрыта для всего мира. Во время своего шестилетнего пребывания в Японии он стал широко известен благодаря бескорыстному оказанию медицинской помощи японцам. Кроме того, он познакомился с японскими

учёными, представил им новые медицинские техники, особенно в области акушерства и анестезии, открыл первую школу европейской медицины в Японии, где читал лекции японским студентам. Зибольду удалось собрать огромную коллекцию японских вещей и, не без большого скандала, вывезти её в Голландию. На основе этой коллекции учёный выпустил несколько фундаментальных работ по флоре, фауне и этнографии Японии [2].

Значительную часть японской коллекции Зибольда занимает собрание книг. Отличительной чертой этого собрания является всеохватывающее разнообразие. Это объясняется тем, что учёному было поручено собрать как можно больше информации о Японии, что впоследствии могло помочь в расширении торговли с этой страной. Зибольд собирал японские книги по ботанике, географии, истории, лингвистике, литературные произведения, *эхон* (книги с картинками), словари. В 1845 г. учёный также составил каталог своей коллекции японских книг, выстроенный по одиннадцати специализациям. Скорее всего, данный каталог является первым, изданным за пределами Японии классифицированным каталогом

японских книг. Из каталога следует, что большая часть книг, входивших в собрание, была посвящена истории и географии. Второе место по численности занимали естественные науки.

Сейчас львиная доля коллекции японских книг Зибо́льда находится в Голландии, в г. Лейден, в двух местах: в Университетской библиотеке и в Национальном музее этнологии, причём в библиотеке хранятся в основном книги по науке. Литературные произведения, *эхон* и им подобное почти целиком входят в музейное собрание. Книги были разделены между двумя учреждениями по инициативе Линдора Серюрьё (1846–1901), который занимал тогда пост директора музея этнологии. Бывший студент немецкого лингвиста Иоганна Йозефа Хоффмана (1805–1878), помогавшего Зибо́льду в составлении каталога, Серюрьё передал часть книг Университету в знак почтения к преподавателю. Книги из коллекции Зибо́льда, хранящиеся в других странах (кроме Франции), являются по большей части дублетами [3, с. 225].

Интересно отметить, что сам Зибо́льд старался представить своё собрание японских книг не как коллекцию произведений искусства, а как библиотеку для практического использования востоковедами-любителями, географами и этнографами. Этим объясняется тот факт, что в коллекцию учёного попало не так много действительно редких японских книг, а обложки некоторых произведений XVII в. были беспощадно заменены на новые ещё в Японии [4, с. 42]. Это наглядно показывает намерения Зибо́льда вполне практично использовать свою японскую библиотеку.

Монография «Японские книги из коллекции фон Зибо́льда. Каталог и дальнейшие исследования» состоит из двух частей: собственно каталога и исследовательской части. В каталоге представлены книги, приобретённые Зибо́льдом во время его первого пребывания в Японии (1823–1830) и хранящиеся сейчас в Университетской

библиотеке и Национальном музее этнологии в Лейдене, Национальной библиотеке Австралии, Парижской национальной библиотеке, Датском национальном музее и в Британской библиотеке. Нумерация книг в каталоге сквозная и состоит из 792 наименований (каждый пункт включает транслитерацию названия). Каталог снабжён алфавитным и именованным указателями.

В исследовательской части представлены статьи, посвящённые коллекциям японских книг Зибо́льда (в основном из Национального музея этнологии в Лейдене), а также собраниям других европейцев — Генриха Бургера и Яна Овермеера Фишера, побывавших в Японии примерно в это же время и собравших свои коллекции японских предметов, включая книги. Судзуки Дзюнси — бывший заместитель директора Национального института японской литературы — утверждает, что исследование собрания японских книг из коллекции Зибо́льда началось в 2008 г. С тех пор удалось накопить немало материала, выявить значительное количество книг Зибо́льда в собраниях библиотек, институтов и музеев Европы и Азии, что закономерно привело к созданию данного каталога. В сопутствующих статьях уделено внимание не только содержанию книг из коллекции Зибо́льда, но также их внешнему виду, формату и качеству бумаги, печатям и надписям на них. На первых страницах монографии представлены фотографии обложек и фрагментов некоторых книг коллекции, титульный лист каталога, составленного самим Зибо́льдом, а также портрет немецкого учёного, изображённого в полный рост. Этот портрет был выполнен японским ботаником и зоологом Ивасаки Цунэмаса (Кан'Эн) (1786–1842), который встречался с Зибо́льдом в Эдо (Токио) в 1826 г. во время пребывания там голландского посольства из Нагасаки [5, с. 1–2]. Целью посольства было выражение почтения *сёгуну* (1), принесение даров, а также доклад директора фактории Дэсима о состоянии торговли между Голландией и Японией. Делегация

проехала в Эдо 37 дней [6]. Это была самая продолжительная поездка голландского посольства за всё время. При этом Зибольд хотел задержаться в столице ещё дольше, однако ему было отказано. Тем не менее, большую часть своей коллекции немецкий учёный собрал именно за время путешествия в Эдо, принимая подарки от многочисленных пациентов, которых он лечил по пути, и обмениваясь знаниями с японскими учёными по медицине, географии, ботанике и т.д. У Зибольда абсолютно не было свободного времени из-за большого числа людей, искавших встречи с ним.

В последнее время наблюдается рост интереса к коллекциям Зибольда и его наследию. Монография «Японские книги из коллекции фон Зибольда. Каталог и дальнейшие исследования» является частью той интенсивной работы, которая проводится в этом направлении. Например, совместную исследовательскую работу ведут такие японские организации, как Национальный музей японской истории, Национальный институт японской литературы, Национальный музей этнологии, Институт историографии (Токийский университет). Их цель состоит в исследовании связанных с Японией документов и артефактов, находящихся за пределами страны. С 2010 г. внимание этих организаций сосредоточено на тщательном изучении коллекций семьи Зибольда. Работа проходит на международном уровне. Проводятся симпозиумы и конференции, идёт подготовка статей, монографий и каталогов (2). По всей видимости, монография, о которой говорится в данной статье, является

результатом именно этого большого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Сёгунны* — верховные главнокомандующие императорскими военными делами. Держали в руках реальную политическую власть с 1192 по 1868 г.
2. URL: https://www.rekihaku.ac.jp/education_research/research/list/joint/2010/siebold/index-e.html

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Си:боруто нихон сёсэки корэкусён гэндзон сёмокуроку то кэнкю : Japanese books in the Von Siebold collection : a catalog and further research. Токио : Бэнсэй сьуппан, 2014. 680 с. Кн. на яп. яз.
2. *Kouwenhoven A., Forrer M.* Siebold and Japan. His life and work. Leiden, 2000.
3. *Suzuki J.* Books collected by Siebold during his first stay in Japan // Siebold's vision of Japan. International symposium proceedings. National institute of Japanese literature. 2015. P. 223–228. URL: http://www.rekihaku.ac.jp/education_research/research/list/joint/2010/siebold/img/oc20150331/en/005.pdf
4. *Brown Yu-Ying.* The von Siebold Collection from Tokugawa Japan // The British Library Journal. 2 (1976). P. 38–55.
5. *Rudolph R.C.* Illustrations from Weinmann's «Phytanthoza iconographia» in Iwasaki's «Honzo : zufu» // Huntia. A yearbook of botanical and horticultural bibliography. Vol. 2. Pittsburg: Carnegie institute of technology, 1965.
6. Siebold's Japan. Siebold Memorial Museum. Nagasaki.

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
НА РУКОПИСЬ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ
«ХРИСТИАНСКАЯ КНИГА НА ИНДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ XVI–XVII ВЕКОВ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ»

АННОТАЦИЯ

Рецензируемый ретроспективный библиографический указатель В.В. Донских отражает христианскую литературу на индийских языках XVI–XVII вв. Библиографическая реконструкция издательского репертуара индийской первопечатной книги позволяет собрать воедино материал, что в дальнейшем даст возможность изучать его в самых разных научных аспектах — книговедческом, культурологическом, историко-книжном, издательском, религиоведческом, историческом и др.

Ключевые слова: христианская литература на индийских языках, история книжной культуры Индии, XVI–XVII вв., миссионеры ордена иезуитов в странах Востока, христианская книга в Индии.

Указатель содержит описания 28 христианских книг на индийских языках XVI–XVII вв., хранящихся в десяти зарубежных библиотеках и описанных по 13 библиографическим зарубежным указателям, каталогам, историческим и историко-библиографическим исследованиям.

Составитель указателя — н. с. ОЛСАА В.В. Донских — в этой работе продолжил подробное описание первопечатных книг Индии по христианской тематике, появление которых связано с деятельностью в этой стране ордена иезуитов.

Ракурс научной проблематики указателя позволяет расширить рамки представлений о становлении печатной книжной культуры в Индии, а также обеспечивает научную новизну и практическую значимость рецензируемой работы.

Актуальность указателя в том, что он касается христианской миссионерской деятельности иезуитов в Индии; это выводит его за узкие рамки собственно библиографического указателя и переводит в общеисторический и культурологический контекст. В ходе общения с местным населением, помимо собственно

миссионерской деятельности, иезуитам приходилось обстоятельно изучать языки, наречия и диалекты, составлять миссионерские пособия на языках коренных народов.

Помогали иезуиты и дипломатическим и научным миссиям разных европейских стран, в том числе и России, устанавливать контакты с труднодоступными для общения восточными государствами. Достаточно упомянуть о поездке в первой половине XVIII в. в Китай академического комиссионера Лоренца Ланга, который стал русским резидентом при китайском дворе и в будущем способствовал установлению книгообмена Российской Академии наук с Китаем (известно, что он неоднократно привозил и присылал оттуда ценные издания). Помощь в этом оказывали ему именно иезуиты.

Тем не менее, отсутствие ретроспективного библиографического учёта продукции первопечатной волны христианской литературы в Индии, что было обусловлено различными политическими причинами, сдерживает изучение многих аспектов книгоиздательской и

миссионерской деятельности первых европейских исследователей Востока. Отрадно, что БАН предлагает научному сообществу уже второй указатель, который позволяет собрать вместе часть первопечатной христианской продукции одного из восточных регионов мира (в данном случае Индии). Этот указатель прокладывает путь к аналогичной обработке сведений о христианских книгах, изданных иезуитами в других странах Востока и другими миссиями, что в дальнейшем позволит классифицировать и обобщить полученные сведения.

Вводная часть указателя дает представление о принятых автором принципах отбора и описания изданий, а также поднимает источниковедческие проблемы изучения первопечатной христианской книги в Индии.

Исторический обзор, предваряющий свод описаний, даёт сжатые сведения о введении и развитии христианского книгопечатания в Индии, основных деятелей книгопечатания ордена иезуитов, политических условиях, которые обуславливали историю первопечатной книги в этой стране.

Основная часть указателя ценна тем, что подробное описание изданий (28 ед.) снабжено в примечании сведениями о значимости книги, истории подготовки её рукописи и печатного варианта, судьбе автора, переводчика, составителя или печатника, судьбе отдельных экземпляров.

Справочный аппарат библиографического указателя довольно подробный. В нём имеются указатели заглавий, именно, предметный, а также приведены списки указателей и каталогов, которыми пользовался составитель при подготовке работы, а также указатель библиотек (10), в которых в настоящее время числятся дошедшие до нас индийские христианские первопечатные издания. Список использованной литературы насчитывает 27 изданий. Дата публикации использованных источников лишней раз свидетельствует о постепенном усилении интереса к тематике указателя.

Справочный аппарат позволяет извлечь дополнительные сведения о степени редкости собранного в указателе библиографического материала. Так, например, просматривая указатель мест хранения описываемых изданий на индийских языках, мы видим, что даже самые знаменитые мировые книжные собрания обладают лишь крупными экземплярами этого книжного богатства. Всего по одному экземпляру этих изданий хранится в библиотеке Гарвардского университета, библиотеке Оксфордского университета (Школа восточных и африканских исследований), Муниципальной библиотеке Шалон-сюр-Марн (Франция), Фонтанной библиотеке Шантильи (Франция), Королевской библиотеке Копенгагена. По два экземпляра есть только в двух библиотеках — Бодлеанской библиотеке в Оксфорде и библиотеке Ватикана в Риме. На этом фоне четыре экземпляра Центральной библиотеки Панаджи в Гоа и Национальной библиотеки в Лиссабоне выглядят настоящим сокровищем!

Приведённые сведения лишь подчёркивают актуальность проведённой автором библиографической реконструкции, давшей возможность собрать воедино переводные труды европейских миссионеров, проповедовавших в Индии, представив этот массив на индийских языках как единое целое. Это не просто важно как библиографическая задача. Основной исторический смысл подобного исследования видится в том, что это целое теперь можно изучать в самых разных научных аспектах — книговедческом, культурологическом, историко-книжном, издательском, религиоведческом, историческом и др.

Жаль, что автор из скромности умолчал о том, что данный указатель является продолжением его предыдущей работы, что лишает исследователей, ещё не знакомых с творчеством В.В. Донских, возможности сразу охватить проблему с нескольких сторон.

Можно пожалеть также и о том, что во втором своём указателе автор привёл

Рецензии

лишь одну иллюстрацию (редчайшее издание *Doctrina Christãa* на тамильском языке малабарскими буквами). Конечно, это очень ценный книговедческий материал, но сопоставление нескольких иллюстраций могло бы дать возможность увидеть определённые оформительские закономерности. Ведь ценность этого иллюстративного материала в том, что все издания, описанные в указателе, в высшей степени редкие и увидеть их не представляется возможным. В мире таких изданий единицы, существенная часть к нашему времени утрачена, а те, что числятся как имеющиеся в библиотеках и коллекциях, в основном сохранились в единственном экземпляре. Кроме того, следует иметь в виду, что значительная часть каталогов и исследований, использованных В.В. Донских для выявления христианской книги на индийских языках, издана в XIX или

в середине XX в., что на современный момент гипотетически увеличивает возможность дополнительных утрат. Поэтому воспроизведение сохранившихся изображений титульных листов и первых страниц изданий чрезвычайно ценно.

В целом библиографический труд н.с. ОЛСАА В.В. Донских станет весомым вкладом в изучение начального периода индийского книгопечатания. Можно надеяться, что автор на этом не остановится, и за этой работой последует серия аналогичных указателей, посвящённых первопечатной христианской книге других восточных регионов и временных периодов.

Указатель представляет интерес как для специалистов в разных областях знания, так и для широкой аудитории и может быть рекомендован к печати.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

Из истории библиотек

Скворцова О.В., Клементьев А.К. Библиотека Спасо-Преображенского Валаамского монастыря в Финляндии в 1933–1939 годах (состав и изучение фондов)

Скворцова Ольга Владимировна — кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: niteroy@rambler.ru;
skvor_rasl@yahoo.com

Клементьев Александр Константинович — исследователь истории Русской Православной Церкви в России и в эмиграции в конце XIX–XX вв.

Skvortsova O., Klementyev A. The Valaam monastery of Transfiguration of the Saviour in Finland library in 1933–1939 (the stock structure and research)

Skvortsova Olga — Candidate of Pedagogic Sciences, Deputy Director on Scientific Work
Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: niteroy@rambler.ru;
skvor_rasl@yahoo.com

Klementyev Alexander — Historian of the Russian Orthodox Church in Russia and Abroad in the Last Quarter of the 19th–20th centuries

ABSTRACT

The article deals with report on the Valaam male monastery of Transfiguration of the Saviour library stock, compiled by famous Slavonic scholar Maria Widnes in the summer of 1939, that published in Russian for the first time. During the Winter war of 1939–1940 major part of the library stocks moved deeper into the Finland and Valaam library ceased to exist in its present form. The published report gives an idea of the main library stock structure before 1939.

Keywords: Valaam monastery of Transfiguration of the Saviour in Finland, 1933–1939, library, stock research, Iuvian Krasnoperov, Maria Borisovna Widnes.

Соболев В.С. Из истории частных библиотек в России (по материалам журнала «Отечественные записки» за 1820 год)

Соболев Владимир Семёнович — доктор исторических наук, заведующий сектором Истории Академии наук

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской Академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Университетская наб., д. 5
e-mail: vlad_history@mail.ru

Sobolev V. From the History of Private Libraries in Russia (based on the materials of The Otechestvennye Zapiski magazine in 1820)

Sobolev Vladimir — Doctor of Historical Sciences, Head of Sector History of Academy of Sciences

Saint-Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology Russian Academy of Sciences
5, Universitetskaya emb., Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: vlad_history@mail.ru

ABSTRACT

The Otechestvennye Zapiski magazine published by well-known man of letters and historian P.P. Svinyin paid much attention to the problems of preservation of national cultural and scientific heritage and popularization of historical monuments.

A lengthy article of P.P. Svinyin about Moscow's private libraries, galleries, and collections was published in the first issue of magazine which came out in May 1820. The materials of this work of well-known cultural figure have substantial scientific significance.

Keywords: cultural development; cultural heritage; historical monuments; private libraries; The Otechestvennye Zapiski magazine;

activities of P.P. Svinyin; popularization of historical and scientific heritage.

Белова Л.Б., Ефимова Н.А. Записи на рукописных книгах Архангельского собрания БАН

Белова Людмила Борисовна — главный библиотекарь Научно-исследовательского отдела рукописей

Ефимова Наталья Алексеевна — главный библиотекарь Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург,

В.О., Биржевая линия, д. 1

e-mail: beloalb@list.ru;

naefimova@mail.ru

Belova L., Efimova N. The manuscript books with marginalia from Arkhangelsk's collection of RASL

Белова Людмила — Chief Librarian of the Research Department of Manuscripts

Ефимова Наталья — Chief Librarian of the Research Department of Manuscripts

Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,

St.-Petersburg, Russia, 199034

e-mail: beloalb@list.ru;

naefimova@mail.ru

ABSTRACT

Arkhangelsk's collection is the largest territorial collection held by RASL that counted of 1217 units. The peculiarity of this collection is the books from monasteries and parish churches of the diocese. The article provides an overview of different types of marginalia in the manuscripts from this collection. The article based on the report presented by authors at the scientific conference devoted to the 100th anniversary of Alexander Ilyich Kopanev held on September 23–24, 2015 in RASL.

Keywords: Arkhangelsk diocese, RASL Arkhangelsk's collection, manuscripts with marginalia, cryptography.

Научные исследования

Андреева Н.С. Франческо Альгаротти и его «Путешествие в Россию»: к истории одной книги

Андреева Наталия Сергеевна — доктор исторических наук, старший научный

сотрудник Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург,

В.О., Биржевая л., д. 1

e-mail: iskjul@gmail.com

Andreeva N. Francesco Algarotti and his «Travels in Russia»: to the history of one book

Andreeva Nataliya — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the Research Department of Bibliography and Library Science

Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,

St.-Petersburg, Russia, 199034

e-mail: iskjul@gmail.com

ABSTRACT

Some aspects of famous Italian enlightener Francesco Algarotti voyage to Russian Empire, described in his book «Travels in Russia» are analyzed in the article. His route from Britain to Saint-Petersburg, image of Saint-Petersburg and Russian Empire in his book in comparison with image of Russia in other foreign travelers' works of 18th–19th centuries as well is considered.

Keywords: Francesco Algarotti, Anna Ioannovna, Anna Leopoldovna, Augustus III, Antioch Kantemir, image of Saint-Petersburg, image of Russian Empire, Alexander Pushkin, voyages, foreigners about Russia, Reval, Great Britain, Enlightenment, Russian Empire.

Вознесенская И.А. Подносной экземпляр трактата «О народном просвещении и правосудии» Михайлы Аврамова из собрания БАН

Вознесенская Ирина Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург,

В.О., Биржевая линия, д. 1

e-mail: voznesen@list.ru

Voznesenskaia I. Presentation copy of Treatise «On the public education and justice» by Mikhailo Avramov from RASL's collection

Voznesenskaia Irina — Candidate of Historical Sciences, Scientific Researcher of Research Department of Manuscripts Russian Academy of Sciences Library 1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island, St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: voznesen@list.ru

ABSTRACT

The main manuscript collection of the Russian Academy of Sciences Library contains the presentation copy of the treatise «On a public education...» (1.5.54) made by director of the St. Petersburg typography Mikhailo Avramov for Emperor Peter II. This copy is author's edition of the plan of reforms. Despite the fact that Avramov's plans of reforms were well-known in historiography of mid-19th century our copy remained unknown for researchers.

Keywords: treatise on education, Mikhailo Avramov, presentation copy, Peter II.

Высоцкая С.В. Издания «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны» и их библиографическое отражение

Высоцкая Светлана Владимировна — ведущий библиограф Справочно-библиографического отдела

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: sbo@rasl.nw.ru

Vysotskaya S. The publications of the «Extraordinary Commission of Inquiry appointed to investigate the violations of the laws and customs of war» and its bibliographic reflection

Vysotskaya Svetlana — Heading Bibliographer of the Reference and Bibliography Department

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: sbo@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The publications of Extraordinary Commission of Inquiry appointed to investigate the violations of the laws and customs of war (1915–1917) are reviewed as well as the discrepancies in its bibliographic descriptions in the catalogues of the main Russian libraries and in other printed and electronic sources. The examples of difficul-

ties appearing while searching and using the publications by researchers are shown. A certain part of publications have suggested that it should be regarded as a serial edition. The issues held by RASL are described.

Keywords: Extraordinary Commission of Inquiry appointed to investigate the violations of the laws and customs of war (1915–1917), World War I, war crimes, NLR, RSL, RASL, SHPL, bibliographic description, bibliography, library catalogues, serial edition, series.

Омельченко Д.М. Рерихи и их идейное наследие в систематическом каталоге БАН

Омельченко Дарья Михайловна — кандидат исторических наук, заведующий сектором Отдела научной систематизации литературы

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая линия, д. 1
e-mail: dorothe_om@mail.ru;
onsl@rasl.nw.ru

Omelchenko D. Roerich family and their ideological heritage in the systematic catalogue of Russian Academy of Sciences Library

Omelchenko Darya — Candidate of Historical Sciences, Head of Section of Department of Systematic Catalog

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: dorothe_om@mail.ru;
onsl@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article deals with the question of indexation of Roerich family ideological heritage and Roerichism's literature in the Russian Academy of Sciences Library systematic catalogue. Till now there was a practice to refer this literature to the new Indian philosophy. This practice does not reflect the complexity of Roerichism ideological foundations. It is proposed to put these books in the section «Theosophy».

Keywords: Library-Bibliographical Classification, Roerich family, Roerichism, Western Esotericism, religion, philosophy.

Панченко Ф.В. К истории русского монашества на Святой земле в первой поло-

вине XIX века. (Рукопись архимандрита Арсения)

Панченко Флорентина Викторовна – кандидат искусствоведения, заместитель директора по науке Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: imb@rasl.nw.ru;
pflorentina@mail.ru

Panchenko F. On the history of Russian monasticism in Holy Land in the first half of the 19th century. (Manuscript of Archimandrite Arseny)

Panchenko Florentina – Candidate of Art Criticism, Deputy Director for Science Institute of Russian literature (Pushkin house) RAS, Scientific Researcher of the Research Department of Manuscripts

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: imb@rasl.nw.ru; pflorentina@mail.ru

ABSTRACT

The object of investigation is a newly discovered document from academician N.K. Nikolsky collection (Russian Academy of Sciences Library, Department of Manuscripts). The manuscript linked with archimandrite Arseny – the founder of Jerusalem Metochion in Moscow, who spent his last years in the monastery of Saint Sava in Sinai. In 1844 Arseny presented his own old Russian orthodox chants manuscript to Porfery (Uspensky) during his visit to Sinai.

Keywords: history, Russian monasticism, Sinai, manuscripts, chants, pilgrimage, religious poems, church traditions, archives.

Скрьдлов А.Ю. Книга И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства» (к 290-летию создания рукописи)

Скрьдлов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора Истории Академии наук

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
199034, Санкт-Петербург,

В.О., Университетская наб., д. 5
e-mail: askrydlov@gmail.com

Skrydlov A. «The Flourishing Condition of the Russian State» by Ivan Kirillovich Kirilov (on the Occasion of the 290th Anniversary of the Manuscript)

Skrydlov Andrey – Candidate of Historical Sciences, Scientific Researcher of Sector for Academy of Sciences' History

Saint-Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology Russian Academy of Sciences
5, Universitetskaya emb., Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: askrydlov@gmail.com

ABSTRACT

The article analyzes the book «The Flourishing Condition of the Russian State» by Ivan Kirillovich Kirilov. This work marked an important milestone in the development of statistical science in Russia. The conducted research allowed making the conclusion that I.K. Kirilov using new methods of systematization created a unique scientific work for that time.

Keywords: Petrine Russia, history of Russian statistics, Ivan Kirillovich Kirilov, «The Flourishing Condition of the Russian State», statistical description of the provinces.

Фялко М.М. Четыре портрета месмеризма эпохи расцвета: об одном конволюте из собрания Н.А. Кушелева-Безбородко в фондах редкой книги БАН

Фялко Матвей Михайлович – кандидат философских наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая линия, д. 1
e-mail: mathew@list.ru

Fialko M. Four portraits from the golden age of Mesmerism: concerning a convolute from the library of N.A. Kushelev-Bezborodko in the funds of Russian Academy of Sciences Library Rare Book Department

Fialko Matvey – Candidate of Philosophical Sciences, Scientific Researcher of the Research Department of Rare Book

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,

St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: mathew@list.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the study of convolute 6134.q/528-R from the library of N.A. Kuschlev-Bezborodko in the funds of the Russian Academy of Sciences Library Rare Book Department, comprising four treatises written by two adherents and two adversaries of Mesmer's doctrine. The author regarded it as a valuable source for the early history of magnetism.

Keywords: philosophy, enlightenment, esotericism, mesmerism, magnetism, Franz Mesmer, Nikolaj Aleksandrovich Kushelev-Bezborodko.

Юсупов Р.М., Вус М.А. О государственной тайне: история и современность

Юсупов Рафаэль Мидхатович — член-корреспондент РАН, директор

Вус Михаил Александрович — кандидат технических наук, старший научный сотрудник

Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН (СПИИРАН)

199198, Санкт-Петербург,
В.О., 14 линия, д. 39
e-mail: spiiran@iias.spb.su;
mixail-vys@mail.ru

Yusupov R., Vus M. About state secrets: the history and present

Yusupov Rafaehl' — Corresponding Member of RAS, Director

Vus Mihail — Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher

St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences (SPIIRAS)

39, 14 liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199198
e-mail: spiiran@iias.spb.su;
mixail-vys@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the features of state secrets protection system in the USSR. The landmark political events at the turn of the 90s, contributed to changing views on the institution of state secrecy are mentioned in the article. The formation of a legislative regulation in the sphere of public relations in the States — participants of the CIS is characterized. The authors pay attention to the contemporary socio-political realities, the relevance of improving

regulatory support of protection of state secrets to ensure national and collective security of the CSTO members States.

Keywords: state security, state secrets, state secrecy, legislation, national and model legislation, harmonization of legislation, CIS, CSTO.

Люди и книги

Батюто С.А. Ферапонт Иванович Седенко (Витязев) (1886–1938): Штрихи к биографии известного революционера, исследователя, библиографа, библиофила и издателя

Батюто Сергей Анатольевич — ведущий редактор Редакционно-издательского отдела

Библиотека Российской академии наук
199034 Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: SBatjuto@yandex.ru

Batyuto S. Ferapont I. Sedenko (Vityazev) (1886–1938): Strokes to the biography of famous revolutionary, researcher, bibliographer, bibliophile and publisher

Batyuto Sergey — Managing Editor of the Editorial and Publishing Department

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: SBatjuto@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with the publication of document from the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI) and the Department of Manuscripts of the Russian State Library (RGB OR). It represents a shortened biographical essay on Ferapont Ivanovich Sedenko (Vityazev), in the past prominent revolutionary-socialist, head of the publishing house «Kolos» (1918–1927).

Keywords: Ferapont I. Sedenko (Vityazev), biography, Party of Socialist Revolutionaries, Russian private book publishing in the first third of the 20th century, cooperative book publishing company «Kolos» (1918–1927).

Бекжанова Н.В., Комарова И.Н., Лазуркина В.Б. Римма Дмитриевна Масловец (1932–1995)

Бекжанова Наиля Вилевна — кандидат педагогических наук, заведующий Отделом научной систематизации литературы

Комарова Ирина Николаевна — кандидат медицинских наук, научный сотрудник Отдела научной систематизации литературы

Лазуркина Валентина Болеславовна — кандидат биологических наук, научный сотрудник Отдела научной систематизации литературы

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая линия, д. 1
e-mail: bekzan17@rambler.ru;
onsl@rasl.nw.ru

Bekzhanova N., Komarova I., Lazurkina V. Rimma Dmitrievna Maslovetz (1932–1995)

Bekzhanova Nailya — Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Systematic Catalog

Komarova Irina — Candidate of Medical Sciences, Scientific Researcher of Department of Systematic Catalog

Lazurkina Valentina — Candidate of Biological Sciences, Scientific Researcher of Department of Systematic Catalog

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: bekzan17@rambler.ru;
onsl@rasl.nw.ru

ABSTRACT

This article is a continuation of a series of essays on the Department of scientific systematization of literature Russian Academy of Sciences Library staff — contributors to the development and improvement of Library-Bibliographic Classification (BBK). The memoirs, archival and published sources were the basis for biographical essays.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library staff, Department of scientific systematization of literature, Library-Bibliographic Classification (BBK).

Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в формировании Е.В. Гогель как крупного библиотечного работника

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор

кафедры Гуманитарные и естественно-научные дисциплины

Филиал Южно-Уральского государственного университета (НИУ)

в г. Нижневартовске
628615, Тюменская область,
г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 9
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

Mitrofanov V. The role of S.F. Platonov in developing E.V. Gogel into a prominent library worker

Mitrofanov Viktor — Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Natural-Scientific Disciplines Branch of South Ural State University (NIU) in Nizhnevartovsk

9, Mira street, Nizhnevartovsk,
Tyumen region, Russia, 628615
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

ABSTRACT

An example of E.V. Gogel's fate, which began actively working as a librarian under the leadership of S.F. Platonov in the Women's Pedagogical Institute, her transformation from the ordinary librarian into a prominent Russian library figure in the first years of Soviet period can be retraced. E.V. Gogel most clearly showed her talent for organization and high level of professionalism in Vyatka regional library, and then in a number of Moscow libraries.

Keywords: S.F. Platonov, E.V. Gogel, library, library courses, Women's Pedagogical Institute, Vyatka library, correspondence.

Самара Л.О. Руководители Кабинета библиотекосведения БАН, 1955–2015

Самара Людмила Орестовна — главный библиотекарь Кабинета библиотекосведения Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотекосведения Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая линия, д. 1
e-mail: sonysamlu@gmail.com

Samara L.O. The Heads of the Cabinet of Library Science RASL, 1955–2015

Samara Ludmila — Chief Librarian Cabinet of Library Science of the Scientific Research Department of Bibliography and Library Science

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,

St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: sonsamlu@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to the activity of the heads of Cabinet of Library Science RASL from its formation until now.

Keywords: Academy of Sciences Library, Cabinet of Library Science, Cabinet of Library Science's History, Heads of the Cabinet of Library Science.

Восток и книга

Донских В.В. Ретроспективный библиографический указатель христианской книги на индийских языках XVI–XVII вв.

Донских Владимир Викторович — кандидат педагогических наук, научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая линия, д. 1
e-mail: donskikh.india@mail.ru;
donskikh53@mail.ru

Donskikh V. Retrospective bibliography of Christian books in Indian languages of 16th–17th centuries

Donskikh Vladimir — Candidate of Pedagogical Sciences, Scientific Researcher of Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhvaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: donskikh.india@mail.ru;
donskikh53@mail.ru

ABSTRACT

The spread of Christianity by Jesuit missionaries in India gave a unique result in the form of early Christian printed books in Indian languages.

The author compiled a retrospective bibliography of early Christian books in Indian languages of 16th–17th centuries on the basis of researched documents, catalogues and bibliographies.

Keywords: Portuguese India, Goa; Society of Jesus; Indian Christian books, Retrospective bibliography.

Киселёв А.А. Сравнение частотной лексики поэзии Мацуо Басё и антологии «Сто стихотворений ста поэтов»

Киселёв Антон Александрович — старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации
196210, Санкт-Петербург,
ул. Пилотов, д. 38
e-mail: kiseliov2a@mail.ru

Kiseliov A. The frequency lexis comparison of Matsuo Bashô's poetry and «One Hundred Poems by One Hundred Poets» Anthology

Kiseliov Anton — Senior Lecturer

Saint-Petersburg State University of Civil Aviation
38, street Pilotov, St.-Petersburg,
Russia, 196210
e-mail: kiseliov2a@mail.ru

ABSTRACT

The article makes a comparison between the two frequency dictionaries. The first dictionary is based on Matsuo Bashô's poetry and the second one is based on the anthology «One Hundred Poems by One Hundred Poets». The upper parts of these frequency dictionaries are rather different. Their comparison brings closer to understanding «poetic vision of the world».

Keywords: poetry, dictionary, frequency, rank, lexeme, haiku, tanka.

Кнорозова Е.Ю. Буддизм и ранние вьетнамские библиотеки

Кнорозова Екатерина Юрьевна — доцент Восточного факультета СПбГУ, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая линия, д. 1
e-mail: knorozova@yandex.ru

Knorozova K. Buddhism and the early Vietnamese libraries

Knorozova Katherine — Assistant Professor of the Faculty of Oriental Studies (Saint-Petersburg State University), Candidate of Philological Sciences, Scientific Researcher of Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhvaya liniya, Vasilievsky Island,

St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: knorozova@yandex.ru

ABSTRACT

Buddhism had a strong influence on the formation of all aspects of Vietnamese culture. The most popular were classic Buddhist books delivered from China, among them the copies of «Tripitaka». By order of the emperors of Ly Dynasty (1010–1225) Vietnamese scholars made handwritten copies of Buddhists books, originals and copies kept in the purpose-built libraries created for each new arrival of the Buddhist classic books. Monastic asceticism means the study of Buddhist doctrine, Buddhist texts, reading sutras, practice of contemplation.

Keywords: Buddhism, Vietnam, libraries, culture, book collection.

Семёнова А. С. Обзор монографии «Японские книги из коллекции фон Зибольда. Каталог и дальнейшие исследования»

Семёнова Анна Сергеевна — младший научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: inpu@mail.ru

Seменова А. Brief review of the monograph «Japanese books in the von Siebold collection: a catalogue and further research»

Seменова Анна — Junior Researcher of Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: inpu@mail.ru

ABSTRACT

This article is a brief review of monograph «Japanese books in the von Siebold collection: a catalogue and further research», which was published in Japan in 2014. This monograph consists of two parts (catalogue of famous German scientist book collection and research part) and appears to be the result of hard work of many universities, libraries and institutes of USA, Europe and Asia.

Keywords: Siebold, Japan, Japanese books, collecting, Russian Academy of Sciences Library, Leiden, catalogue.

Рецензия

Баженова Н.М. Научная рецензия на рукопись библиографического указателя «Христианская книга на индийских языках XVI–XVII вв.: Ретроспективный библиографический указатель»

Баженова Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, заведующий Научно-исследовательским отделом изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: n_bagenova@inbox.ru

Bazhenova N.M. Scientific review of the manuscript of bibliographic index «Christian books in Indian languages 16th–17th centuries: Retrospective bibliography»

Bazhenova Natalia — Candidate of Philological Sciences, Head of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: n_bagenova@inbox.ru

ABSTRACT

Reviewed retrospective bibliographical reference book of V.V. Donskikh reflects Christian literature in Indian languages, published in the 16th–17th centuries. Bibliographic reconstruction of the publishing repertoire of early printed books allows to put together a rare material that in the future will provide an opportunity to study it in various scientific aspects — bibliographic, cultural, historical book, publishing, theological, historical and others.

Keywords: Christian literature in Indian languages, history of book culture in India, 16th–17th centuries, Jesuits missionaries in the East, Christian book in India.